

Александр Мурин

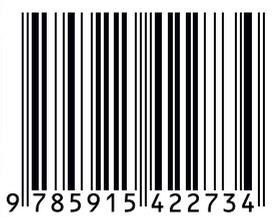
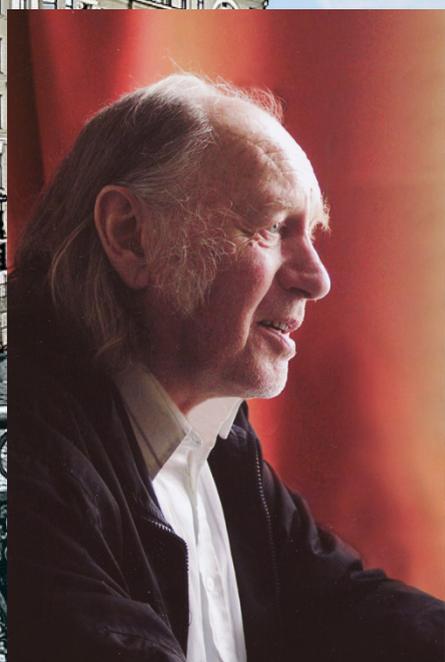
Записки капелльского очевидца

«Записки капелльского очевидца» – вторая книга рассказов петербургского хормейстера, педагога, эссеиста, историка музыки Александра Мурина, знакомого многим по радиопередачам и публикациям.

Александр Мурин родился в семье потомственных петербургских музыкантов в 1936 году. Окончил Хоровое училище при Капелле и Ленинградскую консерваторию. Его педагогами были крупнейшие деятели хорового искусства – профессора Г. А. Дмитриевский, А. Е. Никлусов, Е. П. Кудрявцева, П. А. Богданов.

В первой части книги собраны статьи об учителях, воспоминания о друзьях, капелльских мальчишках, о жизни Капеллы и Консерватории в XX веке. Во второй части нас ждут истории Александра Алексеевича, не вошедшие в первый сборник рассказов, выпущенный в 2011 году.

Александр Мурин

Записки
капельского
очевидца

Неслучайные
встречи

ББК 63.3(2)6-7
УДК 82-94(47)
М 913

Мурин, А. А.

М 913 Записки капелльского очевидца. Неслучайные
встречи / Александр Мурин. – Санкт-Петербург:
ООО «Студия „НП-Принт“», 2015. – 292 с., ил.

ISBN 978-5-91542-273-4

«Записки капелльского очевидца» – вторая книга рассказов петербургского хормейстера, педагога, эссеиста, историка музыки Александра Мурина, знакомого многим по радиопередачам и публикациям.

Александр Мурин родился в семье потомственных петербургских музыкантов в 1936 году. Окончил Хоровое училище при Капелле и Ленинградскую консерваторию. Его педагогами были крупнейшие деятели хорового искусства – профессора Г. А. Дмитриевский, А. Е. Никлусов, Е. П. Кудрявцева, П. А. Богданов.

В первой части книги собраны статьи об учителях, воспоминания о друзьях, капелльских мальчишках, о жизни Капеллы и Консерватории в XX веке. Во второй части нас ждут истории Александра Алексеевича, не вошедшие в первый сборник рассказов, выпущенный в 2011 году.

ББК 63.3(2)6-7
УДК 82-94(47)

ISBN 978-5-91542-273-4

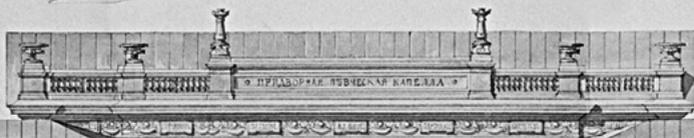
© А. А. Мурин, М. А. Мурина, 2015

Записки капелльского очевидца

Архитекторъ Мавриксъ Ковалевъ.

*Учреждена по плану и проекту Петра Павловича
Ивановича.
Въ Спб. 1880.
Составленъ Александромъ М. Ковалевымъ*

*Главный архитекторъ
на Мемор.*

Дрессъ Калочинъ

Дрессъ Басманъ

Александръ Гамбургеръ

Вместо предисловия

В 2012 году по радио «Петербург» прошел цикл моих передач «Имена на фронтоне Капеллы» (Д. С. Бортнянский, А. Ф. Львов, М. И. Глинка, Г. Я. Ломакин, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, П. И. Турчанинов, Н. М. Потулов).

А в конце 2013 года были повторены радионовеллы прежних лет о великих капелланах XX века «Лики Певческой капеллы» (П. А. Богданов, М. Г. Климов, Г. А. Дмитриевский, Е. П. Кудрявцева, Ф. М. Козлов, А. А. Егоров, А. Г. Мурин, А. Е. Никлусов).

Тексты этих передач я опубликовал в книге «Как очевидец», вышедшей в 2011 году в Петербурге в издательстве «Береста». Часть из них выложены в Интернете, на сайте capellanin.ru.

О многих капелланах, об их достижениях в хоровом искусстве рассказала их Учитель, моя мама Елизавета Петровна Кудрявцева, в своей книге «Мой музыкальный век». Что-либо к ее словам добавить не рискую.

В новой книге «Записки капелльского очевидца. Неслучайные встречи» я поведал о моих однокашниках, воспитанниках Капеллы второй половины XX века, о людях, с которыми меня свела судьба.

Баллада о Казачке

Когда в первый год войны с фашистами наша троица (мама, сестра и я), скитаясь по северным дорогам, через Арбаш и Котлас добрались до Кирова, меня скрутило крупозное двухстороннее воспаление легких. Температура зашкаливала. Казалось, что я дую, как тритон, в огромные трубы, привязанные к потолку, а по комнате носится красная старинная карета на огромных колесах, но без лошадей. Прямо с вокзала меня привезли в госпиталь эвакуированной в Киров Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Начальник, военврач первого ранга Иванов, сказал маме:

— Голубушка! Завтра для сыночка простынку принеси!

Мама, к счастью, не поняла зачем, и пошла с сестренкой искать по городу, где приютились певцы Ленинградской капеллы. Врач приказал школьнице-медичке поставить банки на спину.

— Авось поможет! Хотя как мертвому припарка! До утра все равно не дотянет! — констатировал он.

Девчонку-сестричку больные звали Казачок.

— Казачок, пить! Казачок, дохтура! — несло с разных сторон.

Она была одна на огромную палату и валилась с ног от усталости, так как ее сменщица почему-то не пришла. Ловко, как взрослая, перевернула меня на пузо, набрала целую ладонку спирта и, как снегом, обожгла спину. Потом поднесла факел из ваты, пропитанной каким-то вонючим составом.

Вдруг вспышка!!! Боль прошла!!! И вижу: лечу по небу, а сзади два крыла. Внизу речка, луга, деревья, дома... Про себя твержу: «Скорей, скорее к маме!»

Очнулся... Лежу на пузе... Голова гудит, как пустое ведро. Вокруг сидят вояки, судачат:

— Ну, ленинградец, оклемался! Родился, брат, в рубашке!

— А мы думали, тебе каюк! Ведь Казачок в тебя вместо вазелина спирт вогнала и спину страшно обожгла.

— Ты побежал, как факел! Упал! Доктор на тебя навалился, потушил огонь! Потом пинцетом вынимал со спины остатки сгоревшего халата.

Вокруг сгрудились врачи, сестрички и вздыхали:

— Вот желудок! Вот печень! Вот сердце! Живой!

– Все внутренности у тебя вырвало!
– А вот судьба, Казачок тебя, рыжой, спасла!!!
– Где Казачок?
– А ее от нас забрали, перебросили к чучмекам! И жратва там плохая, и дохтур хам. Ладно, лежи тихо... Сейчас обход, военврач – мужик крутой! Лежи тихо...

После этого я еще несколько недель валялся на животе. Раненые меня подкармливали. Спина вскоре зарубцевалась, но с тех пор, когда волнуясь, она дьявольски чешется.

А. Г. Мурин, Саша Мурин, Катя Мурина, Е. П. Кудрявцева. Лето 1941 года. Последний мирный снимок нашей семьи

Молоко сорок второго года

Высокий берег реки Вятка города Кирова в советское время называли набережной Коммуны, настроили дома в стиле сталинского ампира и поселили разных партийных шишек. Внизу, справа, у самой реки, стоял со сбитыми крестами храм из красного кирпича, то ли клуб, то ли склад. В 1942 году, когда особенно

лютовали мартовские морозы, мы, капелльские пацаны, оказавшиеся в эвакуации с ленинградским хором в Кирове, с этого высокого обрыва пикировали на пятой точке вниз, продирая до дыр свои хилые пальтишки и штаны. Возвращались домой мокрые до нитки, даже валенки приходилось отжимать. Мама, дирижер Капеллы, я, сестра с няней Тасей, безногим инвалидом, ютились на полу в углу проходной комнаты в квартире начальника местного НКВД. Другую малюсенькую комнату занимала семья директора хора Д. Н. Лебедева.

Как-то его сын Колька, что был старше меня лет на пять, предложил:

— Пошли, Мурилла, добывать дрова!

Мы по сугробам и колдобинам пробрались на трассу, где сновали полуторки с грузами и солдатами. Когда машина буксовала, водители бросали под колеса поленья от газогенераторов, что дымили, как старинные паровозы. Дождавшись, пока очередная полуторка исчезала за углом, мы выковыривали дровишки из колеи и стремительно прятались с ними в подворотню. Иногда водители выпрыгивали из кабин, делали вид, что гонятся за нами, но всякий раз возвращались назад, боясь, что грузы раскурочат местные бандиты, не чета этим соплякам-голодранцам. Когда набралось дровишек на две увесистые вязанки, мой напарник стянул их ржавой проволокой, и два «аякса» ринулись на рынок, где, как говорится, меняли всё, аж «рыло на мыло». За одну вязанку Колька вскоре получил полбуханки хлеба, а я решил свою ношу махнуть на молоко. Мы подошли к бабе в тулупе, обмотанном до пояса шерстяным платком, из-под которого торчал мясистый нос и злые красные глазенки. У ее ног лежала тарелка замерзшего молока. Торговка долго ломалась, но, в конце концов, уступила ледяшку за дрова. Я завернул молочный диск, и мы, гордые от удачной сделки, пошлепали на набережную Коммуны, 5.

Дома няня Тася растопила мое сокровище, а оно оказалось простой сырой водой, подкрашенной для цвета мелом. Я горько заплакал. Но не от того, что дал маху, что меня так жестоко надули, а потому, что разбили мечту угостить маму, сестру и няню горячим молочком. В уме я строил планы отмщения, нашел в подвале дома увесистый кирпич, уговаривал Кольку

Саша Мурин, Е. П. Кудрявцева, Катя Мурина, А. Г. Мурин. 1943 год. Киров. Приезд А. Г. Мурина из Москвы

совершить возмездие... Но пришла с репетиции мама, голодная, усталая. Узнав о моем горе, крепко обняла, вытерла мои слюни и твердо сказала:

— Не горюй, сынок! Бог ее накажет... А в следующий раз, когда будешь покупать молоко, лизни с краешку и поймешь, замершее молоко перед тобой или подделка!

С тех пор, когда я вижу талый пористый лед на Неве или на Ладоге, мне хочется его лизнуть и проверить, как советовала мама... Боже! Как это было давно!

Судьба Соловушки

Борис Бородай

В полутемный проходной зал за сценой Ленинградской капеллы вкатился, как колобок из русской сказки, Палаша, наш обожаемый Учитель Палладий Андреевич Богданов. Он излучал солнечный свет. Его голова светилась, как церковная лампада. За ним протиснулся и сел на краешек стула невзрачный, приземистый, суховатый старичок. Он обратился к Учителю:

П. А. Богданов. 1961 год

– Палаша! Пусть твои ангелочки мне что-нибудь споют!

Палладий Андреевич дал тон, и сотня мальчишек взамен распевки заголосили «Мотет» Баха с новым русским текстом Богданова: «Ночь отошла, в сиянии восходит солнце, прочь бежит печаль...».

Далее последовали «Цветы последние милей», сочинение Учителя.

Наконец, вперед вышел Боря Бородай, солист с уникальным голосом. Он плохо видел. Его глаза, опаленные войной, катастрофически слепли. Наша заботливая медсестра Клавдия Наумовна Рихтер возила его в Одессу к знаменитому Филатову. К сожалению, медицина, лучшие врачи были бессильны! Раздались первые фразы «Соловушка» Глинки: «Ты, соловушка, умолкни, песен петь не надо...».

Старичок, друг Палаша, достал из кармана белоснежный платок и стал утирать льющиеся из глаз слезы. По окончании песни он поднялся, подошел к Борису, поцеловал его в лоб, как икону, и трижды перекрестил!

Это был знаменитый дирижер из Кировского оперного театра, бывшей Мариинки, Даниил Похитонов. Свою карьеру он начал еще при Николае II, был любимцем Федора Шаляпина. С нашим Палашей они были друзьями и прихожанами Никольского морского собора, что близ Театральной площади. По крайней мере, когда Палладий Андреевич брал меня на службу в храм, я встречал у иконостаса молящегося Похитонова, а в хоре среди простых певчих – Софью Петровну Преображенскую, с дочкой которой я сидел в капелльской школе за одной партой, за что получил от ребят прозвище «Веркин жених».

В хоре мальчиков Капеллы под руководством Богданова были уникальные по тембру и красоте солисты. Многие ленинградцы помнят, помимо Бори Бородая, Толю Леонтьева, Олега Липстока, Стасика Легкова, Диму Николаева, Сашу Марголина. Именно они исполнили первыми великие песни: «Марш нахимовцев» («Солнышко светит ясное»), «Шумит в дали прибой, мерцают звезды», «До свиданья, мама, не горюй», «Алеет зорька молодая», «Кто там улицей крадется».

Когда сегодня в эфире звучат мелодии наших песенных классиков, до боли сжимает сердце, а на душе разливается блаженство об ушедшей эпохе победителей.

По-разному сложились судьбы наших солистов. Стасик Легков – ныне профессор Петербургской консерватории, заслуженный деятель искусств России и Карелии. Дима Николаев вот уже пятьдесят лет руководит детскими хорами в Аничковом дворце. Да и другие капелльские мальчишки «захватили» полностью дирижерско-хормейстерско-вокальный пьедестал России, да,

Мой класс. 1947 год.

2-й ряд: Тима Кухалев, Саша Мурин, Леня Столов, Вадик Суханов, Андрей Титов, Эдик Клейман, Игорь Петров, Слава Волков, Саша Смирнов, Вова Максимков.

1-й ряд: Вова Кузнецов, Валя Мадер, Коля Мартынов, Леня Секунов, Олег Черепанов, Стасик Легков, Толя Савельев, Женя Лифшиц, Юра Скворцов, Вова Грибов.

У рояля Палладий Андреевич Богданов, Толя Леонтьев

пожалуй, и мира. Саша Дмитриев, Дима Китаенко, Слава Чернушенко, Андрей Чистяков, Андрей Аниханов, Саша Анисимов, Вова Атлантов, Даня Штода... И этот перечень нескончаем...

В капелльской школе, которая со времен Бортнянского располагалась на Мойке, 20, была памятная доска, на которой золотом были выбиты имена отличников и солистов.

Судьба первого из них, Бориса Бородая, трагична!

В 1970 году в качестве зав. муз. отделом Ленинградского областного дома творчества я готовил к ленинскому юбилею хоры и оркестры для концерта в Кремле. Приехал в «медвежий» угол области, в Бокситогорск. Там «загрузился» в автоклуб и по ухабам и колдобинам добрался в деревню Сомино. В клубе услышал изумительный фольклорный хор. Певица в русском сарафане и кокошнике вывела и посадила на стул баяниста в красной рубахе. Я понял, что музыкант слепой!

Полились русские песни. Баянист тонко, с большим тактом аккомпанировал народным самородкам. Его лицо мне показалось знакомым. На обсуждении он скромно молчал.

Я тихо склонился к нему и вполголоса промурлыкал мелодию «Соловухи» Глинки.

– Боря! Это ты?

Баянист повернул на меня лицо и воскликнул:

– Санька! Рыжик! Сын Мамаы Лизы???

Мама Лиза – это наша музыкальная Мама, дирижер взрослой Капеллы и педагог Хорового училища при ней, Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина.

Мы обнялись и долго не могли выговорить ни слова!

Хор деревни Сомино Бокситогорского района с огромным успехом выступил в Московском Кремле. Хор и Борис Бородай были удостоены наград.

В 1980 году я узнал, что нашего Соловухи, Бориса Максимовича Бородая, не стало. Он упокоился в деревне Сомино. Его помнят сельчане. Могила Баяниста почитаема простыми русскими людьми.

9 декабря 2013 года

Один из знаменитой династии

Петр Левандо

С Петром Петровичем Левандо я познакомился и подружился в далеком 1944 году. На теплоход «Михаил Калинин», что стоял в московских Химках, по трапу с родителями, певцами Капеллы, поднялся долговязый парнишка.

— Петочка!

— Шура-Мура!

Ему шел двенадцатый год, мне восьмой. В школу мы не ходили, так как с хором Ленинградской капеллы, где моя мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, была единственным дирижером, а его родители Зинаида Степановна и Петр Константинович — певцами, болтались, как бесплатное приложение, по всеям военных дорог. Отец Пети был бас профундо, и его голос, как вечевой колокол, перекрывал звучание Капеллы. Им восторгались Николай II, Рахманинов, Шаляпин, Глазунов, Луначарский и другие. Теплоход «Михаил Калинин» был самым современным судном на Волге, подобно однотипным «Вячеславу Молотову» и «Иосифу Сталину». Последний снимался в комедии Александрова «Волга-Волга». Пароход стал нашим домом на несколько месяцев. На нем мы сделали вояж Москва-Астрахань и обратно. В каждом поволжском городе Капелла давала концерты, а в кают-компаниях Е. П. Кудрявцева и новый худрук Капеллы профессор Г. А. Дмитриевский разучивали кантату Танеева «Иоанн Дамаскин».

На первой остановке нашего ковчега произошло ЧП. Я и Петочка отстали от судна. Подробно об этом я написал в эссе о Г. А. Дмитриевском¹. В результате — тривиальная порка.

В Саратове к нам присоединилась певица с низким, грудным голосом Екатерина Петровна Баранова с сыном Вовой. В нашем полку прибыло! Он стал нашим другом.

В Ярославле на пристани Капеллу встречали элегантно одетые мужчины. Они запели на каком-то непонятном языке. Это были артисты ансамбля эстонского военного корпуса под руководством Густава Эрнесакса и Юрия Варисте. Капелла в ответ

---

¹ Мурин А. А. Как очевидец. 2011. С. 329.

Катя и Саша Мурины. Борт теплохода «Михаил Калинин»

исполнила «Венецианскую ночь» Глинки и «Вечерний звон». Солировал Виктор Петрович Соболевский. В Сталинграде мы плыли целый час, а по берегу тянулись штабеля разбитых танков, самолетов, машин. Технику приготовили для переплавки на заводы Горького, Саратова, Куйбышева, Москвы. Мы пришвартовались к пристани, состоявшей из двух барж: одна горком ВКП(б), другая исполком города. Концерт Капеллы проходил на площади Героев, на руинах городского универмага, где за год

до этого в подвале был пленен фельдмаршал Паулюс со штабом. Во время концерта Петя, Вовка Баранов, Федя Крупоедов и я проникли в знаменитый подвал в надежде найти что-нибудь из оружия фашистов, но нас встретил завал из кирпичей и ржавого железа. Зато, пока мы возвращались на пристань, из автомобильного хлама каждый выломал себе по часам. Как оказалось, это были спидометры от разбитых фашистских «мерседесов».

Под Астраханью каждому певцу Капеллы вместо гонорара выдали по мешку арбузов и по большой банке черной икры, правда без соли, которая была дефицитом. Мы обожрались этим деликатесом, и у нас заболели животы. К сожалению, икра на жаре скисла, и ее пришлось спустить в Волгу. Зато полосатые сахарные мячики оказались превосходными, и мы ими наслаждались до Ленинграда. Один, весом в шестнадцать килограммов, с надписью «ППК» («Придворная Певческая Капелла» – шутили старые певцы) мама довезла до голодающих родных. На борту «Калинина» мы, капелльские пацаны, веселили артистов импровизированными концертами. Федя Крупоедов, Вовка Баранов и я, нарядившись матрешками, пели:

Мы в деревне родились, родились,
Мы на славу удались, удались,
Щечки кругленькие, сами пухленькие!
Мы поедem в Ленинград, в Ленинград,
Там живет наш старший брат, старший брат,
Братец Ванечка, сестра Манечка!!!

Петочка изображал Ванечку, а «сестрицу» – моя сестренка Катя, которую певцы звали за красные щеки «Баба на чайнике».

Все хорошее в нас из детства!

В октябре 1944 года мы вернулись в родной город. Петя Левандо, Вова Баранов, Федя Крупоедов, Наташа Номеровская, Катя Мурина, я и другие дети и знакомые артистов поступили в школу при Капелле. Пели всем «колхозом»: и девчонки, и мальчишки. Репетиции проводили Палладий Андреевич Богданов и Григорий Иванович Беззубов. Мама и Георгий Александрович Дмитревский возились со взрослой Капеллой. Помню репетиционный зал. Окна забиты фанерой, стены затянуты тяжелой желтой тканью. Круглая печка вечно дымит. В нее капелльский

Зинаида Степановна Левандо и Петя Левандо.
Борт теплохода «Михаил Калинин». 1944 год

шофер Иван Змеев подкладывает сырые поленья. Однажды печка взорвалась. Истопник положил полено, а в нем — остатки фашистских патронов. Слава Богу, печка уцелела, а начавшийся пожар погасили учителя во главе с П. А. Богдановым.

Петю, Федю, Вову зачислили в старшие классы, а я умудрился простудиться и провалиться со вторым за войну воспалением легких в постели до весны 1945 года, и девятилетний оболтус

снова оказался в первом классе. Все мои однокашники были на год моложе, и меня как старшего избрали старостой класса и дали прозвище Кобыла-Забыла-Поесть, поскольку с голодухи я все время «шакалил», что поесть.

В 1950-е годы Петя Левандо учился в Консерватории на хоровом факультете, а я в старших классах капелльского училища. У нас был общий любимый учитель, профессор Г. А. Дмитриевский. Обремененный руководством Капеллой и Консерваторией, он в 1953 году оставил в хоровом училище по дирижированию четырех учеников (С. Легкова, Л. Петрова, О. Мошковича и меня). Занимался с нами с необычайной одержимостью, требовал неукоснительного знания партитур, анализа гармонии, стихов. Проверял лично наши письменные работы, сурово журил за каждую промашку и ставил в пример своего студента, отличника по Консерватории Петра Петровича Левандо. Моей маме говорил на полном серьезе:

— Вот выучу Петра Петровича и Шуру и уйду из хорового училища! Устал!

Эти слова оказались трагически пророческими. В декабре 1953 года мы были свидетелями, как на репетиции «Реквиема» Берлиоза нашего Учителя не стало!!!

Через несколько лет памятник Дмитриевскому на Литераторских мостках Волковского кладбища накренился. Видимо, просела земля на могиле. Мы с Петей приехали, чтобы подправить. Работяга-могильщик посмотрел и сказал:

— Три пол-литра! И все исправлю! Всего-то делов! Ребятки!

Мы купили водку, на закуску колбасы, а умелец поддел огромной вагой памятник, выпрямил его, подложив пару здоровых железяг. Вопрос был решен! Петя радовался, как ребенок:

— Ай да молодцы мы с тобой, Шурка. Без проволочек и бюрократии справились!!!

В 1960 году я окончил Консерваторию по классу профессора А. Е. Никлусова, а Петя Левандо — аспирантуру, защитил кандидатскую, поработал в Ташкентской консерватории, стал преподавать в Библиотечном институте вместе с И. И. Полтавцевым.

В 1961 году я перевел на русский язык канон Моцарта «Слава солнцу! Слава миру!», а Г. М. Сандлер записал его с Хором радио и пустил в эфир с преамбулой: «Музыка Вольфганга

Амадея Моцарта, слова Александра Мурина!» Петя, встретив меня, попросил:

— Слушай, соавтор Моцарта! Дай мне ваш канон для сборника «Хоровая миниатюра».

Как ученый он блестяще владел словом. Его музыковедческие работы обстоятельны, конкретны, актуальны. Об этом мне часто говорил профессор Московской консерватории и руководитель Хора радио К. Б. Птица, который был штатным оппонентом при защитах диссертаций. Он высоко ценил сборники Левандо «Хоровая миниатюра» и называл их настольной книгой каждого хормейстера.

С 1981 года Левандо помогал В. А. Чернушенко в организации и проведении «Невских хоровых ассамблей», готовил альбом «Петербургская певческая капелла».

Он радовался моим журналистским успехам.

— Шура! Клепа (так мы звали за глаза вдову нашего Учителя, Клеопатру Николаевну Дмитриевскую) хвалила твою работу о Викторе Калинникове! Читал, читал твои статьи о Гречанинове, Сахновском, Чайковском! Молодец, Шурка! Подарил бы мне экземпляр!

Несколько раз П. П. Левандо пытался привлечь меня к преподавательской работе, но ректор вуза Е. Я. Зазерский, с которым у меня не сложились отношения, был категорически против.

Я убежден, что талант Левандо был востребован не на всю мощь его натуры! Он мог быть замечательным оперным хормейстером, руководителем профессионального хора. Петр Петрович сетовал мне:

— Вот ты, Шура, машешь тремя хорами: в «Трудовых резервах», на металлическом заводе, в Капелле Любителями пения, а я «замуриновался» в библиотечном!!!

При последней встрече Петя мне сказал:

— Вчера слышал твою, Шурка, по радио в «Прогулках по Петербургу» передачу о Капелле! Ну, ты даешь прикурить! Здорово!

Мама, Е. П. Кудрявцева, профессор Консерватории, всячески старалась привлечь в вуз бывших капеллан и, когда Ф. М. Козлов и П. П. Левандо оказались в Консерватории, радовалась и стояла за них горой, а ребята платили ей сыновней любовью.

П. П. Левандо. 1982 год

Семья у Петра Петровича, сын и супруга, часто болели. Да и у самого здоровье желало быть лучше! Петя все чаще и чаще жаловался мне:

— Мои костыли отекают! Видимо, мотор сдает! Ну, Шурка! Хватит о грустном! Расскажи лучше новый анекдот про армянское радио!

Я видел, что его походка отяжелела и каждый шаг дается с трудом, но и подумать не мог, что это приближение конца!!!

15 апреля 1993 года Петра Петровича Левандо, моего друга Петочки, не стало.

Сегодня мы переросли Петю на двадцать лет. Мы стучим, как говорят музыканты, «на коду». Скоро многим будет восемьдесят годков. А Петя останется в нашей памяти молодым... пенсионером!!! Ему всегда будет шестьдесят!!!

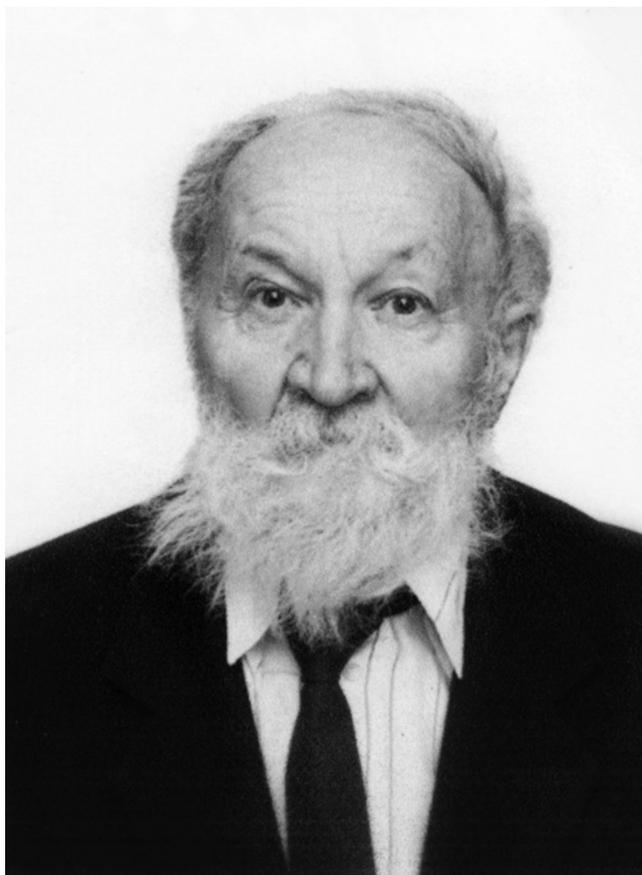
2013 год

В. К.

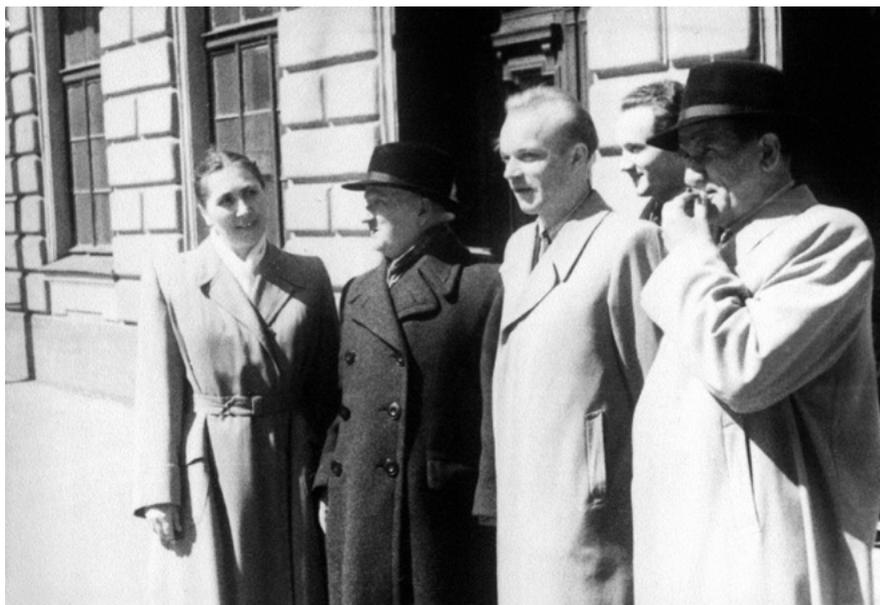
Владимир Баранов

С Владимиром Константиновичем Барановым я дружил с далекого 1944 года, без малого семьдесят лет! В Саратове на теплоход «Михаил Калинин», на котором Ленинградская капелла совершала гастроли по городам Волги, в хор поступила новая певица Екатерина Петровна Баранова, а к нам, капелльским мальчишкам, присоединился ее сын Вова.

Вся жизнь Володи Баранова мне напоминает простую трехчастную музыкальную форму: Хоровое училище при Капелле,

В. К. Баранов. 2008 год. Последний снимок

Е. П. Кудрявцева, П. А. Богданов, Ф. М. Козлов, В. К. Баранов,
И. К. Дорошин. 1953 год

Консерватория и снова Хоровое училище, где он начинал педагогом, затем директором, наставником нескольких поколений, живой легендой, которого воспитанники величали кратко В. К. Попутно была еще должность хормейстера в Капелле (молодежная группа) и руководство лучшим мужским хором Ленинграда в ДК Первой пятилетки, где он трудился с еще одним замечательным капелланином, Анатолием Павловичем Емелиным. Часто на выпускных экзаменах в училище, где председательствовала профессор Е. П. Кудрявцева, В. К. Баранов передавал ей записочку с перспективными именами, и те, пройдя консерваторскую школу Мамы Лизы, становились выдающимися хормейстерами и симфоническими дирижерами.

В. К. давал ребятам дирижерско-музыкальное ускорение, за которое они были благодарны всю жизнь. В. К. Баранов был с училищем полвека. И когда оно размещалось на Мойке, 20, и когда переехало на Мастерскую улицу, за Театральную площадь.

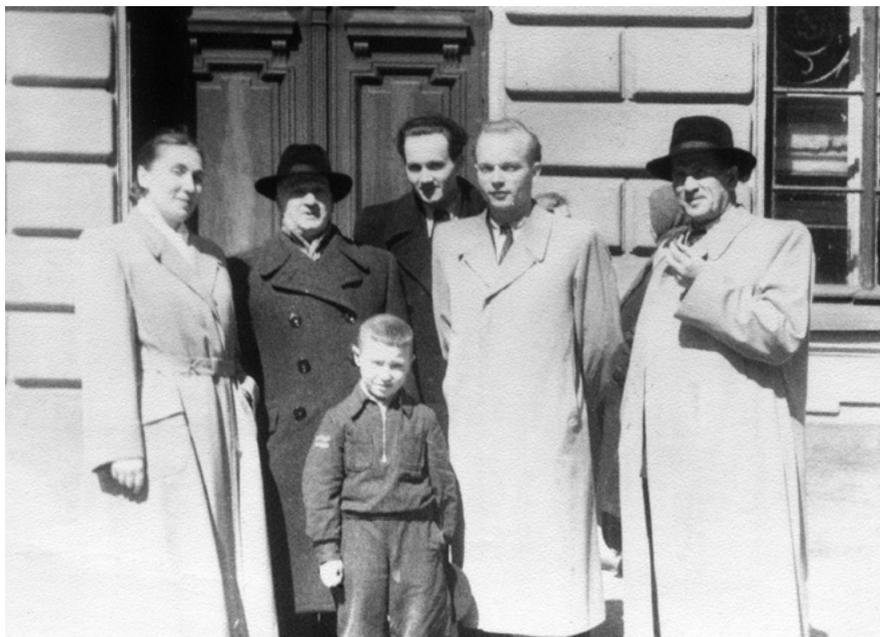
В конце XX века случилось страшное. Комната в капелльской коммуналке, пока В. К. занимался в училище, сгорела. В огне погибло все: и одежда, и ноты, и документы, и главное – архив, письма и подарки его воспитанников! Дирекция Хорового училища им. М. И. Глинки приютила погорельца на первом этаже, наискосок от директорского кабинета.

Там я его часто навещал, сообщал новости о музыкальных успехах капеллан. Он радовался, как ребенок, а потом, сменив домашние тапочки на концертные туфли, как всегда подтянутый и элегантный, шел в свой класс, где учил дирижерским премудростям капелльских мальчишек. Наконец, В. К. получил собственную комнату в коммуналке в соседнем с училищем доме. Я пришел навестить его, долго звонил в дверь. Мне открыли соседи. Они были грубы и нелестно отзывались о новом соседе:

– Повесили на нас старика! Хомут на нашу шею!

Я пытался объяснить им, что В. К. замечательный музыкант, который воспитал не одну сотню ленинградских мальчишек,

Е. П. Кудрявцева, П. А. Богданов, Леня Секунов, В. К. Баранов,
Ф. М. Козлов, И. К. Дорошин. 1953 год

заслуженный работник культуры России. Но они твердили свое:

— Обуза! Обуза!

Владимир Константинович лежал на кровати. Седая борода придавала ему вид библейского старца. Он беспомощно улыбнулся. Я оптимистично изрек:

— Владимир Константинович! Мы еще повоюем!

В его глазах я увидел смертельную тоску, которую он пытался погасить улыбкой. Я обнял его на прощанье...

Через несколько дней В. К. не стало.

На отпевание в Никольский собор пришли многие капелланы. И седые старики, и молодые, начинающие музыканты. Церковным хором управлял капелльский воспитанник В. К., регент храма Сергей Иванович Федосеев. А после кремации урна с прахом В. К. Баранова еще полгода стояла в училище, пока оформляли документы и другие справки, сгоревшие во время пожара. И наконец, Владимир Константинович упокоился на Красненьком погосте рядом с отцом и мамой, Е. П. Барановой, а благодарные сыновья, капелльские пацаны, поставили своему В. К. скромный памятник.

11 апреля 2013 года

Пятерка пятьдесят второго года

В 1952 году «Леннаучфильм» снял сюжет о Хоровом училище Капеллы. В нем молодой педагог Елизавета Петровна Кудрявцева занимается с выпускниками-десятиклассниками Виталием Дмитриевским, Леонидом Григорьевым, Анатолием Успенским, Евгением Барковым, Алексеем Осиповым. Мы, капелльские пацаны, по несколько раз бегали в кинотеатр «Баррикада» и смотрели «Ленинградскую кинохронику» № 4 за 1952 год, где блистали наши старшие товарищи и Мама Лиза. На память остались эти кинокадры.

По-разному сложились судьбы этой пятерки из Хорового училища Капеллы.

Талик Дмитриевский – известный в стране театровед, автор замечательной монографии в серии «Жизнь замечательных

людей» «Ф. И. Шаляпин» и изумительной книги воспоминаний «Жизнь в эпизодах».

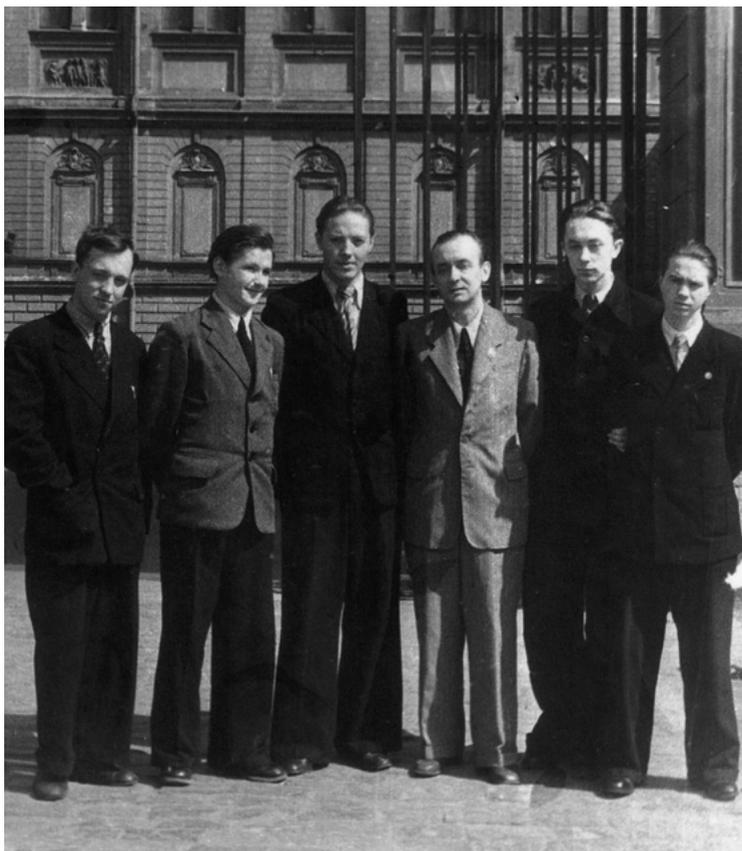
Женя Барков, окончив Театральный институт им. Н. К. Черкасова, блистал на эстраде. Он, заслуженный артист РСФСР, с женой Галиной создали популярный дуэт: вечно улыбающийся добряк, этакий Карлсон, она – его противоположность, настырная, во все сующая свой нос особа, в духе Марии Мироновой. С ними меня свела судьба в Ленконцерте в семидесятые годы прошлого столетия. Мне предложили «реставрировать» всемирно известный квартет «Сестры Федоровы». Дело в том, что во время гастролей одна из сестер, Неля, и ее муж, администратор с русской фамилией Перельман, остались «за бугром», а вернувшимся сестренкам и баянисту начальство устроило, как у нас часто бывало, черную жизнь. Без работы, без концертов они висели мертвым грузом на шее Ленконцерта. А я в 1972 году успешно заправлял на правительственных концертах народными хорами Ленинградской области, где меня и заприметили руководители Г. М. Полячек и Д. И. Тимофеев, пригласив как «специалиста по народному пению» что-нибудь сделать с сестренками. Их бывший руководитель Л. И. Шимков от них отказался.

– Это – дохлое дело, Шура! – сказал он мне при встрече.

Я заказал ленинградским композиторам В. Гаврилину, А. Морозову, В. Дмитриеву, В. Плешаку, Л. Петрову новые песни, приспособил их к квартету, пригласил к баянисту Борису Яковлеву виртуоза музыканта И. С. Тихонова. Программа на худсовете прошла на ура. В первую гастроль по городам Волги я отправился с сестричками. Галя и Женя Барковы вели те концерты и работали отделение с юмористическими сценками. Имели шумный успех.

С Лешей Осиповым – другая история. В капелльской школе и Консерватории он учился в классе моей мамы, Е. П. Кудрявцевой. Много пропускал уроков, но приносил всевозможные медицинские справки, даже брал несколько раз академический отпуск. И, когда надо было сдавать государственный экзамен по дирижированию, сдавал с нами с запозданием на три года. Мама в 1960 году сказала:

– Осипов будет сдавать экзамен на нашем Хоре любителей пения при Капелле, а ты будешь ему аккомпанировать на рояле в Малом зале Консерватории!

Женя Барков, Леня Григорьев, Леша Осипов, А. А. Патрикеев, Виталик Дмитриевский, Антоша Успенский. 1952 год

Строгая комиссия поставила «отлично», и он получил заветные «корочки». В те годы я руководил большим академическим хором на Металлическом заводе им. И. В. Сталина. Концертмейстером в коллективе был опытный музыкант из Малого оперного театра, заслуженный артист РСФСР Кирилл Николаевич Либеров. В начале года он предупредил, что очень занят в театре, и нам с педагогом по вокалу В. И. Шестаковой срочно пришлось искать замену. Я и предложил это место безработному Леше Осипову. С ним мы были как за каменной стеной. Он одинаково был силен как в классическом репертуаре, так и в старинном романсе и эстраде.

Позднее Алексей мастерски сопровождал певцов в Ленконцерте и долгие годы сотрудничал с народной артисткой РСФСР Рубиной Рубеновной Калантарян.

Жил Алексей Иванович недалеко от меня на Петроградской стороне. Мы с ним часто общались и дружили.

К сожалению, Женя Барков и Леша Осипов рано покинули этот суматошный мир!

Ну а Анатолий Успенский и Леонид Григорьев тянут достойно свою учительскую лямку.

3 августа 2014 года

Счастливым случаем

В 1910 году в Императорском Мариинском театре в Петербурге освободилась вакансия дирижера. На нее претендовали два молодых человека – регент Придворной певческой капеллы, преподаватель Консерватории М. Г. Климов и преподаватель Консерватории Н. А. Малько. Оба рвались занять это престижное место. Но более вероятным кандидатом был окончивший как композитор у Н. А. Римского-Корсакова и как дирижер у Н. Н. Черепнина М. Г. Климов.

Все решал маститый дирижер и пианист, ученик Листа Александр Ильич Зилотти. Накануне финала конкурса он получил из Москвы от своего двоюродного брата С. В. Рахманинова следующее послание:

«Дорогой Саша! Когда будете определять окончательную кандидатуру в Мариинский театр, учти, что Климов недоброжелательно отозвался о моей „Литургии“. Твой Рахманинов».

Имелись в виду отрицательные рецензии в журнале «Регентское дело» на первое исполнение «Литургии» композитора. Как позднее я обнаружил, рецензии принадлежали другому автору, критику и композитору, знатоку казахского фольклора Александру Викторовичу Затаевичу. И дирижером в Мариинку был выбран Н. А. Малько!

К сожалению, и гении бывают злопамятны.

Так нелепый случай спас для Искусства гениального хормейстера, дирижера, педагога и общественного деятеля Михаила Георгиевича Климова.

В 1928 году во время триумфальных гастролей Ленинградской капеллы по городам Европы Климов с громадным успехом исполнял с хором «Всенощное бдение» Рахманинова. Долг платежом красен! Вот такой парадокс!

18 июня 2010 года

Михаил Георгиевич Климов – великий русский музыкант

Михаил Георгиевич Климов (28.10.1881–20.02.1937) – выдающийся музыкант XX века, дирижер, регент, Учитель, общественный деятель России – родился в семье крестьянина в селе Завидово Клинского уезда Московской губернии. В одиннадцать лет по конкурсу принят в Московское синодальное училище. Его наставниками были знаток древнерусских песнопений, этнограф С. В. Смоленский и лучший регент России (по определению П. И. Чайковского) В. С. Орлов. В 1900 году Климов с отличием заканчивает училище. Его имя заносят золотом на мраморную доску. Два года молодой музыкант ведет хоровой и скрипичный классы в Тамбовском женском епархиальном училище. В 1901 году директором Придворной певческой капеллы назначают С. В. Смоленского, и тот через год приглашает в Петербург своего ученика на должность помощника учителя пения (регента). С декабря 1902 года вся жизнь М. Г. Климова будет связана с первым хором страны. Со старшим учителем пения (регентом) С. А. Смирновым он проводит церковные службы с Капеллой в Зимнем и Царскосельском дворцах. Становится любимым регентом семьи императора Николая II. В 1914 году Климов с Капеллой принял участие в первом исполнении мистерии русского поэта К. Р. «Царь иудейский» в Эрмитажном театре Зимнего дворца. Причем оркестром дирижировал автор

Михаил Георгиевич Климов. 1935 год

музыки А. К. Глазунов, а главную роль исполнил К. Р. (великий князь Константин Романов).

В 1904 году М. Г. Климов поступает в столичную консерваторию в класс композиции Н. А. Римского-Корсакова и в дирижерский класс Н. Н. Черепнина. Музыкант дирижирует студенческими спектаклями опер: «Евгений Онегин» Чайковского, «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Кашей Бессмертный» Римского-Корсакова, в последней, с разрешения Учителя, расширяет финал. Весной 1908 года Климов с серебряной медалью и званием «свободный художник» заканчивает Консерваторию и его имя заносят золотом на мраморную доску, где первым

стоит П. И. Чайковский. В тот же год Климов параллельно со службой в Капелле приглашен в Консерваторию преподавать предметы, что вел его великий Учитель (сольфеджио, гармонию, полифонию, музыкальную форму). Появляются в печати первые климовские труды «Сольфеджио» и «Краткое руководство к изучению контрапункта, канона и фуги». В 1913 году по предложению директора А. К. Глазунова Климову присваивают звание профессора.

Но главное в жизни музыканта – его служба в Капелле, где он в 1918 году становится директором и художественным руководителем. Он реорганизует бывшие регентские и инструментальные классы в Хоровой музыкальный техникум при Капелле, который заканчивают у Климова: Е. А. Мравинский (1921 год), К. А. Симеонов и А. Е. Никлусов (1928 год), Е. П. Кудрявцева и Н. Д. Успенский (1931 год), А. Г. Мурин (1933 год) – в будущем великие музыканты России.

Капелла при Климове получила всенародное признание. Ее репертуар огромен. Фактически вся ораториально-кантатная и акапельная хоровая литература. Тематические программы «Русская песня», «Песни Украины», «Песни Грузии и Армении», «Песни труда и борьбы».

В 1928 году Капелла под руководством М. Г. Климова совершает концертное турне по Европе. Хор критика называет восьмым чудом света, а дирижера ставит по мастерству выше популярных в мире Вильгельма Фуртвенглера и Артура Тосканини. А в программе гастролей русская песня и шедевр С. В. Рахманинова «Всенощное бдение».

В Консерватории профессор Климов с профессорами И. В. Ершовым и С. Д. Масловской создают первый в мире учебный студенческий театр – Оперную студию, через которую прошли великие в будущем певцы и дирижеры. К этому стоит прибавить должность директора Филармонии, куда Климов привлекает дирижеров Н. А. Малько, Н. С. Голованова, В. А. Дранишников, А. В. Гаука, Фрица Штидри и многих других.

Такая титаническая деятельность музыканта вызывала зависть, сопротивление, нападки «деятели от культуры». В 1935 году прямо с генеральной репетиции было снято и запрещено к исполнению как «порочное для пролетариата» великое

философское творение С. И. Танеева – кантата «По прочтении псалма». Это больно ударило музыканта. Результат – инсульт, паралич, потеря речи, а в 1937 году М. Г. Климова не стало. Его похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, рядом с могилой М. И. Глинки. Отныне два капелльских учителя пения навечно покоятся рядом...

А дело М. Г. Климова в XX и XXI веках продолжают его музыкальные дети, внуки и правнуки: Е. П. Кудрявцева, К. А. Симонов, А. Е. Никлусов, А. А. Юрлов, В. Н. Минин, Ф. М. Козлов, А. Г. Мурин, В. А. Чернушенко, А. С. Дмитриев, Д. Г. Китаенко, А. М. Анисимов, А. М. Степанов, и нет им числа...

*Статья для «Православной энциклопедии» 2014 года
14 февраля 2014 года*

Последние уроки великого Учителя

Рассказ мамы

Главные черты портрета Михаила Георгиевича Климова – мягкость, воля, сила, интеллект, высокая образованность и христианская сдержанность.

Выразительные руки – руки пианиста, дирижера, скрипача. Когда он брал на репетициях Капеллы скрипку, то она начинала петь климовским голосом мелодию необычайно мягко и выразительно.

Дирижерская техника рук была настолько высока, что рецензенты газет во время гастролей Капеллы по Европе ставили Климова как дирижера по своему мастерству выше гремевших в мире Тосканини и Фуртвенглера. Хотя в его дирижерских жестах не было и доли эффекта, а глубина достигалась за счет (да простит читатель за многократное повторение эпитета) мягкого жеста. А дирижировал Климов порой музыкой полярных по творчеству композиторов: от Баха, Моцарта до Стравинского и Онеггера. Простота и ясность шли не от упрощенчества и прямолинейности, а от философской глубины музыки и замысла композитора.

Костюм, галстук, носовой платок, рубашка были всегда идеально опрятными. Неспешная походка основательна. Взгляд на подачу тона хору или его повторение был абсолютно точен.

При поступлении на службу в Капеллу учителем пения в начале XX века Климов, подобно Глинке, был послан на Украину за уникальными голосами. Он изучил украинскую музыкальную культуру, музыкальных классиков, и в результате позднее появилась уникальная программа Капеллы «Песни Украины».

Однако, когда дело касалось защиты русской музыки от всевозможных перегибов и левацких наскоков, от мягкости Климова не оставалось и следа. Она превращалась в непреодолимую твердость. А бороться ему приходилось с разными противниками.

Сугубо церковный хор, Певческую капеллу, пришлось на ходу после 1917 года перестраивать в новый светский коллектив. Прошу еще раз простить за банальность, ведь это не блин, взял и повернул на другую сторону! Ан, а она-то сырая, и нужно время, пока подрумянится корочка.

Капелла — это людской конгломерат с различными складами ума и политическими взглядами. И вот этих людей-певцов с неустоявшейся психикой Климов обращает в свою веру. Только он мог бы ответить, сколько потребовалось усилий, чтоб развернуть Капеллу в будущее. И в это время Климов выступает не только как музыкант, но и как тонкий искусный политик.

Многочисленные встречи и беседы с Луначарским, Карпинским, Чичериним о будущем хоровой музыки, и в результате Луначарский выступает с речами перед концертами климовской Капеллы.

В двадцать девять лет М. Г. Климов стал профессором первой русской Консерватории, в сорок девять — получил как дирижер европейское признание, в пятьдесят четыре года смертельная болезнь сразила художника в борьбе с высокопоставленным партийным чинушей от музыки (В. И. Музалевским).

Климов говорил с ним по телефону, как всегда мягко, не повышая голоса, убеждая собеседника фактами, а получил в ответ грубость, хамство, крик, и сердце, до этого выносившее титаническую нагрузку, не выдержало. В пятьдесят четыре года Климову академик Ланг поставил страшный диагноз — инсульт, паралич левой руки и ноги, потеря речи.

Михаил Георгиевич уходил в молчании, но боролся за жизнь два года, за каждую минуту, час, день с фантастической энергией.

И в этом ему помогала Музыка!

Помню мой первый приход к больному на квартиру. У постели Анна Федоровна, его супруга. В глазах Климентия боль, жест сожаления и... тишина! Заиграло радио. Ария князя Игоря из оперы Бородина:

Ты одна, голубка Лада,
Ты одна винить не станешь,
Сердцем чутким все поймешь ты...

Глаза Учитель переводит то на жену, то на меня. Следом звучит ария Сусанина из оперы Глинки, обращенная к сыну Ване. Больной приподнял правую руку и указывает на меня, как бы говоря: «Вот и остались одни, голубушки! Ты да моя Нюша!!!»

Я продолжала репетиции и концерты климовской Капеллы. Навешая Учителя, много играла на рояле, а он поправлял, одобрял, радовался, печалился. Часто включалось радио, и Климов выбирал нужные музыкальные фразы из слышимого и давал знак: «Учти!» Глаза и рука Учителя продолжали жить, продолжало биться больное сердце, работал напряженно мозг великого музыканта.

Пальцы у губ – пьяно, рука отброшена в сторону – форте. С каждым днем все новые и новые знаки Художника.

Когда он закрывал глаза, означало – смертельно устал. Все это было пределом климовской выразительности как дирижера и Учителя.

Так он проходил со мной самые трудные места из сочинений, которые я воплощала с его Капеллой.

О поездке Капеллы с концертами в Донбасс и о моем увольнении за это из Консерватории сказано выше, и я не буду повторяться (см. главу «Климов» в книге «Мой музыкальный век»¹).

В истории искусства дирижирования был период, когда хормейстер управлял певчими и музыкантами только движением пальцев рук. Такое искусство называлось хейрономией. Это я узнала позднее. А тогда следила за климовскими движениями

---

¹ Кудрявцева Е. П. Мой музыкальный век. 2011. С. 40.

и знаками, как верная ученица за своим музыкальным Богом и Отцом...

В 1937 году моего Учителя не стало. Упокоился он на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры рядом с Глинкой. Отныне два капелльских Учителя лежат навечно рядом...

Когда мне бывает очень тяжело на душе и хочется все бросить, я вспоминаю уроки и разговоры с Учителем и жизнь продолжается!!!

*Е. П. Кудрявцева
Сентябрь 2003 года
Санкт-Петербург, институт им. Р. Р. Вредена*

Капеллане

**Е. П. Кудрявцева, Н. Д. Успенский,
П. И. Дурандин**

Только через страдания человек приходит к Богу. Если простой смертный преодолет все преграды, он может смело вступить в Божий чертог, и перед ним откроются врата Рая. Мой рассказ – о капелланах, что хлебнули лиха в жизни и пребывают ныне в райских кущах.

В 1931 году музыкально-хоровой техникум при Капелле (бывшие Регентские классы при Придворной капелле) закончили три молодых музыканта: Елизавета Петровна Кудрявцева (1914–2004), Николай Дмитриевич Успенский (1900–1987), Павел Иванович Дурандин (1913–2003).

О судьбе Е. П. Кудрявцевой, первой в стране женщине дирижере профессионального старейшего хора, народной артистке России, создателе собственной школы в Консерватории (дирижерско-хоровая, регентская элита – ее ученики), почетном академике многих консерваторий, я подробно рассказал в книге «Как очевидец» и следующей главе «Как создавалась книга Е. П. Кудрявцевой „Мой музыкальный век“».

Николай Дмитриевич Успенский

Н. Д. Успенский – великий ученый богослов, профессор Петербургской духовной академии, создатель регентского отделения при ней, почетный академик и доктор богословия многих православных заведений мира. А начинал свою карьеру он обычно. В юности учился в Новгородской духовной семинарии. В 1919–1923 гг. служил рядовым в Рабоче-крестьянской Красной армии. В 1928 году поступил, а в 1931-м окончил техникум Капеллы у корифеев русского хорового искусства, профессоров М. Г. Климова, П. А. Богданова, А. А. Егорова. Несколько лет Успенский – регент Троицкого собора на Измайловском проспекте. В эти годы Николай Дмитриевич и его жена Наталия Ивановна Шторре были арестованы НКВД, но вскоре за отсутствием улик отпущены. В 1932–1937 гг. он учился в Ленинградской консерватории на музыкально-историческом факультете. Изучал полифонию у профессора Х. С. Кушнарева.

По окончании вуза руководил самодеятельными хорами и оркестрами, играл простым оркестрантом в кинотеатрах «Аврора», «Правда», «Молния», дирижировал студенческими оркестрами в техникуме и Текстильном институте. В 1938–1941 гг. Успенский – создатель и первый директор, преподаватель Музыкально-педагогического училища № 3 (ныне – Третий музыкально-педагогический колледж Петербурга). В годы Ленинградской блокады Успенский – регент Никольского морского собора. Настоятелем храма был тогда Алексей Симанский, будущий Патриарх Руси Алексей I.

С 1946 года Николай Дмитриевич преподает на Богословских курсах. В 1948 году профессор Х. С. Кушнарев приглашает Успенского в Консерваторию, где он защищает кандидатскую диссертацию по древним русским ладам, но ректор вуза Ю. В. Брюшков добился его увольнения как «чуждого элемента нашей советской культуре». В 1957 году скончалась супруга. В 1959 году он обвенчался второй раз на Вере Григорьевне Успенской. Их брак благословил сам Патриарх Алексей I (Симанский).

В 1960 году Н. Д. Успенский организует регентское отделение при Духовной академии, получает звание доктора богословия, снова преподает в Консерватории (по предложению Х. С. Кушнарева).

В 1978 году в дом в Шапках, пригороде Ленинграда, где жил ученый, залезли воры. Электричество, уезжая, хозяин отключил. Бандиты нашли какие-то бумаги и поджигали их в поисках драгоценностей и спалили дом Успенского. В огне погиб и труд всей его жизни – «О древних русских церковных песнопениях».

На концертах в зале на набережной Мойки, 20, где мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, дирижировала Капеллой и Хором любителей, я часто встречал скромного седовласого человека. Мама как-то представила меня:

– Николай Дмитриевич! Это мой сын, Александр Мурин. Он тоже капеллан! Пишет в Консерватории работу о А. Т. Гречанинове!

Брови Успенского взлетели на лоб:

– Это великий русский композитор! Его творчество, особенно церковно-хоровые творения, – бесценный вклад в нашу музыку!

И он стал подробно спрашивать о композиторе, а когда узнал, что мы с мамой вознамерились исполнить с Хором любителей «Демественную литургию» композитора, просто воссиял! Позднее в 27-м классе Консерватории, когда мама играла это сочинение на рояле, он подпевал ей и его лицо светилось каким-то неведомым огнем.

На мамины концерты в Капелле Успенский приводил своих коллег из Академии. Они смиренно снимали свои церковные одеяния в библиотеке за кулисами и в гражданских костюмах проходили через сцену в зал.

23 июля 1987 года Н. Д. Успенский скончался и был похоронен на Серафимовском кладбище, близ церкви Серафима Саровского. На картине, что висит в Князь-Владимирском соборе, среди великих иерархов нашей церкви изображен Н. Д. Успенский.

А на мраморной доске в первой русской Консерватории среди великих воспитанников П. И. Чайковского, А. К. Лядова выбито золотом имя Николая Дмитриевича Успенского.

1-й ряд: Е. П. Кудрявцева (вторая слева), 2-й ряд: М. Г. Климов (четвертый),
А. А. Егоров (шестой), П. А. Богданов (седьмой), 3-й ряд: Н. Д. Успенский
(седьмой), 4-й ряд: П. И. Дурандин (восьмой, в белой рубашке)

Павел Иванович Дурандин

В 2001 году в 27-й дирижерский класс Консерватории, где мама занималась со студентами, вошел богообразный старик. Таких обычно рисуют на иконах, как святых. Он обратился к профессору:

– Вы – Лиза Кудрявцева? А я... Паша Дурандин!

Через мгновенье они бросились друг другу в объятия, проливая горькие слезы. И Павел Иванович поведал о своей жизни – жизни мученика XX века.

Родился он в Гатчине в 1913 году. Отец служил у Александра III и Николая II царским садовником I-го разряда. В 1917 году отец помер, оставив вдову с двенадцатью детьми-сиротами. После Октября «буржуи» Дурандины бежали из Гатчины на юг. Под Мариуполем все они, кроме Паши, скончались от сыпного тифа. В 1923 году Павел поступил малолетним певчим в Капеллу. Он отлично владел скрипкой, но по окончании Капеллы поступил в Мариинский театр в оркестр контрабасистом. По иронии судьбы скоро профессия сократится до слова «контра». 5 лет он «пилит» свой инструмент в оркестре Красной армии в Москве. В 1941 году под Керчью муз. взвод, где служил Дурандин, попал в плен! Фашистский лагерь. Ад! Но он выжил! После победы – Оркестр Балтийского флота. В 1947 году его вычислили чекисты. Арест! Допросы. Припомнили и отца, царского холоуя, и плен, и фашистский лагерь, и получил Паша-Контра 25 лет уже в советском лагере в Инте. Работал в шахте на износ. Когда стало совсем невмоготу, начальство приказало создать из доходяг политических... симфонический оркестр. Павел Иванович соорудил из фанеры контрабас, из хвоста дохлой кобылы струны и смычок и пилит свою «железку». В конце века отбарабанил свой срок до «копеечки», но главные города СССР для него были закрыты. С трудом устроился в симфонический оркестр в Донецке. А в 1993 году (в 80 лет) отправили на нищенскую пенсию. Вскоре получил П. И. Дурандин из военной прокуратуры Балтийского флота справку, что он реабилитирован как жертва необоснованных политических репрессий!

– Радость-то какая! Я полвека ждал этой несчастной реабилитации! Думаешь, предо мной они извинились, что сломали

жизнь? Черта с два! Будут они извиняться! – выдохнул Павел Иванович.

– А про тебя, Лиза, я все знаю! Ты молодец! Не подвела Климентия! (Так капеллане звали своего великого учителя, профессора М. Г. Климова.)

Они еще долго сидели друг против друга, взявшись за руки, не веря этой фантастической встрече... Потом мама порылась в своем портфеле и что-то засунула другу за пазуху. Тот три раза поцеловал ее и, крестясь, бормоча молитвы, пятясь, вышел из класса. Когда через час я проходил к выходу из Консерватории, на банкетке в гардеробе увидел Павла Ивановича. На предложение проводить его, он отказался и перекрестил меня на прощанье!

Через год из Донецка пришла печальная весть: П. И. Дурандин на девяносто первом году скончался.

Кудрявцева, Успенский, Дурандин – три песчинки в бурном океане XX века, три русских христианина!!!

9 июля 2014 года

Как создавалась книга Е. П. Кудрявцевой «Мой музыкальный век»

За долгую жизнь мамы судьба много раз наносила ей коварные удары.

В 1929 году пятнадцатилетняя Лиза остается сиротой.

В 1935 году, вернувшись из гастрольной поездки с Капеллой, дирижировав за месяц двадцать три концерта, двадцатилетний хормейстер узнает, что отчислена из Консерватории «за непосещение хорового класса».

1937 год. На репетиции Капеллы мама обнаружила, что полтора десятка опытных певцов арестованы как враги народа. Правда, через двадцать лет их реабилитируют посмертно.

Годы войны с фашизмом. Надо спасти старейший русский хор. И двадцатисемилетняя Елизавета Петровна совершит, как скажут потомки, подвиг.

В 1961 году назначенный директором партийный чиновник из Москвы лишает маму дела ее жизни – Ленинградской капеллы. «В связи с переходом на другую работу (Консерватория) освободить от занимаемой должности...» – гласил приказ министра культуры СССР.

И вот август 2003 года, накануне девяностолетия – последний удар. Случайный перелом бедра. Институт травматологии. Врачи, опасаясь за больное сердце, предлагают консервативное лечение.

«Прикованный Прометей». В ее глазах вдруг погас тот огонь, что долгие годы светил людям.

Придя в палату, где мама лежала неподвижно (фиксирующая конструкция мешала повернуться) и смотрела в белый потолок, я в первый момент растерялся, а затем «оптимистично» изрек:

– Надо работать! Надо работать... над книгой воспоминаний!

Мама поддержала эту мысль. И начались многомесячные ежедневные рассказы. Мама правила, уточняла, сокращала, и все начиналось сызнова. Постепенно возникли главные разделы книги: «Учитель (Климов)», «Друзья», «Ученики», «Мои любители».

Так уж сложилось, что все мамины друзья-музыканты ушли к этому времени в мир иной. О многих она ранее (еще до болезни) написала 15 эссе. Я собрал эти публикации и принес маме. Она их внимательно перечитала.

Символично, что, когда мамино кровяное давление зашкаливало, а боль в ноге была невыносима, она диктовала мне полные юмора и оптимизма главы о Н. Г. Рахлине, Н. М. Данилине, Е. А. Мравинском. И наоборот, в солнечные дни осени, плакала, читая свои же трагические страницы о Костике (К. А. Симеонове).

Мама строго-настрого запретила приходить коллегам по Консерватории, ученикам, друзьям. Она не хотела, чтобы ее видели беспомощной, неподвижной, жалели. Исключение было сделано только близкому другу – концертмейстеру консерваторского класса Г. Г. Сениной. Она приносила «дозированные вести» с «музыкальной воли».

Мама составила подробное расписание занятий консерваторского класса, планы студентов и репетиций Хора любителей

пения, что готовился к 45-летию со своего дня основания, которое совпало с маминым девяностолетием в мае.

Помню, когда спустя два месяца врачи разрешили повернуться на бок, и мама увидела через больничное окно седьмого этажа осеннюю золотую листву, часть озерца и спующие по Северному проспекту грузовики, в ее голосе появились интонации, свидетельствующие о выздоровлении.

В первых числах декабря врачи разрешили перевезти маму на носилках домой. В родных стенах выздоровление пойдет быстрее, заверили они. Эскулапы позволили садиться на кровати и даже вставать на костыли.

Тем временем работа над книгой продолжалась. Среди бумаг в архиве нашли «Актовую речь», с которой мама выступала перед Консерваторией в 1987 году к 125-летию вуза. Электронную версию речи мама послала новому ректору Сергею Ролдугину:

– Пусть прочтет! Может, будет полезна!

Многие главы мама читала своим врачам, друзьям, ученикам (А. С. Дмитриеву, А. М. Степанову, В. А. Пчелкину), что навещали болящую. По телефону часами разговаривала с Китайчиком (Д. Г. Китаенко), что звонил из Швейцарии. Глебу Скворцову, который прислал компакт-диск с «Реквиемом» Моцарта, устроила по приезде его из Швейцарии трехчасовой разбор по косточкам. Мама постоянно интересовалась здоровьем Владислава Чернушенко, который перенес операцию на сердце, и особенно беспокоилась о Равиле Мартынове, который лежал в критическом состоянии в больнице Ростова-на-Дону.

В апреле 2004 года телекомпания «СТО» (продюсер Андрей Владимирович Максимков) сняла по моему сценарию телефильм «Отечество и судьбы. Мурины-Кудрявцевы», в котором треть была посвящена мыслям мамы о музыке. Фильм показали по программе «Культура» в июне, уже после юбилейных торжеств. В него вошли кадры концерта в Большом зале Филармонии под управлением А. С. Дмитриева и выступления Капеллы, Хора мальчиков и Любителей пения.

Сколько радости было у мамы, когда в юбилейные дни пришли поздравить ее два правнука: Владимир (мой внук) и внук Катерины Влад (Владимир Алексей Дэвид), который приехал специально из Англии.

После концерта в Большом зале Филармонии в честь мамы, где играл Андреевский оркестр под управлением маминого воспитанника Д. Д. Хохлова, Влад ворвался в комнату и с детской непосредственностью воскликнул:

– Лиза! Мы победили! Смотри, сколько цветов!

Так он реагировал на триумфальный концерт, где мама отсутствовала.

Мама самостоятельно, стойко каждый день проходила по комнатам положенное врачами количество шагов, часами сидела и читала на балконе. Мы отобрали для книги две сотни уникальных фотографий.

В роковой день 29 сентября 2004 года мы с мамой работали, как обычно, четыре часа над книгой. Мама проверила главы «Р. С. к юбилею», «Время собирать камни», продиктовала эпиграфы к разделу «Друзья»: «Мои друзья принадлежат истории...» и к разделу «Ученики»: «Письма моих учеников – часть жизни...»

Еще раз прочитала мое эссе о «Классической симфонии» Прокофьева и к словам Сергея Сергеевича «Вот видите, как ругали мою симфонию! А она звучит!» добавила: «Мне это напоминает сказанное Галилеем „И все-таки она вертится!“».

Вечером того же дня страшный приступ болезни. Первого октября сложнейшая операция, а третьего октября в пятнадцать часов сердце мамы остановилось.

8 октября после похорон мамы на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Малом оперном театре им. М. П. Мусоргского шел «Реквием» Верди. Когда за пульт встал мамин ученик Андрей Аниханов и обратился к залу со скорбной вестью, зал встал. А затем вспыхнула музыка Верди. Мамина любимая музыка звучала, звучит и будет звучать вечно.

28 декабря 2006 года

Гриня

Г. И. Беззубов

После блокады в октябре 1944 года в капелльской школе в помощниках у легендарного Палладия Андреевича Богданова появился его друг, бывший певчий придворного хора, воспитанник регентских классов Григорий Иванович Беззубов (с капелльской кличкой Гриня). Как сплетничали взрослые, он был в годы войны хормейстером у Дунаевского в Ансамбле пяти морей и как-то, крепко выпив, попался на глаза грозному морскому начальнику-адмиралу, который приказал гнать несчастного в шею. Так Г. И. Беззубов оказался в нашей школе и одновременно в ансамбле ДК «Трудовые резервы», что создал П. А. Богданов на улице Софьи Перовской, дом 3.

С Гриней я познакомился поближе, когда мой дядька, А. Г. Мурин, взял меня хормейстером в хор ДК. Григорий Иванович распевал хор и объяснял азы сольфеджио и нотной грамоты. Ребята и девочки пели по нотам, а не по слуху. Помимо «Трудовых» Беззубов вел еще хор юношей в Аничковом дворце, причем они пели во время мутации голосов. Это многим казалось авантюрой. Но певцы сохраняли голос, и из них вышли замечательные вокалисты и хормейстера.

Вернусь в далекий 1951 год. Капелла отмечала семидесятилетие П. А. Богданова. Во время торжеств его сестра Мария Андреевна, услышав любимую песню погибшего единственного сына П. А. Богданова Сережи, скончалась от разрыва сердца! В Капелле шумел праздничный банкет и от юбиляра скрыли это несчастье! После Палладий долго болел. В один из дней его навещил друг Г. И. Беззубов.

— Ну, что новенького, Гриня? — спросил больной, а тот по простоте души ляпнул:

— Да нет никаких новостей! Вот только Вася Зайцев вчера помер!!!

А Василий Михайлович Зайцев вел в школе хор младших классов и был любимцем Богданова! Палладий, как стоял у рояля, так и рухнул, как подкошенный, ударился головой о ножку инструмента. Результатом — обширный инфаркт и частичный паралич.

От этих напастей он не оправился, хотя прожил еще долгие двадцать лет.

А с Григорием Ивановичем Беззубовым мы пахали в «Трудовых» долгие годы. Многие распевки и вокальные приемы я позаимствовал у него на будущее.

В конце своих дней Г. И. Беззубов получил почетное звание «Заслуженный учитель России», персональную пенсию союзного значения. О его кончине сообщил мой друг, руководитель ансамбля песни и пляски имени И. О. Дунаевского Владимир Бадулин. Он попросил похлопотать о похоронах на кладбище Памяти жертв 9-го января.

— У тебя, Мурин, есть в Лавре знакомый приятель, регент Игорь Григорьевич Петров! — и дал его служебный телефон. Я позвонил. В трубке раздался бас Банана (капельская кличка Игоря Петрова).

— Игорь Григорьевич Петров?

— Оный слушает! Кобыла!!! Где ты раздобыл мой телефон???

Я изложил суть дела. Через пять минут вопрос о похоронах нашего Грини был решен положительно.

1 июня 2012 года

Сын хозяйки Голубой гостиной

Леонид Григорьев

Леонид Григорьев (по-капельски Лёничка) окончил Хоровое училище у профессора Г. А. Дмитриевского, затем Консерваторию у старого капеллана, профессора Н. В. Михайлова и как симфонический дирижер у мэтра, профессора И. А. Мусина.

Леонид Александрович Григорьев вот уже более шестидесяти лет — преподаватель и руководитель студенческого оркестра Музыкального училища имени М. П. Мусорского. Сотни партитур классиков прошли через его руки в переложении для молодых оркестрантов.

Леня Григорьев, Женя Барков, Е. П. Кудрявцева, 1952 год.
Кадр из «Ленинградской кинохроники» № 4

А с 1979 года он еще педагог регентского отделения Духовной академии, где ректором был тогда нынешний Патриарх всея Руси Кирилл.

Мечта стать дирижером зародилась у Леонида еще с детства. С 1944 года мы пели в капелльском хоре мальчиков под руководством П. А. Богданова, а в 1949-м принимали участие в премьере оратории Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах», что дирижировал Е. А. Мравинский. Мама Лени, Валентина Ивановна, была хозяйкой знаменитой Голубой гостиной Большого зала Филармонии. О ком только она не заботилась: композиторы, дирижеры, инструменталисты, вокалисты, фактически мировая музыкальная элита второй половины XX века. И каждому – истинно русское гостеприимство, теплый, душистый чай, ароматный кофе, печенье, иногда и домашние вкуснейшие пирожки. Она же оберегала гостей от назойливых поклонников и поклонниц. У Леонида дома хранится толстенная папка, а в ней фото и автографы

Юзик Лифшиц, Леня Григорьев, Куликов, Саша Мурин.
25 ноября 1949 года. Большой зал Филармонии. После премьеры
оратории Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах»

Стравинского, Шостаковича, Хачатуряна, Бриттена, Мравинского и других великих музыкантов.

Мама приводила Леню на концерты в Большой зал Филармонии. Я часто видел его на красном диване у занавески, что вела в Голубую гостиную. Оттуда он наблюдал пиршество музыкальных гениев. Вот откуда феноменальная эрудиция и обширные познания моего старшего друга. В июне 2014 года он представил свой труд последних десятилетий – двухтомное издание «Полного собрания духовных концертов Д. С. Бортнянского (на основе подлинных авторских изданий композитора)». Причем Григорьев изучил все прижизненные публикации композитора и во вступительной статье дерзнул сделать сравнительный анализ сочинений с редакцией П. И. Чайковского столетней давности для издания П. И. Юргенсона. П. И. Чайковский сделал с музыкой Бортнянского то же, что Н. А. Римский-Корсаков с творчеством М. П. Мусорского, т. е. приспособил ее к законам и гармоническим вкусам современников, лишив слушателей авторского аромата начала XIX века.

В наших консерваторско-музыковедческих коридорах эта работа Л. А. Григорьева спокойно претендует на почетное ученое

звание, а реставрированная исследователем церковная музыка Русского Орфея просится на концертную эстраду и в православные храмы.

4 августа 2014 года

Наставник

Анатолий Емелин

В первые месяцы войны с фашистами в нашем Ленинграде царила неразбериха, а в сентябре началась блокада. Ленинградская капелла вместо Новосибирска оказалась в забитом беженцами городке на Вятке Кирове на правах изгоев. Многие родственники певцов застряли: кто в блокадном Ленинграде, кто в других местах. Слава Богу, капелльские мальчишки стараниями П. А. Богданова осели в вятской деревне Арбаш и были спасены.

А. А. Мурин, А. П. Емелин, Е. Д. Выходцева (заместитель директора Капеллы). После концерта, посвященного 130-летию со дня рождения П. А. Богданова. Зал Капеллы. 2011 год

Зимой 1943 года певец хора Павел Степанович Емелин разыскал и привез сынишку Толю в Горький, где обитала Капелла. В нашей мальчишечьей ораве (П. Левандо, И. Воробьев, Ф. Крупоедов) прибавился друг с грустными глазами. Он был тихим, спокойным парнем. Мы и понятия не имели, что его брат умер на перепутье военных дорог. Мама Толи, Зинаида Михайловна, была костюмером хора. Это благодаря ее умению белые платья капелльских певиц на концертах великолепно выглядели, а фраки и смокинги на тенорах и басах красовались, как на английских лордах.

В 1944 году Капелла и многочисленные родственники вернулись в родной город. Толя поступил сразу в старший класс Хорового училища Капеллы, которое окончил с красным дипломом в 1951 году. Его учителем был мэтр хорового искусства профессор Г. А. Дмитриевский. Затем – Консерватория у профессора И. И. Полтавцева.

Два года А. П. Емелин – хормейстер в Оперном театре в Душанбе, десять лет преподает в Ленинградском областном культурно-просветительном училище и вместе с В. К. Барановым руководит лучшим мужским хором города в ДК Первой пятилетки.

С 1968 года он – педагог родного Хорового училища при Капелле и параллельно с 1979 года – на регентском отделении Духовной академии. Напомню, ректором Академии тогда был молодой священник, ныне Патриарх всея Руси Кирилл. Среди воспитанников Анатолия Павловича многие стали украшением и славой нашего русского хорового искусства, а их наставник – Учитель – по-прежнему стремителен, бодр, молод духом!

Так держать, дорогой Анатолий Павлович!

Репетиция хора

Н. В. Михайлов

Сценарий фильма. Восстановлен 2 марта 2011 года в Петербурге по архивным спискам.

От автора: У знаменитого итальянского киношника Феллини есть популярный фильм «Репетиция оркестра». Я в своей записной книжке за 1957 год обнаружил готовый сценарий фильма «Репетиция хора», «Золотой пальмы» и «Веня-цианистого львы» не удостоенный. «Ну и хор с ним!» – сказал бы Паст (капельльское имя народного артиста Украины Александра Ивановича Пустовалова). Про него в мудрейшей хоровой капельльской энциклопедии сказано: «Аркадий Райкин дуба даст, когда отмочит хохму Паст!»

Герои фильма, действующие лица, личики и их исполнители:

Николай Васильевич Михайлов – старый консерваторский профессор, воспитанник Придворной капеллы (Мих.).

Студенты – певцы хора:

Леня Григорьев (Гри.), Аня Орлова (Ор.), Зяма Массарский, Сашка Пустовалов (Паст), Слава Чернушенко, Коля Оненко, Стасик Легков (Леший), Карл Клуцис, Слава Ростовцев, Мина Фукс, Лида Фулиди и др.

От автора, за кадром: Саша Мурин (Мурка).

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

Сцена Малого зала им. Глазунова Консерватории им. Римского-Корсакова.

11 утра. Второй час репетиции. На первом не было кворума (нескольких басов, альтов и теноров)!

11:00. Мих.: Встать! Это относится к тем, кто не был на первом часе! Остальные могут сидеть!

Гри.: Сергей! Иванович! Танеев! «Звезды»!

Мих.: Танеев – Бах из пожарного депо на Покровке в Москве! (Смех в зале.) Это Чайковский сказал, а не я! (Снова смех, шуршание нот. Профессор считает студентов по головам, мурлыча под нос, ходит по сцене, держа в руке папиросину «Беломор»: Один... дурр...рак, два дурр...рак, три дуррррр...рак...)

«Пчхии!» (Чихнул в кулак Зяма Массарский. Хотел втихаря, а получилось на весь зал.)

11:27. Гри.: Повторим с листа: «Посреди светил...»

11:28. Гри.: Цифра 4, второй такт, 2 четверти, одни сопранчики!

11:39. Гри.: Мелодия не должна развиваться, а все... текла, текла, текла... (Чихнул громко Оненко. Хор тихо разговаривает.)

Гри.: Еще раз все вместе, сначала сопрано, затем... весь хор. (Все поют. Тенора давятся на высоких нотах. Громко зевнул, как лев, Слава Ростовцев. Слышны переговоры Фулиди и Клуциса.)

11:40. Мих. (Идет на сцену): Поете 40 минут, а я не разобрал ни одного слова! Это какой-то хаос! Нужна активная мобилизация! У кого голова болит – может выйти!

11:41. Гри.: У сопрано в 5 цифре ми бемоль... Новые созиждутся!!!

11:44. (Стасик Легков закончил учить 7-й номер «Реквиема» Моцарта)

Легков: Что поем? (Кто-то пальцем указывает ему место в нотах. Он включается в репетицию.)

11:46. Мих. (Ходит по сцене.): Прошу из-за такта «Там и вы... туманные... мысли... (Волевой взмах руки. Хор зычно поет!)

11:47. (Хор перевернул страницу в партиях.)

Мих.: Слава! Богу! Доплелись! До! Могили! (Хор поет: «Там и вы над нашими темными могилами...»)

11:48. Гри.: Спасибо!

11:50. Мих. (После долгой паузы): Конеч!.. Свободны!.. (Шум. Гам. Перерыв!)

ВТОРАЯ СЕРИЯ

12:00. Третий час репетиции.

Дипломант Орлова (Ор.): Репетируем «Аве Мария»! Баха – Гуно! Девочки! Надо собраться! (Это к сопрано и альтам.) Надо собраться!

12:06. Ор.: Слова непонятны! Проверим слова! «Авееее... Марья!...»

(Михаилов сидит в партере, прикрыв глаза рукой. В другой потухшая сигарета.)

12:09. Ор.: Более-менее ноты! (Хор поет: «Аменн!»)

12:13. Мих. (Кричит из партера.): *Pe, si, соль!* Шестнадцатая! (Хор вместо «Ин муллин» поет: «И Мурин!»)

Ор.: Одни тенора и сопрано на 4 долю «Ин муллин» и дальше. Сначала! Без вступления! Пожалуйста!

Мих.: *До! Pe!* (Палец вверх!) В 99 случаях надо петь осмысленно! Тогда будет чисто!

Ор.: Нота живая! Еще тоньше! Еще тоньше! «Аввеее!»

12:23. Мих.: Диминуэндо труднее делать, чем крешендо!

12:25. Ор.: Опять с «Грация плена»! Еще разок! (Зяма Массарский вспомнил добрым словом А. В. Свешникова и рассказал нам историю про «грацию из плена»...)

Ор.: Надо полюбить... мелодию... (Слава Чернушенко сидит в партере с закрытыми глазами. Болит горло. Может, дремлет или стихи сочиняет.)

12:28. Мих.: Я, друзья, устал от вас!!!

Ор.: Санта – четыре форте, Аменн – пьяно.

12:31. Мих.: Атака! Модуляция в ре мажор! Волны! Плещут! Танеев! Естественно! (Вынул папиросу и переложил в другую руку).

Ор.: В каждом четырех нотах надо сделать вилочку и такое малюсенькое... стакатто! Девочки! Соберитесь!

12:45. (Паст начал по памяти в ритме Танеева читать «Луку Мудищева» Баркова. Зяма предложил открыть в консерватории клуб молодых матерей, а председателем избрать Анну Орлову! Приняли!)

12:46. Мих.: Страшно все толсто! *Ми! Pe! Си! Ля!* Надо на цыпочках! Как на цыпочках! Прозрачность должна! Дирижера нет вообще, а один пальчик! (На репетицию входит студентка Мина Фукс! Опоздала! Тенора во главе с Карлом Клуцисом поют: «Мина! Встречи ждет со мною!» Басы с Пастом отвечают: «Для меня ты... от... крыла!»)

12:50. Ор.: Все вместе! Тише! Тише!

Мих.: Ах! Вы уже на полтона внизу! Аменн! Соберите ноты!

12:53. ФИНАЛ.

*15 марта 1957 года. Записал Александр Мурин. 3-й курс
2 марта 2011 года*

Орхидея

Владимир Васильев

В директорском зале Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина на Невском проспекте на презентации моей книги «Как очевидец» было сказано много добрых слов и доктором технических наук, профессором Космической академии им. А. Ф. Можайского Борисом Гранкиным, и профессорами Консерватории Олегом Соколовым и Иваном Федосеевым. Вдруг к сцене вышел капелланин, много лет преподававший в Институте культуры, автор многочисленных статей и книги по музыкальному воспитанию, профессор Владимир Алексеевич Васильев. Он заговорил стихами:

Да кто он таков, фимиамом окурен,
Окутан волшебным звучаньем хоров,
Музвед и поэт, талантлив и скромн,
Народный учитель, эссеист, краевед.
В общенье речист и лучист,
А в дружбе кристален и чист,
Хрустален, как мрамор,
И тверд, как гранит,
Капельскую память и тайны хранит?
Да кто он такой, фимиамом окурен?
Все это наш друг, дорогой Саша Мурин.
Все время при нем возникают идеи.
Прими же в подарок мои орхидеи!

После вручил мне редкой красоты цветок – орхидею. Видимо, в него мой старший товарищ вложил столько любви, что чудо природы вот уже третий год радует взор и не вянет!

15 августа 2014 года

Отец Федор

Ф. О. Логунов

Мои одноклассники на уроках истории, когда отец Федор (Федор Осипович Логунов) увлеченно рассказывал о батыях и кончаках, по-наглому решали задачки по математике, играли в морской бой или читали, держа на коленях книгу «Золотой теленок», что притащил в класс Сашка Смирнов. Отец Федор, в неизменной гимнастерке, кирзовых сапогах и брюках-галифе, по-кошачьи, как барс, подкрадывался к нарушителю и резко накрывал тетрадь или книгу ладонями, сгребал в кучу, рвал на мелкие кусочки и демонстративно подбрасывал вверх. Они разлетались, как хлопья талого снега, опускаясь на наши бестолковые головушки. Затем историк брал провинившегося за ухо, приподнимал из-за парты и тащил к знаменитой двери с надписью «КанцЪлярия», по пути напевая протокольным голоском:

Ах! Куда ты, паренек, ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!

Если путь от камчатки был более долгим, то мы вкушали и окончание песни:

В Красной армии штыки, чай, найдутся!
Без тебя большевики обойдутся!

Такая же процедура повторялась и с другим нарушителем, но репертуар менялся:

Говорил пингвин пингвину:
Ты похож на куль с мякиной!
Отвечал на это: Что ж!
На меня ты сам похож!

Стоящие у входной двери ребята старались прислониться к ближайшей стене или к шкафу, что размещался в проеме. Отец Федор с издевкой замечал:

— Титов! Еще шаг, и будешь за дверью!

И размеренно продолжал рассказ о деяниях грозного Ивана Васильевича!

Во второй половине XX века Ф. О. Логунов, будучи завхозом Эрмитажа, с таким же сладострастием распищал на суде Иосифа Бродского и долбал тунеядцев типа Михаила Шемякина. Когда ребята по его заданию скалывали лед на Зимней канавке и, сплавляя его в Неву, провалились в ледяную воду, отец Федор заявил мокрым «антиллигентам» цитату из Маркса:

— Труд делает из человека обезьяну!!!

На что кто-то возразил:

— Это сказал Дарвин! Но наоборот!

В ответ прозвучало грозное:

— Молчать, черти! Это! Карл! Сказал!!!

30 мая 2012 года

Сан Саныч

А. А. Патрикеев

Послеблокадной осенью 1944 года в капелльскую школу набрали сотню мальчишек и девчонок. Все занимались гуртом, так как стекла в окнах капелльских классов были выбиты в войну. Теоретические занятия вели два старых регента Палладий Андреевич Богданов и Григорий Иванович Беззубов. Спевки проводили Богданов и его ученица по Капелле Елизавета Петровна Кудрявцева.

В начале следующего года в школе появился новый преподаватель сольфеджио и гармонии, фронтовик Александр Александрович Патрикеев. Он был одет в старый поношенный костюм, видимо, довоенного покроя. Лицо его было одутловатым, усталые, чуть выпуклые глаза с красными веками слезились, как от пыли. Любимое слово Сан Саныча было «Оптимально!»

— Оптимально диктант восемь тактов в тональности ля мажор! Записать после первого прослушивания!

Стоят: Александр Климов, Эдуард Жучков, Леонид Тепляков, Александр Говоров, Владимир Васильев, Владимир Мызников, Юрий Невядовский, Юрий Петухов, Валентин Векшинский, Александр Корюхин, Александр Козловский, Герхард Цес.

Сидят: Николай Патрикеев, Михаил Кукушкин, Олег Челпанов, Владимир Шляпкин, Теймураз Кухалев, Леонид Игнашин, Владимир Модель, Александр Мурин, Феликс Гурджи, Евгений Садилов, Сергей Козырев, Леонид Южаков, Леонид Петров.

На поминках по А. А. Патрикееву в Доме композиторов. 1988 год

Играл диктант он, стоя у инструмента, и, едва оторвав пальцы от клавиш, стремительно бежал по проходу между партами и отбирал тетрадки у слушачей Тимки Кухалева, Коленьки Мартынова и Герки Цеса, чтобы другие не скатывали.

Молодость Сан Саныча прошла в окопах Великой Отечественной войны, и к нам он пришел довольно потрепанный жизнью. Это потом, спустя годы, мы поняли, что, если бы не война, из нашего любимого Сан Саныча мог выйти замечательный, может, выдающийся дирижер-хормейстер страны. Его слух поражал нас. Он слышал все: и звуки, и тихие разговоры учащихся. Дав гармоническую задачку, Александр Александрович подходил, сутулясь, к окну нашего класса, что был на первом этаже,

и смотрел, как из окопа, не мигая, на серое ленинградское небо, на капелльский двор, на соседний капелльский флигель, где жил руководитель Капеллы, профессор Г. А. Дмитриевский. Из забвения Сан Саныча выводил обычно голос кого-либо из пацанов:

— Я закончил задачку!

Он брал нотную тетрадь и стоя, скрупулезно проводя мизинцем руки по гармоническим катакомбам-каракулям, делал конкретные точные комментарии, потом шел к учительскому столу и ставил в журнал оценку. Несмотря на строгий вид Сан Саныча, мы его любили.

Однажды, стоя у окна, Сан Саныч громко скомандовал:

— Класс! Встать!

Все вскочили. По двору Капеллы шел старичок с острой седой бородкой.

— Знаете, кто это? — воскликнул Патрикеев. — Это ученик и друг Римского-Корсакова, Оссовский!!! Садитесь!

Как-то в конце урока Александр Александрович сидел, склонившись над журналом. Высокие дылды, я и Тимка Кухалев, как подъемные краны, сверху смотрели, какие оценки ставит учитель. Валька Мадер шел с последней парты, камчатки, раскачиваясь и посвистывая, к доске и, думая, что Сан Саныч ушел, громко заявил:

— Ребята! А наш Сан Саныч — пьяница!

Патрикеев вздрогнул, захлопнул с шумом журнал, оглядел класс своими колючими красными глазами, остановил взгляд на Мадере, потом безмолвно вскочил и строевым шагом быстро вышел из помещения. С тех пор Мадера (капелльская кличка Мадера) по сольфеджио и гармонии больше трети не зарабатывал.

В 1950 году с Хором молодых рабочих Ленинграда Александр Александрович поехал на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлин. Хор состоял из так называемых молодых рабочих — студентов и аспирантов нашей Консерватории А. А. Патрикеева, Ф. М. Козлова, В. К. Баранова, В. А. Отрезова, Киры Изотовой и др. Руководителем назначили И. И. Полтавцева, зятя композитора А. Г. Новикова. На подмогу в жюри из Москвы послали профессора Консерватории В. Г. Соколова.

Естественно, «молодые рабочие» привезли с фестиваля в Ленинград золотую медаль, а Иван Иванович Полтавцев вскоре получил вождеденное звание доцента в Консерватории.

В 50-х годах, когда мы уже учились в Консерватории, студенческим хором руководили доценты И. И. Полтавцев и Н. В. Романовский. Разучивали кантату А. Г. Новикова, посвященную юбилею Московского университета. В финале кантаты у басов была секвенция со следующими словами:

Для нас, друзья,
Звезда горит,
На нас Ломоносов глядит!

По предложению Сашки Пустовалова (капельская кличка Паст) мы вместо «Ломоносов» спели: «На нас Романовский глядит!» Хор взорвался хохотом. Иван Иванович взлетел на сцену Малого зала и гневно изрек:

— Мальчишки! Капельские хулиганы! Чему смеетесь? Там далее будут имена других корифеев русской науки!

Хохот громче первого потряс стены Консерватории. Как смеялся Сан Саныч, когда я ему поведал при встрече эту историю, не передать словами. Он то всхлипывал, то прижимал пальцы к губам, то вытирал слезы белоснежным платком.

В 60-е годы И. И. Полтавцев и П. П. Левандо в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской (в простонародье Крупе) создали из библиотечных «мыр» музыкально-хоровое отделение. Пригласили преподавать на нем А. Е. Никлусова из Консерватории, Ф. М. Козлова из Хорового училища Капеллы, А. А. Патрикеева из Педагогического института им. А. И. Герцена.

Но карьера А. А. Патрикеева в Крупе не сложилась. И. И. Полтавцеву приглянулась одна деваха по имени Медея, к которой был неравнодушен Сан Саныч.

В те годы ученик А. А. Патрикеева, хормейстер Петр Ларин, позвал его на север, чтобы заработать приличную со льготами пенсию.

И Сан Саныч уехал в город Апатиты под Мурманском. Там случилась трагедия. Выпив водочки, Александр Александрович

улегся с неизменной беломориной в постель в своей крохотной служебной комнатухе и заснул. Пожар! Страшный ожог пятидесяти процентов тела. Обгорела грудь, бока, уцелело только лицо, которое он закрывал ладонями. Полгода в критическом состоянии в северной больнице, еще полгода в термическом отделении Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Я и мой помощник по Дому творчества В. И. Пономарев навещали старика. Видимо, был крепок духом наш Сан Саныч. Одолеl невзгоды, вернулся в Апатиты, одно время преподавал, давал частные уроки, оформил северную пенсию.

Последний раз я виделся с Александром Александровичем незадолго до его смерти. Я приехал в Апатиты. Город купил скульптуру моей супруги Галины Додоновой, мы устанавливали ее. Тогда я навестил Сан Саныча. Он радовался безмерно, как ребенок, расспрашивал обо всем и обо всех капелланах несколько часов. Обнаглев, я сыграл ему свои хоровые опусы. Патрикеев остался доволен, особенно ноктюрном на стихи поэта Передреева:

Как эта ночь пуста, куда ни денсья,
Как город этот ночью пуст и глух...
Нам остается, друг мой, только песня —
Еще не все потеряно, мой друг!

— Оставь, Шурик, мне на память свой хор, — попросил он.
Я вернулся в Питер.

А в один из дней Сан Санычу в Апатиты позвонил из Ленинграда капелланин Володя Модель. Патрикеев бросился к телефону, что был в коридоре, споткнулся о порог, сломал шейку бедра и вскоре скончался. Сын А. А., Николай, схоронил его в Апатитах, а в Питере мы, капелльские ученики, собрались в подвальчике Дома композиторов и помянули нашего Сан Саныча «незлым, тихим словом»!

30 мая 2012 года

Модуляция

О книге профессора Олега Соколова

Прошу мои размышления не считать рецензией на книгу профессора Консерватории О. Д. Соколова «Модуляция». Для этого следует детально решить все задачи, комбинации, таблицы, приведенные в ней.

Главное достоинство труда автора – его доступность и простота, идущая от музыкальных предков и, прежде всего, от капелльского бога Палладия Андреевича Богданова. Сложные теоретические понятия он раскрывал нам с такой простотой, что врезались в память навечно:

- Алле бреве – деленное пополам!
- Первый в гамме полутон – между *ми фа ми*!
- Второй в гамме полутон – между *си и до*! – вкушали будущие профессора и народные артисты, знаменитые дирижеры заповеди нашего Палаши, который внушал:
  - Живи просто – доживешь лет до ста! Спой раз до ста – будет просто!

При поступлении в Консерваторию на экзаменах по сольфеджио и гармонии мы мгновенно называли ноты любых комбинаций, что играл экзаменатор на рояле, и с большим запозданием соображали, какие аккорды стоят за ними. То есть слуховая реакция опережала теоретическую. В капелльской школе для нас были обязательными уроки фортепиано и скрипки. А какие были педагоги – лучшие скрипачи городских оркестров! Вот почему ребята, став известными дирижерами оркестров и хоров, не терпят фальшивых нот и даже незначительных опечаток.

Каждый из консерваторских профессоров, у которых училось наше поколение, был оригинальной личностью.

Павел Александрович Вульфиус пришел к нам на предмет «История музыки», отсидев несколько лет в тюрьме за то, что назвал Прокофьева и Шостаковича Гениями!

В тюремной камере он рассказывал о музыке уголовникам так, что те оберегали его, как драгоценность. Вспоминаю его лекцию об И. И. Держинском. Покусывая душки разбитых очков, перевязанных веревкой, он обратился ко мне:

Владислав Чернушенко, Теймураз Кухалев, Олег Соколов, Леонид Петров, Александр Мурин, Владимир Максимков. Встреча капеллан. 2003 год

— Голубчик Мурин! Спуститесь в библиотеку и принесите в класс клавиры оперы Держинского «Тихий Дон», обязательно довоенное и современное издания.

Я пулей лечу в библиотеку, беру толстенные клавиры. Зачем два? Хватило бы и одного для показа! Приношу. Вульфус, лукаво улыбаясь, открывает клавир 1940 года, говорит:

— Держинский — великолепный мелодист и никудышный оркестровщик! Оркестровку данной оперы, которую любил вождь всех времен и народов, фактически сделал Шостакович. В результате на титуле «Посвящается Д. Д. Шостаковичу». А на нотах переиздания этих слов нет!!! Я не хочу даже говорить о таком беспринципном человеке!

И в трубку местного телефона:

— Александр Иосифович! Голубчик! (Заведующий фонокабинетом А. И. Гармателли.) Включите, пожалуйста, в 37-й класс

10-ю симфонию Шостаковича! Благодарю! Главная тема симфонии...

Или Анатолий Никодимович Дмитриев (Необходимович — так мы шутя за глаза звали профессора) и его вывод:

— Музыкальные арки в операх Глинки, Даргомыжского, Бородина, Мусоргского, Шостаковича сродни аркам России в Петербурге и могли возникнуть только в нашем городе!

Именно парадоксальность мышления наших учителей перекочевала в книгу О. Д. Соколова.

Труд «Модуляция» будет полезным и востребованным не только в консерваториях, но и в многочисленных институтах и музыкальных университетах.

На развале я как-то купил за копейки книгу, перевод с немецкого «Учение о генерал-басе», изданную в Петербурге тиражом в 10 экземпляров в 1848 году! Еще был жив Глинка, а Даргомыжский еще не написал «Русалку». Ясно, что этот учебник предназначался не им, а мадам из Зимнего дворца! В этом труде после рекомендаций, как писать музыку, гаммы и модуляции, говорится: «Вся наша музыка состоит в перемене созвучий и несозвучий. Имеет кто склонность сделаться сочинителем, то главнейшие условия состоят в том, чтобы иметь тонкий и нежный слух. Тот должен отыскать сам эти разрешения и изучить их. На этом основывается требование, чтобы каждый род тона находился там, где требуется естественность чувства или страсть!»

Я надеюсь, что книга О. Д. Соколова для умного, пытливого музыканта — источник новых открытий, а остальное подскажут страсть и чувство!

А на закуску — гастрономическая шутка «Модуляция»:

Встав утром, словно эликсир,
Пью кислый старенький кефир.
И заедаю для фиксации
Я соколовской «Модуляцией».
В обед кричу:
— Отставить щи!
Мне «Модуляцию» тащи!

Плюс для мужского естества
Котлеты «первого родства».
А ужин, братцы, ни гу-гу,
Отдам немедленно врагу!
Лишь соколовской «Модуляцией»
Всем вам советую питаться я!

2008 год

Песнь о мудром Олеге

к 75-летию О. Д. Соколова

*Что обнаружил в кургане на берегу Старой Ладоги ушкуйник
Алексашка по прозвищу Мурло в лето 2013 года*

Как ныне собирает нас мудрый Олег
Отметить свое нарощенье.
Сажает друзей он, родных и коллег
И ставит на стол угощенье,
Что вырастил с Галей на лужских полях:
Картофель, укроп и томаты.
В графине настойка, как выпьешь, так: «Ах!»
На закуску – рыбец и салаты.
Друзья вспоминают прошедшие дни
И битвы, что в Консе видали они!
Молчит ТКФ, Дирижерский молчит,
Узрев «Модуляцию» друга.
Мы ждем с нетерпеньем, как пушкинский стих,
Работу, с названием «Фуга»!
Дерзай, Соколов, Всемудрейший Олег!
Пусть змеи тебя не кусают.
Я славлю в веках Вознесенский твой брег!
Пусть тосты на нем не смолкают!!!

*Алексашка Мурло
«Нам столетье не преграда! 25 осилить надо!!!»
20 июня 2013 года. Петербург*

Скрипка и рояль

С. А. Аркин, Ю. М. Орешкинская

В 1947 году я, десятилетний школяр Хорового училища при Ленинградской капелле, помимо пения в Хоре мальчиков усиленно «пилит» на скрипке в классе Семена Аркадьевича Аркина, артиста симфонического оркестра радиокомитета. Аркин всю блокаду был концертмейстером, то есть первым скрипачом коллектива, что исполнял 9 августа 1942 года в окруженном фашистами городе «Ленинградскую симфонию» Д. Д. Шостаковича. Именно ему, Аркину, перед началом концерта в белоколонном зале Филармонии дирижер Карл Ильич Элиасберг приказал:

— Сеня! Если я потеряю от голода и истощения сознание — становись за пульт. Музыка должна продолжаться! А эскулапы меня откачают!

Семен Аркадьевич был элегантным красавцем мужчиной, по которому сохли многие капелльские мадам. Он писал трогательные послания в школьном дневнике моей маме, дирижеру Капеллы, перед которой преклонялся.

«Драгоценнейшая Елизавета Петровна! Ваш гениальный сын придумал новый способ игры на скрипке. Паганини, Ойстрах, Стерн и Яша Хейфиц засовывают скрипку под левую часть подбородка, а правой рукой смычком водят по струнам. Александр Алексеевич ставит инструмент (половину взрослой скрипки), как контрабас, на крышку школьной парты и музицирует. Я попробовал так играть, но это оказалось очень неудобно!!!»

На другой странице читаем:

«Ваш высокоталантливый сын исполнил сегодня на уроке „Этюд“ Крейцера с необычным подъемом, но при этом так громко лязгал по струнам своими когтями, что мне было дурно! Думаю, дурно было бы и Крейцеру! Да, чуть не позабыл — неплохо бы Вашему сыну не только укоротить коготки, но и выгрести из них остатки чернозема капелльского двора. Ваш Аркин.

Р. С. С уважением целую Ваши музыкальные руки. С. А.»

В 50-х годах я сломал левую руку. А замечательный хирург из нашей больницы имени Софьи Перовской Даниил Александрович Фаертаг вставил в палец металлический штырь, и о карьере скрипача, как говорил сатирик Аркадий Райкин, «и не могли думать»!

Я переключился на махание своими длиннющими конечностями, что сегодня в простонародье в Консерватории называют «мануальной техникой дирижирования», в классе профессора Георгия Александровича Дмитревского.

По фортепиано (а в Капелле рояль и скрипка были обязательными предметами) я занимался у Юлии Михайловны Орешкинской, любимой ученицы профессора Консерватории Марии Николаевны Бариновой.

В отличие от Софьи Григорьевны Ингал (с капелльским прозвищем Ладья), что была учеников линейкой по пальцам и томом 32 сонат Бетховена по голове, моя Юля (так мы окрестили Юлию Михайловну) была нежная и ласковая училка. С ее уст слетали только восторженные слова:

— Мой миленький дружок! Умничка! Голубчик! Голубок! И т. д.

Да и ростом она была значительно выше и элегантнее других «педагогинь». Зимой и осенью носила на груди белую меховую муфту, в которую прятала свои тонкие фортепианные пальчики. За Юлей ухаживал наш грозный завуч, географ, поляк, двухметровый гигант Иосиф Антонович Лозинский, у которого была любимая поговорка: «Самая лучшая рыба — полтавская колбаса, а лучше их — тугой кошелек с монетами». Он ходил за ней, как мартовский котяра с крейсера «Киров», но семейный дуэт так и не получился...

В майские дни, когда наш израненный город оделся в зелень, а в парках и скверах зацвела сирень, Юля на уроке сказала:

— Шуренька! Завтра оденься поприличней и не гоняй ради Бога в футбол! Мы поедем в гости к Бариновой!

В назначенный час я был изъят из нашего «дважды краснознаменного бандитского» класса и на третьем автобусе доставлен на Театральную площадь. Мы пришли к Никольскому собору, поднялись по лестнице старого дома. Нам открыла дверь довольно солидная дама. Она долго целовалась с Юлей и наконец заметила меня:

— Ах! Юля! Это твой мальчик, о котором ты мне говорила?! Как вас зовут, юноша?

Меня препроводили в комнату, где стоял рояль, покрытый попоной или одеялом. Дамы уселись за стол и продолжили ахи-охи: «А он? А она?» Я расположился у открытого окна и откровенно скучал. С грустью смотрел на собор, на дребезжащие трамваи, что поворачивали с Театральной площади, на каких-то бабусь в черных одеяниях, что, как тараканы, лавировали среди машин и автобусов, устремляясь в храм. Наконец, дошла очередь до меня. Юлия Михайловна объявила репертуар:

— Чайковский «В церкви»! Полифония из альбома Анны Магдалены Бах!

Я вдарил по клавишам, которые ответили мне как церковные колокола. Еще поднажал! Хозяйка прикрыла рукой одно ухо. Затем я отгрохал полифонию. Исполнение заглушило и звон трамваев, и шум улицы, а кот хозяйки от такого моего энтузиазма запрятался под диван и выглядывал оттуда с опаской. Мария Николаевна проверила растяжимость моих лап. Я взял на рояле *до-ре* через октаву. Баринова заметила Юле, что рука у юноши, как у знаменитого пианиста с китайской фамилией Го-Ро-Вец.

— А Шуренька еще занимается на скрипке у Аркаши Аркина! — добавила Юля.

— Молодец! Умничка! — похвалила меня Мария Николаевна и вручила конфету-бомбошку в красивой обертке. Ее я мигом засунул за щеку, а фантик спрятал про запас в карман. Попрощались. Уходя, я увидал в прихожей в зеркале свою перекошенную от конфеты рожу. Дверь шумно со скрипом закрылась.

На обратном пути Юлия Михайловна неожиданно спросила:

— Почему ты играл так громко?

Я ответил:

— Мне показалось, что хозяйка глухая, плохо слышит!!!

Приехав на Мойку, 20, Юля пошла в училище, а я, увидав, что одноклассники гоняют мяч, встал в капелльские ворота и отбивал коварные удары «дементьевых» и «симонянов».

Р. С. Учась в Консерватории, я узнал от моего дядьки, главного хормейстера театра Кирова А. Г. Мурина, что его коллега, Юрий

Всеволодович Гамалей, дирижер, — сын Марии Николаевны Бариновой.

Но она, увы, к этому времени упокоилась на Литераторских мостках Волковского кладбища за Воскресенской церковью.

14 февраля 2012 года

Экзамен

– Что будешь петь? – строго спросил Георгий Александрович Дмитриевский и подсел к роялю. Я бодро затянул «Катюшу» Матвея Блантера. Массивный хормейстер на ходу стал громадными ручищами подбирать аккомпанемент.

– Расцветали яблони и груши, – а дальше шли слова, что запомнил во дворе от старших капелльских пацанов Феди Крупедова и Юрки Трошкина:

– Поплыли гондоны по реке.

Выходила на берег Катюша

На высоком модном каблуке.

Мама, что сидела в комиссии, с шумом выскочила из репетиционного зала Капеллы.

– Ну, пой! Пой! – подбодрил, улыбаясь, Палладий Андреевич Богданов.

Я продолжил:

– Выходила, песню заводила

Про седого, сизого козла,

Про того, которого любила,

Про того, которому да...

– Спасибо! Довольно! Принят!!! – хором выдохнули Г. А. Дмитриевский, П. А. Богданов, Г. И. Беззубов и В. М. Зайцев.

Так я попал на учебу в Хоровое училище Капеллы и был зачислен в знаменитый хор.

А срамное слово, что я спел на экзамене, считал вполне цензурным, так как много раз слышал его мальцом, когда взрослая Капелла исполняла хор М. И. Глинки на слова слепца Козлова «Венецианская ночь»:

По волнам скользят гондоны,
Искры брызжут на ветру...

Только став взрослее, понял, что это издержки плохой дикции хористов.

А у Глинки:

«По волнам скользят ГОНДОЛЫ (венецианские лодки)»!

30 ноября 2012 года

1945 год. Капелла. Мой 1 «А» класс.

3-й ряд: Вова Баро, Вадим Суханов, Саня Мурин, Тима Кухалев, Леня Столов, Игорь Трутнев

2-й ряд: Толя Савельев, Эрик Белоцерковский, Валя Мадер, Женя Лифшиц, Вера Преображенская

1-й ряд: Гера Цес, Игорь Петров, Саша Смирнов, Слава Волков, Вова Грибов, Олег Черепанов.

В центре пионервожатая и воспитательница.

Первый успех

Летом 1945 года родители отправили меня и сестру Катю в пионерский лагерь в Сестрорецк. Он размещался на Песочной улице в здании местной школы. В ста метрах, на заброшенном кладбище, среди разбитых надгробий, за колючей проволокой находился лагерь немецких военнопленных. Мы их дразнили фашистами и «Гитлер – капут!». Но наши воспитатели напомнили слова вождя и учителя всего советского народа товарища

Будущие «солисты» ансамбля Моисеева: Толик-повар и Саня-кочегар. Пионерлагерь работников искусств «Рабис». Сестрорецк. Лето 1945 года

Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается!» И мы, послеблокадные пацаны, которые сами недоедали, перебрасывали через проволоку куски хлеба и картофелины немцам. Купаться мы ходили на взморье Финского залива, на мелководе. На пляже играли в футбол, а девчонки были нашими болельщицами. Однажды Катя, чтобы не украли, зарыла свои сандалии в песок. Мы после игры обшарили весь берег, но штиблеты исчезли бесследно. Почему-то от мамы попало мне: «Недоглядел!».

В очередной выходной в лагерь приехал длинный, как сигара, трофейный автобус с папиной работы. В Ленинграде он застревал на горбатых мостах Мойки, Фонтанки, поэтому стоял на стоянке на Черной речке. Для родителей устроили праздничный концерт. Я и мой друг-коротышка Толик изобразили номер «Повар и Кочегар». Естественно, я был кочегаром, а друг поваром. На меня напялили тельняшку, бескозырку, намазали лицо сажей, а Тольке на голову колпак и под белый фартук засунули подушку. Под баяниста, что шпарил знаменитое «Яблочко», я лез по воображаемому канату на мачты, подбрасывал в топку уголь, а повар мешал в котле макароны «по-флотски» и давал мне пробовать. В конце танца мы застывали, воздев руки, как мухинские «Рабочий и колхозница». Номер имел огромный успех! Потом пели песни о счастливом детстве под сталинской звездой и отплясывали «молдаванеску», горлопаня на все голоса:

– Мы танцуем молданеску, к нам приедет наша мама, привезет нам рубанеску!

В этот день начальство лагеря отменило тихий час.

Папа и его коллеги по «ящику», в основном мужики, загрузились в автобус и поехали в Териоки. Оказалось, там была точка, коммерческий магазин, где можно было «заправиться». По пути к ней отец предложил мне прочесть стихок или басню. О, если бы он знал, что услышит от сына! Звонким дискантом я начал:

– Обезьяна черная, черная за веревочку дёрнет,

Да как пё...

Пётр Петрович! Как вы спали?

Как вас мухи не обосра...

Небо сразу потемнело. На корабле началась качка,
У всех матросов заболела сра...
Сразу явился доктор в белом фраке
С черной пуговицей на сра...
Сразу видно медицинский человек!!!

Пассажиры ржали так, что водитель подрулил автобус к обочине, остановился и стал протирать глаза рукавом тужурки. Все на перебой хвалили отца за достойное воспитание сына. Заправившись «горючим», шумливая компания высадила меня у лагеря и укатила в Ленинград. Такого успеха у меня, пожалуй, больше в жизни не было!

А от мамы опять попало. Приехав навестить нас, она только сказала:

– Ну, сынок, прославил родителей!!

30 ноября 2012 года

Дебют певца

Владимир Атлантов

1946 год. На Мойке, 20, в желтом репетиционном зале Капеллы, идет прием мальчиков в Хоровое училище. За роялем Г. А. Дмитриевский, П. А. Богданов, Е. П. Кудрявцева, В. М. Зайцев.

Вошел шкет. Он был опрятно одет: туфли, высокие чулки, штаны бриджи до колен, отглаженная куртка, белоснежная рубашка и кис-кис на шее. Вполне пай-мальчик, мечта классных дам. Но шкодливые глаза выдавали в нем маленького чертенка. Про таких говорят «в тихом омуте». В общем, было ясно, что внешность обманчива. «Для весу» с ним вошли родители.

В отце опознали солиста из Кировского театра, молодящегося баритона. Мать, тоже певица, была одета по моде, как героиня фильма «Антон Иванович сердится». Шляпка, кофточка, скрывающая соблазнительные формы, черная юбка и туфли на сумасшедшей высоте каблуках.

Г. А. Дмитриевский спросил у мальчика репертуар. Тот, шепелявя и не выговаривая тридцать три буквы алфавита, объявил:
— «Если милые девицы...»!
Брови профессора поползли на красный от натуги лоб. Раздались звуки Чайковского, малец запел:

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях.
На...

В этот момент экзаменатор прервал певца вопросом:
— Кто тебя научил этой песне?
Малыш насупился, как нашкодивший котенок, которого случайно ударили по носу:
— К маме, когда нет папы, приходит дяденька, и он ей поет эту песенку!

Родители зарделись, как помидоры, и выскочили из зала в коридор...

А мальчика приняли. Он вырос, окончил Капеллу, Консерваторию, стажировался в Италии, в Милане, стал известным в мире драматическим тенором...

В его репертуаре Отелло, Хозе, Германн. Ныне он живет в Вене.

А эту историю мне поведала мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, участница вышеописанного экзамена.

7 июля 2012 года

Учитель пения

Р. И. Савейко

В Хоровом училище Капеллы сольное пение вели два директора, два друга — Дмитрий Николаевич Лебедев и Роберт Игнатьевич Савейко. В годы своей комсомольско-консерваторской молодости они много крови испортили старым профессорам А. К. Глазунову, А. В. Оссовскому, С. И. Савшинскому рабоче-крестьянскими выкрутасами.

Не выдержав травли, первый демократично избранный директор, А. К. Глазунов, в 1928 году покинул СССР и уехал во Францию. Повод был банальным — на лечение пошатнувшегося здоровья! Но это уже факт истории.

Мы, капелльские пацаны, гоня в мяч, знали, что племянник грозного директора, его полный тезка Роберт Савейко, — известный в Питере футболист. Поэтому дядя благосклонно прощал наши спортивные шалости: синяки, разбитые окна.

Когда у меня в старших классах начал ломаться голос, писклявый дискант превратился в бархатный баритон, я попал по сольному пению к Роберту Игнатьевичу Савейко. Он не знал, что делать с «галюбком-козлетоном», и придумал задание на каждый урок приносить и читать на память басню. Причина была не в том, что он хотел сохранить для страны «гениального» вокалиста, а просто за занятия с нами он получал значительный довесок к своей скудной директорской зарплате. Когда басни Ивана Андреевича Крылова закончились, пришлось перейти на творчество Сергея Владимировича Михалкова. Из директорского кабинета на всю Капеллу раздавались уникальные голоса:

- Мартышка где-то разыскала невиданный кокосовый орех...
- Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного...
- Трет тонкий толстого. Одно пыхтит лежачий...

Это педагог показывал мне, как надо с выражением читать басню. И его бас гремел, как иерихонская труба. Савейко внимательно следил за моим нижнереберным дыханием. Его метода сводилась к оригинальной фразе:

— Ну-ка, галюбок! Возьми дыхание, чтоб яйца провисли! Когда иссякли басни автора гимна СССР, закончилось мое

пребывание в капелльской школе. Я сдал экзамены и получил диплом, где черным по белому была означена профессия: хормейстер, преподаватель музыкальных дисциплин. В девятнадцать лет поступил в Консерваторию, и началась трудовая деятельность в домах культуры.

В шестидесятые годы я репетировал с хором в доме культуры МВД на Полтавской улице. Вдруг прибежала сотрудница и сообщила, что на служебный вход с Гончарной улицы зашел старичок. Ему стало плохо с сердцем, скорая помощь опоздала! В перерыв мои любопытные певцы пошли разузнать. Возвратившись, менты доложили, что усопший — дядя футболиста Роберта Савейко. Я спустился к выходу, но его уже увезли.

А недавно отмечали пятидесятилетие кумира молодежи Виктора Цоя. Памятник на его могиле изваял мой друг, скульптор Левон Лазарев. На Богословском кладбище, недалеко от могилы певца, я неожиданно обнаружил захоронение Роберта Игнатьевича Савейко. И «галюбок» положил на надгробие учителя сольного пения ветку сирени.

5 октября 2012 года

Пожиратель мячей

И. А. Лозинский

Иосиф Антонович Лозинский, учитель географии, был ярким врагом игры в футбол. Капелльские «дементьевы» и «симоняны» в азарте срезали мячи в окна коммуналок, а ему приходилось отдуваться за нас. Он появлялся на парадном крыльце, как фёя Карабос, и в этот момент футболисты замирали, как спящие красавицы в балете Чайковского. Раздавался грозный рык Иосифа. Рукой он показывал поднять мячик, поднести к нему, затем доставал финский складной нож и, как спелый арбуз, вспарывал оболочку и бросал его к нам с присказкой:

— Ну, играйте дальше! Фут–боль–исты!!

Мы, естественно, расходились, забрав из пыли наши портфели, что служили вместо футбольных ворот. Вскоре по предложению нашего нападающего Лешего (одноклассника Стасика Легкова) придумали выход. У капелльских девчонок, что копались в песочнице на месте снесенного царского подъезда, мы клянчили поиграть их мячиком.

Грозный Иосиф появлялся снова! Процедура повторялась, но завершалась, как правило, воплями и плачем наивных малышей.

5 октября 2012 года

Ошибочка

А. А. Соколов

В 1949 году весь мир отмечал 70-летие вождя и отца всех народов И. В. Сталина. Доклад о его жизни на торжественном собрании в зале Капеллы, на Мойке, 20, поручили сделать учителю математики нашей школы Алексею Алексеевичу Соколову. Накануне он целый день репетировал свою речь в кабинете завуча. Из комнаты раздавались визгливые голоса:

— Слава! Великому Сталину! Вождю и Учителю! Слава! Слава! Отцу! Всех народов! СЛАВА!!!

Иногда к нему присоединялись бас учителя географии Лозинского да тенор директора и педагога по вокалу, старого большевика Лебедева. Они натаскивали бедного математика. И вот, 21 декабря в концертный зал Капеллы, где на трубах органа висел цветной портрет вождя в орденах до пупа, а на тумбе стоял белый его бюст, стали стекаться певцы Капеллы с родственниками, мы, школяры, сотрудники Эрмитажа, во главе с академиком Орбели, хранители пушкинской квартиры на Мойке, 12, жители окрестных дворов. Публика внимательно слушала доклад Соколова. Начальство, что сидело в первом ряду, благосклонно кивало, как восточные божки. Уже заканчивая доклад, оратор, впившись, как змея, глазами в Иосифа Антоновича Лозинского, возопил:

— Слава! Отцу и вождю! Всех наших побед! Дорогому и Любимому!!! Слава!!

— Иосифу! Антоновичу!!! Сталину!!!

Зал взревел! Мы заржали оговорке. Но все стоя аплодировали и скандировали:

— Ста-лиин!!! Ста-лин!!! Ста-лиин!!!

И так полчаса...

А Алексей Алексеевич после вечера дрожал, как осиновый лист, — только бы кто не стукнул наверх!

Слава Богу, пронесло! Хотя Иосиф Антонович Лозинский еще долго после этого дня, проходя по капелльским коридорам, делал вид, что даже не знаком с нашим матиматиком.

14 февраля 2012 года

Малиновая вода

М. А. Гришина, Валентин Мадер

Учительница литературы Мария Алексеевна Гришина еще до появления в нашем классе была популярна. Мы как пópки повторяли за старшими знаменитую фразу Грибоедова, несколько видоизменив ее: «Что будет говорить Гришина Мария Алексеевна?». Училка спрашивала в первую очередь «слабаков», а «грамотеи» вовсю подсказывали. У нас была даже разработана система наподобие азбуки глухонемых. К доске вызывается Валька Мадер (Мадера).

— Читал «Записки охотника» Тургенева?

— «Записки» читал, «Охотника» читал, — долдонит Мадера, а сам жестами показывает: «Ребята! Выручайте! Пухну!»

— И какие рассказы читал? — продолжает Гришина.

Мадер через паузу выдает:

— «Хор и Калиныч»!

— Только куда ты дел мягкий знак? — вопрошает Мария Алексеевна.

Вадим Суханов шипит:

— «Малиновая вода!» — и делает жест, как будто пьет вино из кувшина.

Мадер грозит пальцем: «Не купишь!» и объявляет:

— «Малиновая роща!»

— Сам ты «малиновая роща!» Где ты видел «малиновую рощу»? — удивляется Гришина.

— Как где? Мы с мамой отдыхали от треста столовых в Кавголово, так там была большая, вот такая малиновая роща! — утверждает Валька.

— Садись, Мадер! Два! К следующему уроку прочти что-нибудь из Тургенева!

Мадер идет поникший на камчатку и по пути ударяет по шее Суханова. Завязывается драка.

— Тише! Тише! — вразумляет Мария Алексеевна. Слава Богу, звенит звонок. Вся орава устремляется в коридор. Еще один русский классик пройден!

В старшем классе Андрей Титов (Титыч) читает очень близко к авторскому тексту финальный монолог из «Горе от ума». Он вдохновенно жестикулирует, подражая великому артисту Черкасову. Только успевает произнести последнюю фразу, как Мадера голосом учительницы по литературе резюмирует:

— Садись, Титов! Два!

Училка, оторвав глаза от журнала, спрашивает:

— Это кто хулиганит?

Класс, давясь от смеха, молчит.

— Встать! Выдь! Вон!

Валентин Иванович Мадер (Мадера) окончил Капеллу, медицинский институт, стал профессором-реаниматологом, возглавлял несколько десятилетий отделение в Покровской больнице на Большом проспекте Васильевского острова, вернулся с того света тысячи людей. В конце карьеры увлекся геронтологией (наукой о долгожителях). Я слышал много восторженных слов о нем от академика И. М. Лихницкой. К профессору Мадеру (бывшему капеллану) в больницу приезжал В. А. Чернушенко, ректор Консерватории, народный артист СССР и хлопотал о старом профессоре С. А. Богоявленском.

Ныне В. И. Мадер уехал в Германию, где трудится в европейском центре геронтологии.

Вот тебе и «Малиновая роща»!

Июнь 2012 года

Паринó

Вадим Суханов

Мой капелльский одноклассник Вадим Суханов (по прозвищу Сухан) был сыном двух уважаемых оркестровых музыкантов — профессора Консерватории Суханова и флейтистки из Кировского театра Бобровой. Сухан учился на отлично, все трудности преодолевал с легкостью, но был хулиганистым парнем. Как-то раз запустил в меня половой тряпкой и попал в лицо. Тряпка была грязная и пыльная. Ей протирали не только пол, но и грифельную доску от мела. А наш класс был на первом этаже, и голодные послеблокадные крысы прогрызали постоянно дыры в полу и вылезали по-наглому из подвала наверх «слушать», как мы играем на фортепиано. У наших педагогинь было от них одно-единственное оружие — тяжелое полено, что лежало у клавиатуры инструмента. Его бросали не в крыс, а прямо в дыру в полу. Иногда попадали в животных, и они с писком скрывались в свои убежища. Завхоз Вадим Михайлович Дубраво забивал щели железом, но твари рядом делали новые и снова наслаждались музыкой, сидя на задних лапках, шевеля от удовольствия усиками, готовые скрыться при малейшей угрозе...

После попадания тряпки в мою рожицу глаза заслезились. Капелльский доктор Семен Степанович посмотрел мои красные очи, поставил диагноз — конъюнктивит — и отправил в сопровождении нашей медсестры, добрейшей Клавдии Наумовны, в Первый медицинский институт к своему знакомому профессору-глазнику академику Чирковскому. Тот долго в присутствии коллег и студентов вертел меня на стуле, светил в лицо

какими-то приборами, пускал солнечных зайчиков. А в конце с восторгом, напевая бравурную мелодию, воскликнул:

– Конъюнктивит Парино! Вы, сударь, заразились от крыс и мышек! Будете долго болеть! – и прописал лекарство, которым мама несколько месяцев смывала язвенную коросту, что, как вата, закрывала белый свет. Мои капелльские друзья приходили домой в коммуналку и читали вслух задания школьной программы, особенно старался виновник моего несчастья Сухан, артистично проходил со мною литературу, историю, географию. В результате я не только не отстал от класса, но по устным предметам даже обогнал сверстников. Я поправился.

10-й класс Сухан окончил в обычной школе, затем Ленинградский университет, стал специалистом по языкам и диалектам балканских стран, заведовал отделом в ЦК ВЛКСМ. В результате несчастной любви порезал себе вены. Его спасли, и он перешел на гражданку помощником-референтом чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова. Долгие годы редактировал журнал «64». Правда, скрывался в нем под фамилией матери – «редактор Вадим Бобров». Он вращался в крутых столичных кругах, и наши пути разошлись. В 1994 году я с согласия капеллан организовал встречу по случаю пятидесятилетия возрождения училища, позвонил в Москву, но Сухан, сославшись на занятость, не приехал, а в 2011 году московские друзья сообщили мне, что Вадим Суханов на 74-м году скончался. Круг моих сверстников все уже и уже.

ТРУТЕНЬ.

ТИТЫЧ.

БАНАН.

КУХАЛЬ.

СКВОРИЦА.

КУЗЯ.

СУХАН.

2 августа 2012 года

Воскрешение Иксы

И. Б. Кипнис

Учителем математики у капелльской бурсы был старый приземистый еврей Исай Борисович Кипнис. Про таких обычно говорят «метр пятьдесят с кепкой». Ему капелльские ребята дали прозвище Икс-Игрек-Квадрат, которое вскоре трансформировалось в Икса.

Его ноги, казалось, были сшиты в коленях. Когда он появлялся в дверях нашего класса, на которых сквозь матовое стекло проглядывал царский вензель и красовалась надпись «КанцЪлярия», то вначале появлялась левая нога, затем через филенку правая, и, наконец, немислимим финтом переваливалась довольно помятая, сутулая фигура. На носу круглые старорежимные с трещинкой очки. В руках неизменный затертый до дыр свернутый в трубочку сафьяновый портфель, в котором лежала заветная тетрадка с математическими задачами и их решениями.

Сев за стол, он доставал ручку с 86-м пером и чернильницу-непроливайку и скрупулезно отмечал всех присутствующих. Затем брал заветную тетрадь, шел к доске и скатывал очередную задачку из своего «кондуита». Икса каллиграфическим почерком выписывал все формулы, а следом изрекал:

— Куколев! (Вместо Кухалев.) К доске!

Тимка шагал от парты, как на казнь, приговаривая:

— А почему я? Я уже отвечал! Уже! — скулил, как побитая собачонка. — Исай Борисович! Исай...

Но, убедившись, что Икса неумолим, долго искал кусок мела, с остервенением вырывал его из рук математика, долго мял его, вздыхал, оттопыривал ухо для подсказки, ловил буквально дуновения звуков со спасительных парт Шевелева и Мартынова, потом, выждав паузу, возмущенно орал:

— Исай Борисович! А мы этого не проходили!!! — и долго еще пререкался с надеждой на снисхождение...

Икса, узрев, что против фамилии Кухалев уже стоит жирная двойка, восклицал:

— Садись, Куколев! Вырос до нэба — ума не трэба! Садись, нул! — и ставил в журнал баранку.

Однажды, когда весь класс «музыкальных гениев» от Грибицы (Грибова) до Щавеля (Шевелева) не смогли решить по очереди задачку, Икса раскрыл журнал и в графе «оценка» поставил единицу (кол) одну на всех сверху донизу...

На день рождения Кипниса мы (точнее наши родители) скинулись и купили новый с мощными карманами кожаный портфель. Икса был растроган до слез. Но один из двух ключей портфеля ребята «заначили» и передали мне на «вечное» хранение как старосте, что сидел на первой парте. С ним и произошел забавный случай.

На урок Икса пришел с новым портфелем, написал на доске новое задание из заветной тетради и спрятал ее, углубился в изучение своих формул. Я незаметно своим ключиком замкнул наш подарок. Исай Борисович решил еще раз сверить задание, но злосчастный портфель не открывался. Математик долго тряс его, стучал кулачком по замку и, наконец, передал портфель мне с напутствием:

— Мурин! У тебе отэц инженер! Сделай что-либо!

Я подошел к окну, долго рассматривал замок, тряс, стучал, дул, как в трубу, и, когда до конца урока оставалась минута, открыл замок. Едва Икса успел произнести:

— Мурин! Я верил в твои инженерные таланты! — раздался звонок, и класс, как плотина Днепрогэса, озверело, с гиком бросился к дверям...

Прошло много лет. Мы окончили Хоровое училище Капеллы, Консерваторию, стали музыкантами, но 5 декабря каждый год спешили на Мойку, 20. Повод был святой. Нет, не день Сталинской конституции, а день рождения нашего Палаши, боготворимого Учителя, кумира, певческого Отца, патриарха Капеллы Палладия Андреевича Богданова. Приходили и юнцы-консерваторцы, у которых еще молоко на губах не обсохло, и маститые профессора, и народные артисты, дирижеры Симеонов, Орехов, Кудрявцева, Козлов, Патрикеев, Баранов, Мурин и др. Как правило, собирались и действующие педагоги училища, скрипачи, пианисты, математики, литераторы, историки. Пускалась по кругу моя зимняя шапка 64-го размера, и в нее капеллане опустошали свои карманы и бумажники. После, как правило, двое, Петочка (П. П. Левандо) и Кобыла (т. е. автор данного повествования)

шлепали в низок, в магазин на Желябку, 1, и возвращались с ящиком водки и мешком «скромной» закуски. Все это быстро уничтожалось в капелльской столовке, что была во втором дворе. Поднимали тосты за здоровье Палладия и других корифеев, кои сидели за столами. Причем Палладия Андреевича Богданова, что был парализован после инсульта, «крепкие робятки» приносили в кресле, как эфиопского царя в «Аиде», из квартиры на третьем этаже в столовку и обратно. Далее компания вываливалась во двор покурить, посудачить, вспомнить былые времена и тех «кто пел! кто управлял!» и т. д.

Кто-то сказал:

— Хлопцы! А наш-то Икса загнулся!

Коля Кунаев достал из кармана зачанку, флягу с водкой, и мы по-походному, из горла, помянули математика.

— Хороший был старик! — промолвил Тимка Кухалев. — Больше всех мне наставил двоек! Светлая ему память! За то, что научил меня, болвана, считать!!!

И в этот момент из подворотни проходного двора появилась фигура шаркающего старичка в потертом пальто и шапке-пирожке. На носу мутные с трещинкой очки.

Первым опомнился Тимка Кухалев:

— Ребята! Смотрите! А наш Икса-то воскрес!!!

Он схватил подошедшего математика в охапку своими громадными ручищами и стал подбрасывать его, как ребенка, приговаривая сквозь слезы:

— Исай Борисович — жив! Наш Икса-то жив!

Наконец, Кипнис освободился из Тимкиных объятий, был поставлен на грешную капелльскую землю, поправил очки, взглянул на Кухалева, как на Александрийский столп на Дворцовой, и изрек:

— Куколев! Вырос до нэба — а ума-то нэ трэба!

P. S. Нет в живых многих капеллан, наших учителей. Ушел на небеса математик Исай Борисович Кипнис, наш Икса.

Недавно не стало и Тимки Кухалева (Кухаля). С грузинским ансамблем «Орэра» в качестве музыкального руководителя, под фамилией отца Мегвинетухуцеси, Теймураз Рафаилович объехал с триумфом весь мир, воспитал Нани Брегвадзе и Вахтанга

Грузинский ансамбль «Орэра». Теймураз Кухалев (за роялем),
Нани Брегвадзе. Вахтанг Кикабидзе (сидит, 2-й)

Кикабидзе, получил почетное звание «Заслуженный артист Грузинской ССР»...

После развала страны в последние годы в Питере создал ансамбль «Кухалев-квнтет», выступал с ним в Швеции, Финляндии, удивляя как всегда за роялем своими яркими композициями.

Ушел стремительно, как и жил. Пришел в районную поликлинику в Озерках показаться врачу. Настояла жена Лариса. Эскулап задал шаблонные вопросы:

— Курите? Выпиваете? Как дела с женским полом?

Тимка покосился на супругу. Вдруг закрыл глаза, уронил голову на грудь. Через мгновение его не стало. Разрыв сердца.

Похоронили его на Парголовском (Северном) кладбище. После отпевания в храме у свежей могилы вместо речей в записи звучали изумительные Тимкины джазовые импровизации.

14 февраля 2012 года

Трояк

Теймураз Кухалев

Сольфеджио при поступлении в Консерваторию мы сдавали профессору Арону Львовичу Островскому и декану композиторского факультета Тиграну Георгиевичу Тер-Мартirosяну. Первым вызвали Тимку Кухалева. И вдруг неожиданность! Через пару минут он вышел из класса в коридор с кислым выражением лица и молча показал нам три пальца:

— Трояк!

Боже! Тимка, который слышал все и вся, обладал гениальным слухом и музыкальной памятью. Трояк! Мы, его одноклассники, решили, что это общий завал, и отказались от сдачи экзамена! Профессор, узнав нашу причину и выслушав наши сбивчивые объяснения, вторично призвал Кухалева. Сыграл ему нестандартный трехголосный диктант и предложил назвать основные гармонические функции. Тимка подошел к инструменту и стал выдавливать Островского со стула:

— Разрешите!

Профессор уступил свое место, и Тимка сыграл весь диктант от первой до последней ноты.

Экзаменатор исправил в матрикуле «3» на «5» и далее у каждого входящего абитуриента спрашивал:

— Вы тоже, голубчик, из Капеллы? — и ставил авансом положительные оценки, которых мы, естественно, не заслуживали!

21 марта 2013 года

Лекарь от Бога

Семен Степанович

В Капелле был уникальный врач-ларинголог Семен Степанович. Его пациентами были певцы хора и все мы, мальчишки Хорового училища. Именно он научил нас показывать гланды, не дергая за язык марлевым тампоном.

– Откройте рот, чтобы я мог увидеть, что вы вкушали на завтрак! – говорил он пациентам.

Я, став взрослым музыкантом, как-то раз попал на Бронницкую улицу в Институт ухогорлоноса к известному в театральных кругах города врачу Ральфу Исааковичу Райкину, старшему брату Аркадия Райкина.

– Что болит? Откройте рот!

Я разинул пасть, как учил школьный эскулап. Райкин улыбнулся и заметил:

– Вы капелланин! Лечились у Семена Степановича! Узнаю! Его школа!

В 70-х прошлого века я навестил Семена Степановича в его коммуналке на Невском, в глухом дворе за Домом работников искусств. Старый доктор узнал меня и задал вопрос:

– Шура! Как твои глазки?

Я в капелльской школе перенес тяжелый конъюнктивит и вылечился благодаря заботам Семена Степановича. При встрече я был изумлен. Помнит все! А потом понял – он же лекарь от Бога!

1 августа 2012 года

Уроки секса

Мы учились в старших классах капелльской школы. В нашей мальчишеской бурсе многие пристрастились к куреву, как говорили, фаяли бычки. Другие, что посмелее и нахальнее, ходили на танцы в хореографическое училище, где знакомились с балеринами, вызывая ревность и ненависть балерунов, которых

мы считали голубыми. Бить голубых было любимым занятием старшекласников. Как-то Генрих Зарх и Алька Шак взяли на это мероприятие меня. Ребята ловили «вагановцев», а меня поставили на стреме у улицы Росси, на «Ватрушке» у бюста великого Ломоносова. Я должен был дать знак при приближении «фараона», т. е. милиционера, трижды крикнуть, как утка: «Кря! Кря! Кря!»

Мент подошел с моста через Фонтанку незаметно для меня и оказался за спиной.

— Что стоишь? — задал он бестактный вопрос.

Я в ответ громко крикнул:

— Кря! Кря! Кря!

Постовой врезал мне сапогом ниже спины. Я с быстротой молнии с криком «Атас!» рванул к ребятам, что тузили балетных. А бегал я быстро! Стометровку пробежал за 11,7 секунд.

— Ребята! Атас! Милиция! — и мы дунули на улицу Пролеткульта, затем на Ракова, через Желябку в спасительные капелльские двory. Зад после удара болел несколько дней, но я стойко держался и не говорил об этом родителям. Старшекласники меня зауважали и взяли в кинотеатр «Баррикада» на итальянский фильм для взрослых «Утраченные грезы», в котором играла звезда Сильвана Пампанини. Сегодня ее назвали бы порнозвездой. В итальянском прокате фильм назывался «Дайте мужа Анне Дзаккео!» В основе — любовные похождения героини, которая, прячась от ревнивого любовника на берегу Неаполитанского залива, оказалась в чем мама родила. Эту сексуальную историю я пересказал однокласникам, и они захотели сами посмотреть на «голую бабу», как выразился Вадька Суханов. Весь класс после обеда слинял в кино, а меня оставили заложником наблюдать, как будут развиваться события. Через два часа ребята вернулись, полные впечатлений, и наткнулись на закрытый класс! Шумно появились директор Роберт Савейко и математик Алексей Алексеевич Соколов. Они открыли замок и пригласили нас в класс. Директор начал отчитывать басом:

— Мурин! Мать твоя... сердечница! А ты бандит! И т. д.

Следующим был Валька Мадер:

— Мадера! Мать твоя... директор столовых! А ты бандит!

Следующим Вовка Грибов:

— Грибца! Мать твоя! И т. д.

Роберт Дьявол с презрением сыпал налево и направо клички и ругательства. В результате все получили выговор в личное дело и вызов родителей на ковер в школу. Так закончился урок сексуального воспитания.

Недавно я напомнил эту историю 95-летнему Алексею Алексеевичу Соколову, тому самому математику. Он залиvisto, как соловей, смеялся своим высоким тенорком!

30 мая 2011 года

Грибица

Владимир Грибов

Вовка Грибов после капелльской школы стал известным в ленинградских музыкальных кругах джазменом-трубачом. Играл в популярных ансамблях Ленконцерта, а в наши дни осел в Музыкальном училище имени М. П. Мусоргского на Моховой, где руководит джазовым оркестром. Вместе с ним музицировал наш Тимка Кухалев (Мегвинетухуцеси). О нем я подробно рассказал в эссе «Икса».

Оркестр под руководством Грибова с успехом выступал на престижных сценах города: Большом зале Филармонии, в Капелле, в авторских концертах Кухалева. Последняя программа была под тенденциозным названием «От блюза до Бродвея» и вызвала восторг благодарных слушателей. Поэтому я написал рецензию:

От блюза до Бродвея гуляли два плебея:
Амур, выдавший виды, и кореш его, Грибов.
Гуляли и болтали, а одного не знали:
Что на дубу сидели
Один сокол — Сталин,
Другой сокол — Ленин!

В недавние времена за такой стишок я мог запросто угодить в солнечные лагеря Магадана.

Июль 2012 года

Яша-каллиграф

Яков Дубравин-Фрухтман

Воспитанник Хорового училища Капеллы, что учился классом младше нас, Яша Фрухтман, гениально подделывал в школьных дневниках подписи за учителей. Да так здорово, что те, не обнаружив подвоха, переносили их в классные журналы. Так у нас появлялись многочисленные лжепятерки и лжечетверки. Вскоре Яша смекнул, что с ребят за это можно брать мзду. И мы платили за его искусство, кто пирожком, кто сладостями.

Капелльские бандиты решили проучить младшего школяра-каллиграфа. В школьной газете появилась моя карикатура, на которой Фрухтман размашисто ставит себе в дневник пятерку по математике и подписывает за учителя Исаю Борисовича Кипниса: «ИК». А Слава Чернушенко сочинил стишок:

Яша Фрухтман милый мальчик,
Да к тому большой шутник.
Ставит «5» себе в дневник
И подписывает ИК!

Кипнис, наш Икса, долго стоял у стенда, рассматривал свою подпись, а потом выдал:

— Слушай, Мурин! Ей Богу, не припомню, когда это я поставил Фрухтману пятерку???

И пошел выяснять недоразумение к завучу Иосифу Антоновичу Лозинскому.

Народный артист России, профессор, известный композитор Яков Исаакович Дубравин, в девичестве Фрухтман, верно забыл этот эпизод из своей бурной юности?

14 февраля 2012 года

Пан Козлевич

Александр Козловский

Семья Сашки Козловского жила в коммуналке Капеллы вместе с художественным руководителем хора, профессором Г. А. Дмитриевским. До революции квартира принадлежала Сашкиному деду, важному царскому чиновнику. Квартиру уплотнили. Дед к нашему времени дал дуба. Отец Козловского, тоже Александр Александрович, играл в джазе Н. Г. Минха на ударных, великолепно разбирался в технике, чинил любые часы, реставрировал антикварные авто. Как-то раз он въехал в парадный двор Капеллы на шикарном двухместном сверкающем никелем с длинным радиатором «форде». Вокруг собралась толпа зевак. По наследству, за отца-автомобилиста Саша получил капелльское прозвище — Пан Козлевич. В честь героя Ильфа и Петрова.

От прежних времен Козловским досталась няня-домработница, довольно вертлявая и бойкая старушенция. Она знала несколько иностранных языков, включая церковно-славянский и латынь. Когда профессору Дмитриевскому нужно было что-нибудь перевести, он шел на кухню. Домрабыня была незаменима. Пан Козлевич окончил Капеллу и Консерваторию по классу Е. П. Кудрявцевой и стал востребованным в городе оркестровщиком. В. П. Соловьев-Седой, А. П. Петров, В. Е. Баснер и другие отдавали ему свои клавиры, с которыми Саша справлялся с быстротой молнии и получал за это солидные гонорары. Последние вызвали в соответствующих органах интерес. Бедного музыкантишку вызвали в серый Большой дом. Решили проверить. Дали пустяковую песенку, чистые нотные листы. Через пару минут была готова партитура. Эксперты в штатском просмотрели ее и были в полном восторге. Пан Козлевич был отпущен с миром.

Как незаменимый Саша с отцом и матерью месяцами создавал свои оркестровки в Репино в Доме творчества композиторов. Там же отдыхала и моя мама, дирижер Капеллы и профессор Консерватории Е. П. Кудрявцева. Мы часто встречались с семейством Козловских и семьей Н. Г. Минха на прогулках. За обедом в столовой Козловские открывали бутылку вина. Гонорары

Саши позволяли! К сожалению, пристрастие к выпивке сыграет роковую роль. В 90-е годы Пан Козлевич пришел домой, принес бутылку водки и, пока жена готовила на кухне закуску, налил полный стакан и залпом выпил. Водка оказалась паленая. Яд подействовал мгновенно. Приехавшие врачи были бессильны!

6 октября 2012 года

Трутень

Игорь Трутнев

В 1956 году, когда мы учились на втором курсе Консерватории, к нам приехал повидаться капелльский однокашник Игорь Трутнев (по-капелльски Трутень). После Капеллы он, сирота, окончил военное училище и стал командиром танка. Мы залезли на четвертый этаж Консерватории в закуток, где стоял старый, видимо, списанный рояль.

— Ребята! Сыграйте мне Чайковского! Соскучал по музыке! Совсем одичал! — попросил Игореха...

Через несколько месяцев из Карелии пришла скорбная весть. Погиб Игорь Трутнев!

Продираясь сквозь бурелом и завалы, что оставил ураган, его машина налетела на высоковольтные провода, что были под напряжением. И наш друг сгорел в танке вместе с экипажем!

Это была первая, ранняя потеря в нашем «краснознаменном» классе.

Июль 2012 года

Кузя

Владимир Кузнецов

Вовка Кузнецов был самым маленьким в нашем классе. Капеллане дали ему прозвище Кузя. В 1945 году мама, дирижер Капеллы Елизавета Петровна Кудрявцева, помогала Палладию Андреевичу Богданову репетировать с хором мальчиков в желтом зале на Мойке, 20. Вдруг при тихом пении ангельских голосов раздался какой-то посторонний звук. Оказалось, он исходит от провинившегося и поставленного на стул у рояля Кузи. Бедный проказник, увидав свое отражение в крышке инструмента, начал бубнить под нос:

— Бука-бука, съешь меня!

При этом грозил пальчиком неведомой букашке.

В капелльской школе, в Консерватории он звезд не хватал, но был активным комсомольцем. После вуза получил назначение

1956 год. Первый курс Консерватории. Стоят: Игорь Петров, Александр Мурин, Владимир Кузнецов, Леонид Петров.

Сидят: Олег Мошкович, Теймураз Кухалев, Валентин Гончаров, Фаина Мардеева, Елена Яровинская, Владимир Максимков

на Сахалин. Там женился. У молодых родилась дочка. Через три года Вовка оставил семью и вернулся в Ленинград, одно время руководил хором и ансамблем в Доме культуры «Красный Октябрь» на Петроградской стороне, у моста Строителей. Я часто встречал его на Зверинской улице. Обычные разговоры:

— Привет! — Привет! — Да, покеда!

Потом он куда-то пропал. Оказалось, пятая законная жена Кузи увезла его в Израиль, где он и скончался в песках Синая.

Дочка от первого брака, в наши дни супруга крутого олигарха, добилась перезахоронения отца в Петербурге на престижном Волковом кладбище. Я представляю, скольких усилий ей это стоило в 2011 году. Так наш Кузя навечно вернулся в родной Питер.

Июль 2012 года

Савелыч

Анатолий Савельев

Толя Савельев (Савелыч) – талантище в разных областях. Он и поэт, и музыкант, и технарь. И чем больше и круче бьет его судьба, тем он становится все чище душой и крепче духом. Я ему сердечно благодарен за слова, сказанные на освещении памятника нашей общей Маме Лизе на Новодевичьем кладбище.

Елизавете Петровне Кудрявцевой:

Под сим крестом и в снег, и в дождь
Лежит российских певчих вождь!
И Богородица над ней
Стоит и плачет в сонме дней!

А на моем юбилее (семьдесят пять лет со дня рождения) Толя снова блеснул своим поэтическим даром, напомнив о наших капелльских Великих Учителях.

23 марта 2012 года

Леон

Леонид Петров

В 1960-е годы Ленька Петров (Леон) уехал в Пензу, преподавал в местном училище, руководил Пензенским народным хором, что гремел по стране, и сочинял в русском народном стиле. Его песня «У Егорки дом на горке» многими музыкантами и сегодня считается народной. В семидесятых годах он сделал для певцов моего Ленинградского русского эстрадного ансамбля «Белые ночи» изумительные оркестровки, которые проходили в концертах с громадным успехом.

В 1974 году Леонид вернулся обратно в наш город со своей ученицей, очаровательной юной певуньей Оленькой, что вскоре подарила ему сына Бориса.

Леонид возглавил хоровое отделение в Ленинградском областном культурно-просветительном училище, а в 1985 году привлек к преподаванию в нем и меня.

Радостно видеть у Петровых за праздничным столом многочисленную семью: двух сыновей Петра и Бориса, дочь Светлану, внуков и правнуков.

Многие из них переняли гены деда. Проявляют себя в музыке. К семидесятипятилетию Л. В. Петрова я сочинил стихи.

Новое в лениниане!

Из всех друзей для нас наиважнейшим является Петров!

Он своими рыбацко-музыкальными корнями уходит в широкие народные массы.

Он понятен и любим ими!

Поэтому его хоровые труды бессмертны

И будут воспеты пролетариями всех придорожных аллей мира!

Вова (в девичестве Ульянов). Институт Мурризма-Лёнинизма.

Далее поздравляет Корней Чуковский (Мурло).

Дозвониться до Петрова

Невозможно нам с утра,

Потому что у Петрова

Юбилей! Ура! Ура!
Все хотят его поздравить
И успехов пожелать,
За компанию прославить
Лёньки жинку, Ольгу! Мать!
Раскалился телефончик
От торжественных речей.
Будь же бодрым, словно пончик,
Милый Лёнька, в юбилей!
Деткам водочки налей!

Далее поздравляет некий Алекс Мурин-Пушкин.

Весна и солнце! День чудесный!
Чего ты дремлешь, друг прелестный!
Пора! Пора! Заводишь тачку
И мчишь с супругом вдаль на дачку!
А там сажаешь, полешь, пашешь
И варишь для детишек кашку,
Стираешь, моешь, целый день,
Забыв про отдых и про лень!
Так молвил рыжий наш повеса
И для мужского интереса
Спел Ольге звонку серенаду
И повторил три раза кряду:
— Ах, Ольга, ты меня не любишь!
Ах, Ольга, ты меня погубишь!
Ах, Ольга, ты меня с ума сведешь,
Покуда водки не нальешь!
Но тут пришел Петров с лабаза
И запер он Мурло-заразу
В шикарный импортный сортир,
Чтоб там он стопку осушил.
А Максимков и Соколов
В экстазе не находят слов,
Чтобы воспеть девичий стан.
В сортире рыжий хулиган
Твердит избитые слова:
— Ах! Закружилась голова!

И сник поэт, и тут же слег
У самых стройных женских ног.
Лежит «Онегина» глава,
А рядом Мурки голова.
Прости его, простой читатель,
Он «очевидец», не писатель!

*6 марта 2012 года
Придорожная аллея*

Тост графу Петрову

Люблю тебя, Петра творенье,
И поздравляю с днем рожденья!
Любимец муз, грибов, рыбак
И выпить тоже не дурак!
Пусть дети, правнуки и внуки
За песен сладостные звуки
Тебя прославят, граф Петров,
До древних дивенских лесов!
Гремит музыка хоровая
Тебя, о Лёнька, воспевая,
Поют тунгус, таджик, грузин
До всех заоблачных вершин
За Леонида, свет Петрова!
Ну где найдешь еще такого!
Пора, друзья!
Так грянем дружное «Ура»!!!

6 марта 2007 года

23 марта 2012 года

Лето 1960 года. После государственного экзамена по дирижированию в Консерватории.

Сидят: К. А. Ольхов, Н. В. Романовский, И. И. Полтавцев, Н. В. Михайлов, А. Б. Рыбнов (Москва, председатель комиссии), Е. П. Кудрявцева, М. Н. Семенов.

Стоят. 1-й ряд: Станислав Легков, Фаина Мордеева, лаборант факультета, Юрий Скворцов, Юлия Максименко, Леонид Петров, Елена Яровинская.

2-й ряд: Владимир Максимков, Вернер Мачке (ГДР), Валентин Гончаров, Теймураз Кухалев, Евгений Терентьев, Олег Мошкович, Александр Мурин

Максимка

Владимир Максимков

Вову Максимкова наш кумир Палладий Андреевич Богданов любовно величал Максимка, но мы звали друга запросто — Макс. Как-то в 1960-е годы В. А. Максимков приехал из Архангельска в Ленинград, чтобы пополнить репертуар руководимой им Капеллы, встретиться с друзьями. Он зашел на нашу музыкальную малую родину, на Мойку, 20, в Капеллу, позвонил в квартиру П. А. Богданова на третьем этаже. Долго ждал ответа и уже хотел уходить, как услышал старческие шаркающие шаги. Услышал знакомый голос:

— Кто?

— Палладий Андреевич! Это... — и, не успев закончить фразу, Макс расслышал слова:

Александр Мурин, Александр Емельянович Никлусов, Владимир Максимков с дипломантами класса А. Е. Никлусова Ниной Лебедевой, Раей Пущиной, Аллой Трескиной. Сентябрь 1955 года. 1-й курс

– А! Это ты, Максимка!

Наш Учитель различил голос Володи через дверь! Ведь он помнил голоса каждого из капелльских пацанов.

Володя Максимков окончил Капеллу и Консерваторию по классу профессора А. Е. Никлусова. В 1961 году сыграл свадьбу с нашей сверстницей Светой Акифьевой, и они укатили на Север, в Архангельск. Там Макс возглавил местную капеллу, создал из студентов и педагогов училища симфонический оркестр, довел эти коллективы до профессионального уровня. Под его управлением они исполнили труднейшие сочинения, такие как «Реквием» Керубини, «Фантазию» Бетховена, кантату «Москва» Чайковского, «Патетическую ораторию» Свиридова, несколько опер в концертном варианте и многое другое. С хором и оркестром пела и Ленинградская капелла под управлением В. А. Чернушенко. Коллективами дирижировали многие известные музыканты СССР.

Свыше 15 участников хора и оркестра удостоены почетных званий, а В. А. Максимков стал заслуженным деятелем РСФСР. Верный помощник Светлана Максимкова – заслуженный работник культуры РСФСР. Но главное – они вырастили двух замечательных сыновей.

Старший, Андрей Максимков, окончив Театральный институт у И. О. Горбачева, стал популярным актером, ведущим на телевидении, создателем канала «СТО»; младший, Сергей, – востребованным телеоператором.

Ныне, в XXI веке, заслуженный деятель искусств РСФСР В. А. Максимков, профессор Петербургской консерватории, возродил в ней Академический любительский хор и выступает с ним на сценах и площадках города. Периодически ездит в Архангельск к своему северному детищу, которое так и продолжают называть «Капелла Максимкова»!

В 2010 году супруги Максимковы отметили во Дворце бракосочетания на Неве золотую свадьбу. На торжестве моего друга я рискнул произнести тост:

Дорогой мой милый Макс!
Дружим мы с капелльских клякс.
Помним ясно, как сейчас,

Наш гвардейский, славный класс.
Помним всех учителей,
Что не лили нам елей.
И Палаша помним рык,
По затылку крепкий втык!
Мы умнее становились.
Страсть пришла – друзья женились.
Размочил Петров – Банан –
Сексуальный хулиган,
Взял племянницу певца,
Ламба-дрица-ца-ца-ца!
Следом был Леон Петров,
Уволок и будь здоров
То ль певицу, то ль арфистку,
В общем, был вторым по списку.
И пошли гулять ребята,
Комсомольцы-октябрюта:
Леший, Коленька, Сан Ван,
Бека, Мадер и Сухан,
Кухаль, Грибица, Щавель
Сели с бабами на мель,
Кто скрипачку, кто арфистку,
Титыч – Катьку-пианистку.
Ты ж – Акифьеву Светлану,
Как откажешь тут улану,
Сердцееду-молодцу!
И повел ее к венцу.
Обнимались, веселились,
Целовались, поженились,
А потом в Архангельск смылись,
Там и детки появились,
Как Гвидоны, уродились.
Северянам не в укор,
Хороши, как на подбор.
В Питер оба возвратясь,
В «теле-Сотку» с ходу – хрясь!
Глянь, полвека уж прошло,
Много водки утекло,

Много песен перепето,
За зимой настало лето,
Слава партиям за это!
Тут и сказочке конец,
А кто слушал – молодец.
Многа лета! Максимковым!
Пожелаем быть здоровым!
Еще много, много лет!
От сказителя: Привет!

*Алексашка, по прозвищу Кобыла
руку приложила
С опохмелки и с утра
В граде имени Петра.
27 февраля 2011 года*

23 марта 2012 года

Жека

Евгений Максимков

Старший брат Максимкова Женька, по прозвищу Жека, тоже был воспитанником Капеллы. Помню, в 1946 году нас отправили в пионерский лагерь в Павловск. Он располагался в здании местной школы. Время голодное. Как-то после ужина мы сидели с Жекой у квадратного пожарного водоема. Есть хотелось дьявольски. Женька спросил меня:

– Рубать хочешь? – и, не дождавшись ответа, достал из-за пазухи две здоровые морковки, вымыл в водоеме и очистил перочинным ножиком:

– Рубай, Кобыла, чтобы рожа круглой была! Рубай, Кобыла, чтоб здоровье было! – и вручил мне.

Такое не забывается!

Евгений Александрович Максимков стал профессиональным военным.

23 марта 2012 года

Невероятное событие в Консерватории

В сентябре 1959 года в Ленинградской ордена Ленина консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова произошло невероятное событие, которое не вошло ни в книгу рекордов Гиннеса, ни в гениальный роман М. А. Булгакова, так как роман был уже написан, а сам автор был на небесах. Итак, студенты-музыканты сыграли... футбольный матч! Сборная вуза (пианисты, скрипачи, композиторы, музыковеды, вокалисты) сражалась с футболистами дирижерско-хорового факультета. За сборную выступали скрипач Сафаров (нападающий), вокалист Николай Охотников (защитник), за дир-хор отчаянно лупили по мячу, а иногда и по ногам соперников студенты: нападающие Стасик Легков, Леня Южак, Сережа Куриленок, Валера Мертенс. Врата защищал Марлен Нокелайнен. На трибунах стадиона Кировского завода активно болели студенты и среди них уважаемые профессора во главе с народным артистом СССР пианистом П. А. Серебряковым. Матч завершился победой сборной со счетом 5 : 2.

Через неделю в многотиражной газете Консерватории «Музыкальные кадры» появился репортаж некоего Ал. Болельщикова об этом знаменательном в истории мировой музыки событии.

Сегодня, спустя 50 лет, можно раскрыть инкогнито комментатора. Это был автор сих строк, которого на предматчевой тренировке «подковали» случайным сильным ударом свои же однокурсники-хоровики.

На фото на следующей странице нападающий проигравшей команды Стасик Легков и болельщик Саня Мурин. Фото имеет название «Эх! Продули!»

27 сентября 2014 года

Музыканты играют... в футбол

В нашей спортивной жизни произошло необычайное событие — на стадионе Кировского завода состоялся футбольный матч. Инициаторами этой встречи выступили студенты дирижерско-хорового факультета, сумевшие организовать свою футбольную команду.

«Кто гонять умеет мяч, спешит с дирижорцем на матч!» — задорно призывал плакат на доске объявлений. Вскоре вызов был принят. Среди студентов других факультетов нашлось немало способных футболистов, из которых и была сформирована «первая», и, мы будем надеяться, не последняя, «сборная футбольная команда консерватории».

И вот в четверг, не после дождика, как говорится в старинной поговорке, а в мелкий осенний дождь на поле вышли команды. Свыше ста болельщиков, в их числе и уважаемые педагоги, разместились на трибунах стадиона. Свисток судьи «неизвестной категории», и матч начался. С первых минут игра обещала быть интересной. Острые моменты возникали то у одних, то у других ворот. На одиннадцатой минуте защитник сборной консерватории Н. Охотников сыграл руками на линии ворот, но судья это не зафиксировал, чем вызвал законное недоумение болельщиков и игроков. С ничейным результатом команды ушли на стдых.

Второй тайм начался атаками сборной консерватории и вскоре после точного удара Кочарыгина вратарь команды дирижерско-хорового факультета Марлен Нослайнен вынужден был вынуть мяч из сетки своих ворот. Следует ответная атака дирижорцев; с подачи Мертенса нападающий Южаков мимо выбежавшего вратаря Сафорова забивает ответный гол.

Одно время зрителям казалось, что игра так и окончится с ничейным результатом. Но игроки «сборной» нашли брешь в защите дирижорцев и забили в их ворота еще четыре мяча (два — Мальков и по одному Кочарыгин и Кравчик), пропустив в свои лишь один (забитый Куриченком) мяч.

Так закончилась эта интересная спортивная встреча.

Ал. БОЛЕЛЬЩИКОВ

С. Легков, А. Мурин. «Эх! Продули 2 : 5!» Финал исторического футбольного матча сборной Консерватории и сборной дирижерско-хорового факультета. Нападающий команды дир-хора, студент Стасик Легков, комментатор матча Александр Мурин. 1959 год

Леший

Станислав Легков

В Консерватории готовились отметить семидесятипятилетие нашего капеллана, моего одноклассника, заслуженного деятеля искусств РСФСР и КАССР, ведущего профессора хоровой кафедры, руководителя профессионального коллектива вуза Станислава Николаевича Легкова. В капелльской школе он, отличник, заядлый футболист, получил прозвище Леший! Заведующий кафедрой, также капеллан, народный артист РСФСР профессор Валерий Успенский, обратился ко мне с просьбой сочинить к дате шуточное поздравление на музыку композитора Леонида Десятникова.

Стасик Шевелев, Леня Петров, Гера Цес, Олег Мошкович, Вова Кузнецов, Эдик Клейман, Тима Кухалев, Стасик Легков, Коля Мартынов, Игорь Петров, Саша Смирнов, Вова Максимков, Юра Скворцов.
Фото А. Мурина

И вот на юбилее на сцену Малого зала Глазунова вышли дирижер, хор, солистка на удивление публики с рыбацкой удочкой и началось!

Сижу на рыбалке на зорьке,
Ловлю на червя окуней.
Вдруг вылез Садко из пучины
И грозно кричит мне: «Налей!»
Плеснул ему в гусли «Столичной»,
А он, позабыв про уют,
Промолвил: «Послушай, хормейстер,
Как девы морские поют!»
И тут появились певички,
Завыли про шумный камыш,
Про уток, гусей и про птичек.
От водки остался лишь шиш!
Потом танцевали стервозы,
Грудями вздымая волну,
Хвостами вильнули и смылись,
Нырнув с головой в глубину.
Сомкнулась морская пучина,
Цунами пошли до земли.
Лишь чайки кричат сиротливо,
И в космос плывут корабли.
Но слышно над гладью морскою,
Как песню Садко затынул,
Качнул я башкою хмельною
И тихо, блаженно заснул
И вижу: сижу на рыбалке,
Ловлю на червя окуней,
Вновь вылез Садко из пучины
И грозно кричит мне: «Не пей!»

Слава Богу, Лешему не сказали на юбилее, что автор этого безобразия — Кобыла!

И мой «Сон на рыбалке» публика так и скушала, не подавившись, инкогнито.

Январь 2012 года

Коленька

Николай Мартынов

Коля Мартынов был в нашем классе одним из самых худеньких пацанов.

Его родители – истинно ленинградские интеллигенты. Отец – скромный инженер из породы молчунов. В 1990 году, встретив его случайно в 17-м троллейбусе, я обнаружил у Авксентия Николаевича милый, тихий баритон. Он говорил в основном об успехах и трудностях своего любимого Коленьки.

Мама, наоборот, яркая, эффектная, с профессионально поставленным голосом женщина, в капелльской школе служила воспитательницей и была главным мотором, постановщицей всех наших концертов и номеров. Помню ее с невероятно красочным платком на голове, вечно озабоченную о послеблочных мальчишках. Ребята ее любили и беспрекословно слушались. Считались с ней и педагоги, и наш музыкальный бог, Палаша, Палладий Андреевич Богданов. Вот одно его письмо:

«Милая Беатриса Исааковна!

Независимо от полученного Вашего письма, я приношу Вам искреннейшую благодарность за те славные цветы, которые я получил от Вас, а потом и от Вашего мужа, красующиеся и сейчас предо мною. Думается мне, что Ваш муж основательно написал про мое торжество 29 июня 1949 года в Капелле. Я описать не сумею, но было все очень хорошо, доброжелательно. Свешников прислал 3 телеграммы, комитет – приказ, Лен. комитет – тоже. Цветов и речей было много, народ принимал все восторженно. Но все затмило выступление „Трудовых резервов“. Программа концерта была составлена так:

Трио (П. А. Б.), Прелюдия (Каплан), в 4 руки балетная сюита (знакомая по постановке Вами в первом году училища). Игра баянистов, Скопа – Родионова. Резерв: речи, стихи, подношения. Я выступил в „Эхо“ Орландо Лассо. Спели до Свешникова!!! А так же „Славься!“ под аккомпанемент двух оркестров. Закончилось все ужином.

После этого я принялся за каждодневную (2 раза в день) работу с „резервами“, готовя их к концертам в Будапеште.

Сам еду отдыхать в Сочи. Мечтал я побывать у сына, заехать в Ярославскую губернию, а потом во Псков. Все мечты разлетелись. Сейчас сижу дома. Погода с 1 июня наладилась, но бывают и дожди. Наталия приступила к занятиям. Арфа и еще английский язык. Все лето сама себе испортила и нам. Капелла вернулась из командировки. Зоя Дмитриевна по-прежнему порхает и помолодела, и похорошела. Лозинский ей не дал говорить. Говорили за нее девочки из училища.

Мария Андреевна и я шлем Вам глубочайший привет. Пишу несколько усталой рукой – после репетиции с оболтусами.

Целую Вас, П. Богданов».

Уже в наши дни, спустя много лет, я узнал, что Колина мама была профессиональной актрисой и играла на сцене. Мы сидели с Колей 9 лет за первой партией, и я по-наглому скатывал с него диктанты по сольфеджио и русскому языку.

В 1946 году мы как «однопартийцы» оказались в пионерлагере в Павловске. Гуляли по изувеченным войной аллеям и холмам. Видели сожженные дворцы. Купаться нам запретили, после того как местный парнишка погиб, нырнув с горбатого моста в озеро и напоролся на рога скульптур кентавров, сброшенных фашистами в воду. По выходным к нам приезжали родители и кормили домашними лакомствами, от которых целую неделю болели наши тощие животы.

В 1955 году после Капеллы все ринулись сдавать экзамены в Консерваторию, сразу на два факультета – дирижерско-хоровой (дир-хор) и теоретико-композиторской (ТКФ). Но поспел указ министра культуры Е. А. Фурцевой о запрете совмещений. Коля выбрал ТКФ, а я успокоился на дир-хоре.

Через пять лет судьба в очередной раз снова разбросала нас в разные стороны. Я крутился как белка хормейстером в ленинградских коллективах, а Коля и еще один капеллан Стасик Шевелев уехали по распределению в Новосибирскую консерваторию. Ныне Станислав Николаевич Добровольский (Шевелев) – профессор, заведующий фортепианной кафедрой этого вуза. А Николай Мартынов вернулся в альма-матер, поступил в аспирантуру, написал и опубликовал яркую книгу о композиторе Александре Давиденко, стал преподавать на композиторском факультете.

Особая страница его жизни – знакомство, общение и дружба с Д. Д. Шостаковичем, который проявлял к молодому коллеге изумительное внимание. Он не только помогал ему советами в творчестве, но и подыскивал, рекомендовал лучших врачей, когда заболел отец Коли Авксентий Николаевич. Когда Николай Мартынов осмелился посвятить великому учителю свою первую симфонию, то получил изумительный ответ от Дмитрия Дмитриевича:

«Дорогой Николай Авксентьевич! Спасибо за письмо. Правда, тот пункт его, в котором Вы говорите о моей доброте, несколько меня обидел. Как мне кажется, у нас с Вами очень хорошие отношения и „по доброте душевной“ я не могу юлить с Вами. Бог пусть простит Вам эту концепцию. Для меня большая радость и честь, что Вашу Пушкинскую симфонию Вы посвятили мне. Симфонию я слышал только один раз. Поэтому не могу подробно проанализировать ее и покритиковать. Написана она вдохновенно и страстно. Я Вас поздравляю. А к критике, конечно, надо прислушиваться. Когда я буду хорошо знать симфонию, то и я ее покритикую. От этого мое отношение к ней не станет хуже».

Память о Шостаковиче Николай Мартынов хранит свято.

Вот фрагмент его выступления на симпозиуме в Германии, в Кельне, в 1985 году, посвященного творчеству и личности Геня XX века:

«Я смотрю на фотографию 1907 года. На ней запечатлен маленький мальчик в белом кружевном платьице, белых носочках и туфельках. Он смотрит на нас с удивлением, тревогой и ожиданием. И еще мне чудится в его глазах вопрос. Это маленький Митя Шостакович. Еще никто не знает, что ждет его – ни родители, ни сестра, ни, разумеется, он сам. Все еще впереди – войны и революции, потери и обретения. Впереди – величайшие открытия и чудовищные злодеяния, устремления к высотам человеческого духа и пропасть человеконенавистничества.

Впереди – почти весь XX век, впереди вся жизнь. И никто еще не знает, что он станет одним из величайших певцов этого столетия, что в его музыке сконцентрируются бури и надежды нашего времени.

И я вспоминаю другого маленького мальчика на руках у матери, за четыреста лет до того изображенного на картине Рафаэля. Они чем-то неуловимо похожи – эти малыши. Может быть, недетским выражением лица? На его личике то же выражение удивления, тревоги и ожидания. В его глазах застыл тот же немой вопрос...

Я пытаюсь прочесть его. Не ответить, нет! Хотя бы понять вопрос...»

Редко, кто мог так сказать о своем Учителе!

Николай Мартынов – ныне заслуженный деятель искусств России, уважаемый профессор Петербургской консерватории. Ведет в ней предмет оркестровку для композиторов, который до него вели Н. А. Римский-Корсаков и Д. Д. Шостакович. Он – мост от классиков в XXI век. Как композитор Н. А. Мартынов продолжает традиции Шостаковича.

Я счастлив слышать овации на концертах, где звучат его сочинения: будь то первая симфония или концертное исполнение оперы «Вишневый сад» по Чехову в Капелле, балет «Петербургские сновидения» по Достоевскому в Оперной студии Консерватории. На авторских концертах романсы на стихи Цветаевой, Ахматовой, Гарсиа Лорки, японских поэтов вокалисты исполняют с такой самоотдачей и влюбленностью в музыку, какую редко сегодня встретишь! Музыка Н. А. Мартынова ясно различима на фоне хаоса XXI века. Ведь его благословил к дерзаниям сам музыкальный бог – Шостакович!

23 марта 2012 года

Н. А. Мартынову

(к 70-летию со дня рождения)

*Заслуженному деятелю искусств РСФСР,
профессору Петербургской консерватории,
композитору Н. А. Мартынову*

Мы сидели с тобой на капелльской скамье,
Мы росли и мужали в капелльской семье.
И над нами, как Бог, свою длань распростер
Сам Палладий Богданов, кумир-дирижер.
А потом были Конса и жизни виток,
Мы запомнили каждый суровый урок,
Кто учил нас, давно наблюдают с небес,
Чтобы совесть не взял разгулявшийся бес.
Нам они завещали: Ни шагу назад!
За спиной ведь стоит Петербург—Ленинград!
Нос не вешать, дерзать и не сметь унывать!
Да Россию любить – нашу Родину-мать!
Так смелее, вперед, к молодым берегам!
На пути нам не страшен жирующий хам.
Многая лета! – желаю, Николенька-брат,
Выпить пунша бокал за тебя Мурка рад!

*Александр Мурин,
твой «однопартиец»
(сидел в Капелле за одной партией)
20 июня 2008 года*

Козырь

Сергей Козырев

В годы войны, скитаясь по северу Руси на пути в Киров, наша троица (мама, я и сестренка) оказались в деревеньке Арбаж. В ней находилась капелльская школа во главе с Палладием Андреевичем Богдановым. Некоторое время мы провели с ними. Ребята учились, давали концерты в ближайших селах. В деревню удалось вывезти из Ленинграда даже инструменты. Всем учебным процессом руководил Богданов. Жили все в местной школе. В школьном зале на полу спали на матрасах ребята, а учителя и воспитатели на сцене за занавеской. Чтобы обогреть помещения, старшие ребята заготавливали дрова. Пилили, рубили и таскали к школьным печкам. Тогда я и заметил худого, как палка, со смуглым лицом паренька, которого все величали Козырь. Это был Сергей, сын воспитательницы Зои Дмитриевны Козыревой. Он деловито командовал ребятами:

— Эй, Козел (относилось к Феде Козлову), Мурке, тощей кобыле, больше трех поленьев не нагружай! Упадет, придется перед Мамой Лизой отвечать! Понял? И я тащил поленья к печкам, где другие ребята, Фляра (Алик Флярковский) и Мина (Вова Минин), бросали их в топку.

Вскоре наша троица перебралась в Киров.

Спустя много лет, в 1985 году, я решил бросить беспокойную службу в Ленконцерте. Надоело мотаться с артистами по СССР. Перешел по предложению моего друга в Ленинградское областное культурно-просветительное училище. Как шутили родные, попал в просвет между двумя культурами. Там я встретил Сергея Павловича Козырева, что принял меня по-братски. Я всегда чувствовал его поддержку и добрый совет.

К 70-летию друга я прочитал поздравление:

Я помню давнее – Арбаж,
Измотанных ребят.
И наши матери с утра
Испуганно глядят,
Полны тревоги и забот

Одеть, обуть, умыть,
Ораву в сотню звонких ртов
Баландой накормить.
И между нами, как шаман,
С блестящей головой
Снует туда, снует сюда
Палладий дорогой.
Все помню, добрый мой Сергей,
Что забывать нельзя.
Прошу, бокал полней налей,
Мой тост за вас, друзья!

28 июня 1989 года

А через несколько лет его не стало.
Похоронили Сергея на Парголовском погосте. На сороковой
день мы, друзья, приехали к его могиле, вкопали заранее сделан-
ный железный столик и помянули нашего Козыря!

Пусть земля тебе будет пухом, Сергей Палыч, дорогой!!!

Август 2012 года

Купание капелльских кобелей

Андрей Титов, Вадим Суханов

У капелльских парт были створки, которые с шумом открывались наверх, когда мы вставали, чтобы дать ответ с места. А в «Сольфеджио» Климова был номер — мелодия из оперы Мейербергера «Роберт-Дьявол». Обычно у капеллан было любимое развлечение — кто-либо из класса выглядывал в коридор и, заметив спускающегося по лестнице директора училища Роберта Игнатьевича Савейко, давал знак и мы, стуча крышками парт орала:

— Роберт-Дьявол! Роберт-Дьявол!!!

Савейко, член ВКП(б), более похожий на белогвардейского офицера, подходил к нашей двери. В этот момент мы дружно

начинали голосить номер из «Сольфеджио». Директор заглядывал в класс и, узрев поющих учеников, решал, что стук и шум ему померещились.

— Ну, пойте, пойте, голубки! — снисходительно произносил Роберт. И как дверь закрывалась за грозным директором, мы ржали над своей проказой.

Был концерт хора мальчиков в зеленом театре ЦПКиО им. С. М. Кирова. Нас привезли на автобусах заранее. Мы бродили в парадной форме (бархатные курточки с пионерскими галстуками) у пруда. Суханов и Титов напросились в лодку к незнакомым девчонкам. Только отъехали от берега, как всех позвали строиться на выход. Лодка с ребятами подрулила к берегу. Титыч и Сухан дружно прыгнули с нее на сушу. Но по закону стержевности, судно устремилось от берега, и ребята оказались по пояс в воде. Девахи заржали, как табун диких кобылиц! Через минуту бедняги стояли перед Савейко:

— Что, галюбки, обоссались? Что, кобели, обделались? — ревел басом Роберт Игнатьевич, а ребята дрожали, как осинки, и вокруг них образовалось озерцо, как от нашкодивших щенков.

А концерт под руководством Палладия Андреевича Богданова прошел с огромным успехом. Правда, когда он дирижировал «Маршем нахимовцев», то, загадочно улыбаясь, глядел на мокрых Титова и Суханова!

1 июня 2012 года

Великий китаец Га Му Линь

Анатолий Гамулин

В капелльской бурсе прозвище Гамула имел старшеклассник Толя Гамулин. Он был необычайно музыкально одарен, имел тонкий слух, мог спеть любую партию из сложнейших партитур, что играли на уроках наши учителя. Толя был верный и надежный друг, никому не делал зла и подлости, ни о ком не говорил плохо. Его круглое лицо с носом картошкой излучало доброту и всегда сияло солнечным светом без малейшего намека на

грусть и печаль. Когда неумеха второгодник Секун (Секунов) съязвил:

— Гамула! Гамула! Сломал четыре стула! — Толя рассмеялся со всеми, нежно погладил проказника по голове, естественно со лба к затылку, и попросил:

— Дружище Секун, повтори еще раз! Я не запомнил!

В наших капелльских домашних концертах Гамула выступал с убойным номером, сейчас бы сказали с «эстрадным шлягером». Ведущий объявлял:

— Проездом в Ленинграде знаменитый китайский фокусник Га Му Линь!

Под аплодисменты на сцену выскакивал Толя в серой интернатской майке, в широких грязных спортивных шароварах и в тапочках на босу ногу, принимал позу восточного божка, скашивал к носу глаза, ноги становились круглыми, как будто он всю жизнь сидел на дубовой бочке, доставал из кармана воображаемый моток ниток, долго разматывал и вдевал в правое ухо, «протыкал» насквозь, «вынимал» из левого уха и несколько раз дергал по горизонтали то влево, то вправо под смех и визг зала. Следом «вытягивал» нитку из ушей и ставил, как цирковой шест, на свой курносый нос, балансировал. Зал давился от смеха, а «артист» деловито сматывал нитку, прятал ее в штаны, молитвенно складывал руки лодочкой и бочком, бочком, как истинный китаеза, исчезал в кулисе. На овации он вытягивал из шторы попеременно то голую ногу в тапке, то руку с разверзнутой пятерней. Однажды «бдительный» зритель крикнул из зала:

— А у Гамулы ничего нет!

У Толи на лице ни один мускул не дрогнул. Он спустился к Фоме неверующему и предложил повторить трюк.

Этот юморной номер Гамулин показывал с неизменным успехом в консерваторских капустниках, дополняя его все новыми и новыми деталями.

Вспоминаю другой забавный случай.

7 мая 1955 года у мамы был день рождения. В нашей коммуналке на Мойке, 20 раздался звонок. Именинница пошла открывать. На лестничной площадке стояли студенты ее консерваторского класса во главе с Александром Броневицким. Они запели на мотив «В лесу родилась елочка»:

— У нас родилась Лизонька!

Солировала Ира Шушпанова. А ей подпевали Гена Зарх, Коля Кунаев, Саша Дмитриев, Миша Травкин. Впереди Толя Гамулин, упав на одно колено с цветами, изображал «Елочку — маму Лизу» и ее деяния, одновременно подпевая ребятам. Мама спросила:

— А как называется ваш ансамбль?

Броневицкий в ответ:

— В Москве есть «Березка», а у нас «Липка»!

Мама пригласила ребят домой и угостила пирогом с капустой.

Так родилась будущая «Дружба». На смену Ирочке Шушпановой пришла Маргарита Иванова и студентка университета, юная Эдита Пъеха. Среди создателей и первых участников «Дружбы» — Толя Гамулин, Слава Чернушенко, Саша Дмитриев, Саша Пустовалов, Миша Зайцев, Витус Васильев, Валя Окульшин,

Анатолий Гамулин, Эдита Пъеха, Александр Броневицкий, Вадим Красовский, Виталий Васильев, Зиновий Массарский, Людмила Яшинова (горком ВЛКСМ), Владислав Чернушенко, Маргарита Иванова (Васильева), Александр Пустовалов, Борис Ляшко. Ленинград. 1957 год. Ансамбль «Дружба»

Зяма Массарский, Вова Максимков, Тима Кухалев. У меня сохранился снимок пятидесятилетней давности. На нем «дружбисты» все вместе, такие живые, молодые, еще без званий и наград. Вся жизнь впереди. И среди них «китаец Га Му Линь», что стал замечательным хормейстером, вдумчивым педагогом, имя которого было широко известно в нашем городе.

Время бежит неумолимо!

Я стою на панихиде в Троицком соборе на Измайловском проспекте... Сверху из окон барабана купола падают колонны солнечного света. В гробу как живой лежит Толя Гамулин. Рядом его друзья, капеллане, ученики, родные. В мозгу остервенело стучит мысль: «Все это нереально! Сон! Сейчас Гамула встанет из своей вечной колыбели и рассмешит нас шуткой...»

Где-то у алтаря поет церковный хор. Воск с горящей свечи капает, как слезы, на ладонь и не обжигает.

26 ноября 2012 года

Чумпэ

Петр Чумаков

В Хоровом училище Капеллы было два талантливых ученика с одинаковыми инициалами. Петр Петрович Левандо, сын знаменитого октависта, по прозвищу Петочка, и младший друг, Петр Петрович Чумаков, по-капелльски — Чумпэ. С последним и произошел забавный случай.

После Капеллы и Консерватории жизнь нас на время разбросала по сторонам. В шестидесятых я руководил Ансамблем песни ленинградской милиции, который помимо сольных выступлений принимал участие в авторских концертах В. П. Соловьева-Седого, Д. А. Прицкера, В. Е. Баснера, Ю. М. Зарицкого и других. Базировался ансамбль в новом клубе ГАИ на улице Попова. В один из дней на репетиции появился Чумаков. Слово за слово, мы спустились на улицу. Перед входом стояли авто больших милицейских начальников. Среди них приютился

побитый, выдавший виды, весь в грязи Петин драндулет, «москвич» первого выпуска. Здесь Чумпэ и объяснил цель своего визита:

— Видишь, Саня! Это — мой мерседес! Он годится только в металлолом! Но у меня есть все запчасти, кроме кузова. Узнай у своих гаишников, если я где-нибудь, например, под Кавголово спущу эту рухлядь с пригорка и разобью ее вдребезги, дадут мне справку на покупку нового кузова?

Мы расстались.

На следующий день перед репетицией в коридоре управления я заглянул в кабинет к замполиту полка ГАИ Ивану Егоровичу Грязнову и изложил идею Пети. Подполковник внимательно выслушал меня и что-то записал в блокнот, спросил адрес и имя Чумакова, включил на пульте рычаг и командным голосом рявкнул в микрофон:

— Хлопцы! В районе Кавголово, там, за Мурино, возможна авария с автомобилем «Москвич» П. П. Чумакова! — и, не дав мне опомниться, предложил:

— Слушай, Александр Алексеевич! Ну-ка, пришли ко мне своего друга херо-мастера, я с ним потолкую!

В результате Петя получил долгожданную справку на покупку кузова, но с условием, что он организует хор в школе милиции в Стрельне, в бывшем Константиновском дворце. Чумпэ выполнил условие. Менты под его управлением запели на голоса.

— Ну, Мурка! Удружил! — пожурил меня Чумпэ, выходя из новенького «москвича» на Театральной площади, — Давай! Прокачу! — и дружески похлопал своего коня по кузову...

От своих учителей по Капелле и Консерватории П. А. Богданова, Е. П. Кудрявцевой, А. А. Юрлова Чумпэ воспринял любовь и знание церковных песнопений, и, когда в девяностые годы стало трудно с работой, он устроился в Храм Святой Троицы на Измайловском проспекте. Из храма вывезли тонны грязи и мусора, поставили временный иконостас, начались службы, где пел Петин хор. Я зашел в храм к Чумпэ, обнялись, вспомнили учителей, вышеизложенную милицейскую историю. Он передал привет моей маме Елизавете Петровне Кудрявцевой, что учила его уму-разуму.

Через три недели, в конце месяца, в храме Петя раздал гонорар певчим. Двум подопечным денег не хватило, и он отдал свои кровные, оставив себе в заначку пятерку. После службы он должен был поехать к казачьему атаману Петроградской станицы, где ему торжественно собирались вручить мандат потомственного казака. Недалеко от храма какие-то темные личности, решив, что у регента есть деньги, долбанули Петю по голове куском железной трубы. Удар был смертельным. Бандиты обшарили труп. Ничего не нашли. Выбросили документы и пятерку со злости в уличную урну, что стояла рядом.

Отпевали Петра Петровича Чумакова в Александро-Невской лавре. Панихиду служил митрополит Ленинградский и Ладожский Алексей (будущий Патриарх всея Руси). Схоронили Петра Петровича Чумакова на Охтинском кладбище, недалеко от могилы нашего капелльского музыкального бога Палладия Андреевича Богданова.

1 июня 2012 года

Банан

Игорь Петров

Игорь Петров (Банан), окончив Капеллу, первым среди нас, одноклассников, женился. Его женой стала племянница октависта Ивана Константиновича Дорошина. Ирина была в капелльской школе библиотекарем. И хотя по возрасту она была значительно старше Игоря, выглядела молодо. Чтобы обеспечить жену, Банан, учась в Консерватории, играл в джазе на крыше гостиницы «Европейской». Жена бросила библиотечное дело и устроилась в газету «Строительный рабочий». Выполняя задание редакции, фотографировала возведение какого-то объекта. Крановщик, переноса с места на место болванку, снес бедной женщине голову. Она погибла мгновенно. Хоронили ее в закрытом гробу.

После трагедии Игорь Григорьевич Петров бросил джаз, устроился регентом в Александро-Невскую лавру. Там он был

на хорошем счету. Именно Игорь помог похоронить нашего Григню (Григория Ивановича Беззубова) в 1971 году.

Видимо, личная трагедия и голодное блокадное детство сократили дни Игоря.

Последний раз я встретил его на улице Желябова. Мимо меня прошел худой человек, у которого не было фаса, а только профиль. Глаза впалые. Сделав несколько шагов к Невскому, я повернулся и окликнул его:

— Банан!

— Кобыла!

Узнал меня! А многие уже и не признают!

Мы обнялись. Посудачили за жизнь, о капелланах.

— А я вот тяжелую операцию на желудке перенес! — обыденно добавил Игорь. Я про себя подумал: «Рак!», но не подал вида. Расстались. И, как оказалось, навсегда!

А прозвище Банан Игорь Петров получил случайно. Наш Иосиф (учитель географии, Иосиф Антонович Лозинский), проверяя классный журнал, перечислял:

— Петров Л. — Петров Леон (вместо Леонид)! Петров Б. — Петров... Банан, что ли?

Так Игореха Петров стал Бананом!

Хотя этого экзотического фрукта мы, блокадные голодранцы, и не нюхали!

Июнь 2012 года

Скворушка

Юрий Скворцов

Среди малышей в нашем классе был и Юра Скворцов (Скворица). Окончив Капеллу, он поступил в класс моей мамы Е. П. Кудрявцевой, у которой в это время учились Александр Дмитриев, Дмитрий Китаенко, Александр Пустовалов. Мама оснастила Юрия добротной профессией. По распределению он поехал в Псковское музыкальное училище, где вскоре стал директором. Потом директор и дирижер оперного театра

в Сыктывкаре и, наконец, крутой поворот в карьере – художественный руководитель одной из лучших в стране Ульяновской филармонии. В те годы в ней симфоническим оркестром руководил лауреат конкурса Герберта Караяна, наш сокурсник по Консерватории Эдуард Серов.

В 1978 году я с ансамблем «Белые ночи» Ленконцерта (37 артистов) приехал с гастролями на родину Ильича. Концерт давали в Ленинском мемориале. Вечером в мой номер гостиницы «Венец» пришел Сворица. Выпили, закусили, вспомнили Капеллу и Консерваторию. Прощаясь, Юра пригласил на следующий день на концерт «серовского» оркестра с программой русских миниатюр.

– Я скажу вступительное слово, – добавил он.

На сцену зала вышел оркестр. За ним во фраке (ну, подумал я, и пижон, читать слово в таком облачении) под овации слушателей появился Юрий Александрович Скворцов. Доступным языком поведал о композиторах и их сочинениях, а потом взял с пульта дирижерскую палочку и провел весь концерт, в двух отделениях. И звучали не хухры-мухры, а шедевры: «Рассвет на Москва-реке» Мусоргского, «Баба яга» и «Кикимора» Лядова, миниатюры Римского-Корсакова, Бородина, в заключении Увертюра к «Руслану» Глинки. После концерта я прошел за кулисы. Юра деловито подписывал какие-то бумаги. Я обнял одноклассника и сказал:

– Ну, Скворица, ты, даешь! Расскажу маме – не поверит!

Юра в ответ:

– Передай, что я высоко держу марку Мамы Лизы!

В конце беспокойного XX века Ю. А. Скворцов исчез. Попытки связаться с ним были тщетны. Мама звонила в Ульяновск, Псков, Сыктывкар. Сквора как в воду канул. Незадолго до смерти мама, глядя на фото своих учеников, говорила:

– Где ты, мой Скворушка?!

А в книге воспоминаний «Мой музыкальный век», что писала в последние дни жизни, она поставила Юрия Александровича Скворцова в один ряд со своими знаменитыми учениками!

Июнь 2012 года

Цеска

Герхард Цес

Герхард Мартынович Цес (по-капелльски Цеска) окончил с нами капелльское училище и теоретико-композиторский факультет Консерватории как музыковед, стал востребованным в стране звукорежиссером студии «Мелодия».

За 50 лет работы он создал музыкальную панораму XX века – свыше четырех тысяч дисков, пластинок, альбомов, записей выдающихся исполнителей и коллективов.

А еще подарил нам двух сыновей, что украшают ныне своим искусством знаменитые оркестры в Мариинском театре у В. А. Гергиева и в Филармонии у Ю. Х. Темирканова. Старший сын Станислав недавно удостоин звания народного артиста России.

Слава

Владислав Чернушенко

Слава, Славик, только очень близкие – Черныш – так величают друзья народного артиста СССР, лауреата государственных премий, профессора, капеллана Владислава Александровича Чернушенко.

Он сполна оправдывает свое имя:

Владислав – властелин славы,

Александр – защитник людей!

Владислав Александрович Чернушенко отважно провел катмаран русского искусства (Певческую капеллу и Петербургскую консерваторию) через бури, штормы и катаклизмы конца XX века.

Он стойчески разрушал и разрушает торосы недоброжелательства и злопыхательства.

Не перечеть, сколько ран и шрамов оставили на его сердце враги русского искусства!

В. А. Чернушенко. 2006 год

Слава совершил подвиг, подобно подвигу его предшественников: Михаила Климова, что сохранил Капеллу после 1917 года, и Елизаветы Кудрявцевой, спасшей старейший хор страны в годы войны с фашизмом!

В. А. Чернушенко по-прежнему у руля национального достояния России – Петербургской певческой капеллы. Двадцать лет тому назад он возродил при ней симфонический оркестр, который создали еще в XIX веке М. И. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков.

Имя В. А. Чернушенко по праву сегодня, в XXI веке, стоит среди великих капеллан Е. А. Мравинского, К. А. Симеонова, П. А. Богданова, Е. П. Кудрявцевой, А. Г. Мурина, А. С. Дмитриева, Д. Г. Китаенко и многих других прославляющих и украшающих Россию.

Мои слова – лишь малая толика того, чего достоин музыкант с символичным, певучим именем – Слава!

22 марта 2012 года

Прощеное воскресенье

17 марта 2013 года было Прощеное воскресенье. В этот день православные просят друг у друга прощение за все прегрешения. Я прошу у Бога и у капелльских ребят прощения за то, что не всех упомянул, не обо всех рассказал в этой книге. Поскольку на небесах и на грешной земле не счесть капелльских мальчишек, и каждый достоин внимания, а некоторые, достигшие в искусстве вершин, и отдельной монографии.

Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Меня несколько утешает то, что в 2004 году моя мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, в своей книге «Мой музыкальный век» подробно поведала о многих капелланах: от А. С. Дмитриева, Д. Г. Китаенко, Н. И. Кунаева до А. М. Степанова, А. М. Анисимова и А. А. Петренко.

Я отсылаю вас к этому труду.

17 марта 2013 года

Неслучайные встречи

Нафталин

В 1941 году в СССР хотели отметить 50-летие со дня рождения композитора С. С. Прокофьева. Но война отодвинула это событие на долгие четыре года.

Ленинградская капелла, находясь в эвакуации, многократно исполняла под управлением мамы, Елизаветы Петровны Кудрявцевой, патриотическую кантату композитора «Александр Невский». Причем монологи из фильма читал актер Кудрявцев, а сопровождали кантату баянисты, братья Стрыгины. Капелла зычно, ярко голосила: «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой!», «А и было дело на Неве-реке!»

Эти мелодии мы, капелльские ребятишки, знали наизусть и по просьбе певцов повторяли, получая гонорар: сухарь или конфетку. По приезде в Москву Капелла получила предложение принять участие в авторском концерте Прокофьева. В один из дней мама потащила меня и сестренку в гости к композитору. Нам открыл сам хозяин. После маминых представлений:

— А это мои дети! Саша и Катя! — нас отправили на кухню, где супруга композитора готовила угощение к чаепитию. Гостеприимный хозяин достал из платяного шкафа коробку конфет, на которой были Красная площадь и Мавзолей Ленина, за ним купол с красным флагом и надпись «Делегатские». Прокофьев поставил коробку на кухонный стол:

— Угощайтесь! — а сам с мамой удалились в комнату, из которой раздались знакомые мелодии в 4-ручном исполнении. Композитор напомнил мне большую обезьяну из книжки Заяицкого «Клю и Кля» про двух обезьянок, что сбежали в Африку из цирка, которую я выучил наизусть. К стыду, я еще не знал «Мойдодыра» и «Айболита» Чуковского. Пока готовилось застолье, я усиленно уплетал конфеты. Они пахли каким-то незнакомым специфическим запахом. Это потом до меня дошло, что это запах нафталина. Видимо, в шкафу, где хранились конфеты, находилась одежда и, чтобы моль ее не испортила, были разбросаны мешочки с нафталином. Музыка в комнате стихла. В кухню вышли мама и Прокофьев.

— Прошу к столу! Лина! А где конфеты? — спросил он, указывая на пустую коробку.

— Это Саня съел! — сказала Катя, указывая пальчиком на меня. Я в ответ:

— Ябеда-говядина, сосисками подбитая, чтоб не была сердитая!

Смущенная мама нахлобучила на нас шапки-ушанки, напялила пальтишки и, многократно извиняясь, поволокла на улицу. На свежем воздухе мне стало плохо. Я сел на парапет, и меня стало тошнить. Мама вытирала мои слюни и приговаривала:

— Вот к чему приводит жадность!

И пока мы ехали на троллейбусе в Марьину рощу в гостиницу, меня качало, как былинку.

С тех пор, когда раздается музыка Прокофьева, я всегда чувствую во рту привкус нафталиновых конфет из детства. А авторский концерт Прокофьева в 1944 году прошел с успехом. Правда, кантату «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» на стихи Павла Антокольского публика приняла сдержанно: «Два прихлопа, три притопа!».

Расстроенный композитор стонал:

— Зарезали моего мальчика! Зарезали! — и на его лице и лбу проступали красные пятна.

Октябрь 2011 года

Малые дети

Мне не раз доводилось наблюдать, как композиторы реагируют на исполнение своих сочинений.

С. С. Прокофьев, а его я видел один раз на авторском концерте в 1944 году, где он дирижировал кантатой «Александр Невский», стоял на подиуме, как Александрийский столп на Дворцовой, и своими громадными ручищами «загребал» и музыку, и певцов, и всех оркестрантов, и даже слушателей под себя.

Казалось, он не волнуется, но к финалу его лицо, огромный лоб были в красных пятнах, будто он пришел с мороза. На аплодисменты он кланялся, складываясь почти пополам.

У А. И. Хачатуряна (авторский концерт в 1963 году) лицо багровело, глаза наливались кровью, как у быка на корриде.

Он махал своими кулаками-кувалдами, как ударник, что лупит по большому турецкому барабану. Нижняя мясистая губа двигалась то влево, то вправо за движением дирижерской палочки.

Удивительно, но Д. Д. Шостакович, награжденный Богом гениальным ритмом и интуицией, создававший музыку, что могла двигать планеты и взрывать континенты, в дирижерском плане был, мало сказать, беспомощен. Однажды в концерте он встал за дирижерский пульт и пытался провести свое сочинение, что музыканты знали и могли сыграть с закрытыми глазами. Но заканчивать концерт пришлось Кириллу Кондрашину. Дирижерские «гены» Шостаковича вспыхнули в его сыне Максиме.

Когда звучала музыка Д. Д., композитор сидел, спрятав голову в колени, закрыв ее руками, как будто на него свалились сотни «Последних дней Помпеи» Карла Брюллова. Его фигура дрожала, как от озноба. На него было страшно смотреть. А иногда его глаза были безмолвно устремлены на сцену, а пальцы выделяли у трясущихся губ немыслимые пассажи.

Сидящая рядом в концертах Софья Васильевна (мать композитора) сетовала моей маме, хормейстеру Е. П. Кудрявцевой:

– Ну за что, Лизонька, моему Мите такие муки?

Она напоминала деву Марию, на глазах которой распинают Христа!

Ученик Шостаковича Г. В. Свиридов на репетициях до хрипоты спорил с дирижерами, хормейстерами, певцами и готов был пойти на них врукопашную. Нередко это заканчивалось трагически – сердечными приступами.

В результате я уяснил, что творения для авторов – что малые дети для матери. За них можно и умереть!

2012 год

Напутствие

Евгений Александрович Мравинский с нашей мамой, Елизаветой Петровной Кудрявцевой, хормейстером Капеллы, дружили более пятидесяти лет.

В 1921 году восемнадцатилетним юношей Евгений окончил Музыкальный техникум (бывшие до 1917 года Регентские классы при Придворной певческой капелле) у профессора М. Г. Климова, а 10 лет спустя это же заведение окончила мама, и в 1931 году в шестнадцать лет стала помощником М. Г. Климова по Ленинградской капелле. С тех пор все ораториально-кантатные сочинения, все мессы, реквиемы, произведения Прокофьева, Шостаковича, Шапорина, Свиридова с хором Капеллы мама готовила для концертов Мравинского. Но в душе у Евгения Александровича с молодости затаилась мечта стать ученым-биологом. Он обожал природу, животных, дружил с писателями-натуралистами М. М. Пришвиным и В. И. Чарушиным, держал дома свору кем-то брошенных дворовых котов и кошек. Главный из них, кот по кличке Тишка (официально Тихон), имел исключительное право располагаться на письменном столе на партитурах Шостаковича, Прокофьева и с ленцой покидал теплое местечко, когда хозяин изучал произведения к репетициям и концертам. Часто Евгений Александрович приходил в нашу коммуналку в здании Капеллы на Мойке, 20. Они с мамой садились за рояль и часами играли в четыре руки симфонии классиков и музыке современных композиторов. Причем гость сидел на басах, а мама выделявала виртуозные пассажи в верхних регистрах. Мы с сестренкой Катей тихонечко вкушали это священное действие. В 1947 году Мравинский (дядя Женя) подарил нам книгу о животных, на которой написал напутствие:

«Маленьким музыкантам Сашке и Катке с пожеланием счастья и удачи. Е. Мравинский 14.11.1947»

Машинками и курочками —
Сашке — и Карле
с поросенком Стасом
и Угаш.
14-11-67, В. Губинский

Его пророчество сбылось. Мы стали музыкантами. Катя — известная в мире пианистка, народная артистка России, профессор Петербургской консерватории, где преподает более пятидесяти лет. Я долгие годы служил хормейстером в коллективах, имел великое счастье общаться с Шостаковичем, Хачатуряном, Свиридовым, Гаврилиным, Салмановым, Тищенко... Да простят мое бахвальство классики XX века.

24 сентября 2014 года

Это ж опера!

О сочинении Д. А. Толстого «Сорок первый»

Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. Еще хуже тот композитор, что не стремится написать оперу. Ну хотя бы такую простенькую, как «Пиковая дама»!

Как-то друг Сергея Прокофьева спрашивал в письме: «Над чем работаешь, дружище?» А тот отвечал: «Не подумай, что я сошел с ума. Над „Пиковой дамой“, „Евгением Онегиным“, „Борисом Годуновым“ для первых постановок в театрах Мейерхольда, Радлова и Таирова!!!»

В 50-х годах XX века на экраны СССР, а потом и мира, вышел фильм «Сорок первый» по рассказу Бориса Лавренёва с Олегом Стриженовым и Изольдой Извицкой в главных ролях. И немедленно последовал музыкальный ответ. Стало известно, что

ленинградский композитор Дмитрий Алексеевич Толстой (старший сынок советского литературного классика, автора «Петра I») на этот же сюжет сочиняет оперу. Я часто видел композитора в Консерватории и на концертах в Филармонии, где он вращался в шлейфе поклонников и знакомых Д. Д. Шостаковича.

От знаменитого батюшки Дмитрий Алексеевич унаследовал довольно рыхлую фигуру и копну волос до плеч (а-ля Эдвард Григ). Несмотря на молодой возраст, ходил шаркающей старческой походкой. Мы знали его красавицу жену, арфистку симфонического оркестра, что вдохновенно щипала свой громоздкий инструмент. Правда, к этому времени, как сплетничали музыканты, они развелись.

Дмитрий Алексеевич при встречах галантно раскланивался с моей мамой, дирижером Капеллы Елизаветой Петровной Кудрявцевой, и моей младшей сестрой Катей Муриной. Лобызая ручки дам, обещал создать им персональные кантаты и сонаты. Но все это было future!

Новую оперу «Сорок первый» решили поставить в Кировском театре (ныне Мариинский). Нарисовали декорации, нашили костюмы, разучили арии, ансамбли, хоры. Белогвардейца, что сексуально очаровал героиню, пел Гаврилкин, а красноармейца Марюту – моя знакомая Карина Слоцова. Хором управлял мой крестный дядька, главный хормейстер театра А. Г. Мурин.

К сожалению, титанические усилия исполнителей вылетели в трубу. Точнее, в генеральную репетицию с публикой и один показ. А потом опера сошла с текущего репертуара!

Но зато какой был банкет в Белом зале гостиницы «Астория»! Столы ломались от изысканных блюд. Вино текло рекой, а с ним за компанию и водка, и коньяк. А есть и пить надобно было стоя. На угощенье, поговаривали, Д. А. Толстой угробил не только свой скудный гонорар от оперы, но и авторские великого папаши на сто лет вперед! Приглашены были все. И оркестр, хор, солисты, собратья ленинградские композиторы, писатели и поэты...

Я попал в компанию «трезвенников» В. П. Соловьева-Седого, И. И. Дзержинского, В. Е. Баснера.

В. П. Соловьев-Седой скомандовал:

– Ну-ка, Шура, Веня, свистните от стены ту табуретку!

Мы оторвали банкетку в стиле мадам Помпадур и приставили к столу. Василий Павлович похвалил нас:

– Молодцы! А то «Бетховен» и «Атлантический пакт» в меня не лезут! (Под этим он имел в виду «Столичную» водку и баночную «Рижскую» селедку.) Когда подошла очередь провозглашать тост (естественно, хвалебный) в честь автора «Сорок первого», Соловьев-Седой, сидя на банкетке и крепко прижавшись к Ивану Дзержинскому, изрек:

– Сашок! Ты мастак! Это ж опера! Ну сообрази от нашего стола к ихнему! Это жопера! – уточнил он.

Д. А. Толстой долго стучал ножом по пустой бутылке и требовал тишины. Но расшалившиеся гости все равно шумели, как в бане на Гороховой. Я поднял бокал и на нижнереберном дыхании пропел басом:

– Будь у Марюты крепче нервы,
Толстой Д. был бы сорок первым!!!

Вдруг установилась мертвая тишина. Все повернулись к нам. Со стола «именинника» раздался тоненький голос:

– Сударь! К барьеру!

Принесли на подносе две бутылки «Советского» шампанского. Одна купалась во льду в серебряном ведерке, другая стояла рядом. Я случайно взял теплую. И пока Дмитрий Алексеевич возился с холодной бутылкой, из моей пробка вылетела, как ядро из пушки. Пенистая струя окатила Толстого, Соловьева-Седого, Дзержинского с головы до ног. Веня Баснер возопил:

– А меня-то за что???

Спустя сорок лет после описанных событий, узрев меня на заседании «Всемирного клуба петербуржцев», Д. А. Толстой потребовал «сатисфакции». И я прочел про премьеру оперы «Сорок первый». Присутствующие А. М. Володин, Бен Николаевич Беницианов и А. А. Белинский потребовали другие эпиграммы.

– Ну ты, Мурин! Желчный, как Гафт! Не знал! – пошутил Бен Николаевич, знавший меня по Ленконцерту, и троица углубилась в свои бокалы.

2012 год

Встреча с Н. А. Малько

В 1960 году в СССР в Ленинград приехал легендарный дирижер Николай Андреевич Малько. В нашей консерватории он встретился с профессорами П. А. Серебряковым, Н. С. Рабиновичем, Е. П. Кудрявцевой, М. С. Ветровым. Проникли на встречу студенты дирижерского факультета Месру Мехмедов, Неэме Ярви, Николай Осмаков, Виктор Федотов и автор этих строк. Старый музыкант поднялся на лифте на третий этаж, прошел в 27-й класс, сбросил модное пальто и шляпу на учебный стол, погрузился в огромный старинный кожаный диван, и, как в волшебном кино, потекли воспоминания о великих композиторах, музыкантах, певцах, о Мариинском театре, о филармонических концертах. Увидав портрет профессора М. Г. Климова в золотой раме, гость сказал:

— Помню М. Г. Климова! Он ведь был первым директором Филармонии и замечательным, неповторимым руководителем Капеллы. А как он дирижировал на премьере «Свадебку» Стравинского! Чтобы слушатели поняли эту новаторскую музыку, Климов повторил сочинение на бис от начала до последней ноты!

Н. С. Рабинович представил Малько Е. П. Кудрявцеву:

— Это продолжатель дела Климова и его любимая ученица, наш профессор!

По просьбе мамы Николай Андреевич написал несколько слов: «Дирижерам хора! У вас в руках лучший из существующих музыкальных инструментов — человеческий голос. Пользуйтесь им, пусть ваш хор действительно поет. Впрочем, это относится не только к дирижерам хора, но и к дирижерам оркестра. Однажды Рихард Штраус дирижировал в Бухаресте. Я спросил, как он работал на репетиции, и получил в ответ лишь одно слово. Он повторял вновь и вновь: „Зинген! Петь!“

Осмелев, я спросил Малько о самом запомнившемся эпизоде в его долгой жизни.

— Ну, конечно, первое исполнение Первой симфонии Шостаковича в 1926 году! Я открыл Гения! — получил в ответ. В конце встречи Николай Андреевич дал интервью для консерваторской газеты «Музыкальные кадры», а я сделал несколько снимков.

Встреча с Н. А. Малько.

Н. С. Рабинович, В. А. Федотов, М. С. Ветров, Н. А. Малько

На одном Виктор Федотов зачарованно смотрит на дорогого гостя. Еще бы! Дирижер-эпоха, дирижер-легенда! В начале века он — маэстро в Мариинском театре, премьера симфонии Шостаковича в 1926 году, в Австралии создал первый симфонический оркестр, долгие годы руководил им. На наших глазах маленький сухонький старик рассказывал о своей жизни, о встречах с Римским-Корсаковым, Глазуновым, Лядовым, Гречаниновым, Шаляпиным, Черепниным, Соколовым.

К сожалению, из участников этой встречи на сегодняшний день остались в живых двое — эстонский дирижер Неэме Ярви и автор этих строк.

12 декабря 2011 года

Призыв судьбы

Роберто Бенци

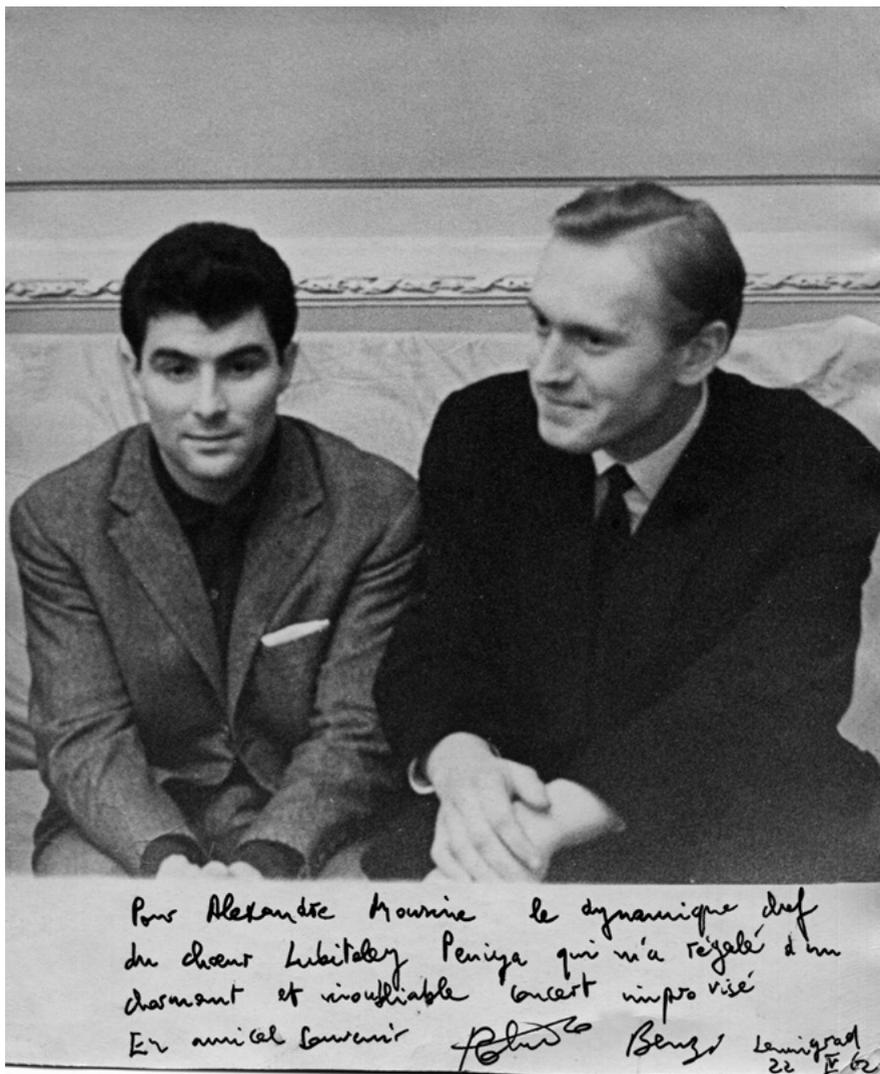
В пятидесятые годы прошлого века мы, капелльские мальчишки, много раз смотрели французские фильмы «Прелюдия славы» и «Призыв судьбы». В них звучала гениальная музыка Листа, симфоническая поэма «Прелюды». Но главное, что увлекло нас, — судьба главного героя, нашего сверстника, который через все преграды шел к своей мечте стать дирижером симфонического оркестра. И этому не могли помешать ни козни врагов, ни отец-алкоголик. Мы наивно верили, что в нашей стране победившего социализма такого не могло случиться, и хорошо запомнили имя маленького артиста — Роберто Бенци, что сыграл главного героя.

Промелькнуло десять лет.

Я окончил Капеллу, Консерваторию, стал хормейстером в ленинградских коллективах. Весной 1962 года руководство нашей Филармонии предложило маме, возглавлявшей Хор любителей пения при Капелле, подготовить для концерта с иностранным дирижером музыку Мендельсона к пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь». Оказалось, что в этом произведении, помимо популярного свадебного марша, музыки на целое концертное отделение. Маме в хоре тогда помогали два хормейстера: я и старшекурсник ее класса Дима Китаенко. Библиотекарь филармонии Шальман выдал мне клавир Мендельсона и старинные хоровые партии. Ноты были в ключах *до*, а тексты с ятями и твердыми знаками. По ним, видимо, пели и играли музыку во времена Листа и Рубинштейна! Я все переписал на современное прочтение, и хор быстро выучил музыку Мендельсона.

Наконец, в город приехал французский дирижер. Им оказался тот самый мальчик из знаменитого фильма, только повзрослевший юноша. На первой хоровой репетиции он очаровал всех элегантностью и голливудской улыбкой. К сожалению, мама лежала в больнице с гипертоническим кризом, и сдачу гостю пришлось проводить мне и Диме.

Роберто внимательно прослушал хор и, обратившись к нам, высказал недовольство текстом. Много согласных и шипящих.

Роберто Бенци и Алесандр Мурина после исполнения в Большом зале Филармонии музыки Ф. Мендельсона к пьесе У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». 1962 год

Еще бы, архаика XIX века. Потребовал переделать, или он не будет дирижировать! Художественный руководитель Филармонии взмолился:

— Шура, выручай! Сделай что-либо!

Расстались до репетиции в Большом зале Филармонии. Я за вечер написал новый текст, и на распевке хористы его мигом освоили. Роберто Бенци, дирижируя Мендельсоном, то и дело бросал в мой адрес хвалебные эпитеты, а вечером на концерте его ждал оглушительный успех. Только слушать музыку мне мешал хвостик, который шипел в ухо:

— Шура! Не ляпни гостю, что мы подсунили ему второй состав вместо оркестра Мравинского! Будет скандал!

На память об этом концерте у меня остались фото с автографом Роберто Бенци. На нем мы сидим в дирижерской каптерке в Голубой гостиной Филармонии. Из разговора с Роберто я с удивлением узнал, что он из богатой семьи, что его отец — хозяин фабрики аккордеонов. В пять лет Бенци бойко играл на рояле, а в десять лет брал уроки у самого Андре Клютанса и в одиннадцать дирижировал его оркестром!

А Дима Китаенко после этой встречи окончательно решил стать симфоническим дирижером.

27 января 2013 года

История с Глинкой

В 60-е годы XX века в нашем городе Ленина серьезно взялись за реставрацию шедевра петровской эпохи, Меншиковского дворца на набережной Невы.

Наш Хор любителей пения Ленинграда во главе с мамой, профессором Елизаветой Петровной Кудрявцевой, пригласили спеть концерт на ступенях отреставрированной лестницы. Я сказал вступительное слово и вел концерт. Мама вдохновенно дирижировала. В конце выступления я дерзнул перевести ученым мужам на современный язык:

Радуйся, Росско земле, ликуй, веселися!
Петра камень твердейший, паче алмаанта!

От зрителей благодарить певцов вышел на ступени невысокий симпатичный мужчина. Он долго говорил комплименты хору и профессору, а потом спросил маму:

– Простите, как Ваше имя-отчество?

– Елизавета Петровна!

Мужчина оторопел:

– Как? Как?

– Елизавета Петровна! А Вас? – задала встречный вопрос мама.

– Глинка! Я Глинка!

Тут оторопела мама, поняв, что незнакомец шутит. Они несколько раз повторили:

– Глинка!

– Елизавета Петровна!

Слушатели со смехом следили за этим дуэтом, а потом Елизавета Петровна подхватила под руку Глинку и крайнего певца, и под аплодисменты слушателей все пошли в хоромы светлейшего князя, где лежали навалом пальто и сумки певцов.

Прощаясь, Глинка вручил маме визитную карточку со своими координатами, где значилось: «В. М. Глинка. Сотрудник Эрмитажа». Обращаясь ко мне, он показал фото какой-то картины, где был изображен средневековый музыкант с лютней и свитком нот.

– Что это за сочинение? По нему мы можем узнать, кто изображен на картине?

Я посоветовал обратиться к руководителю ансамбля «Мадригал» Волконскому. Позднее В. М. Глинка позвонил мне и сообщил, что картина атрибутирована и он сердечно меня благодарит.

5 марта 2012 года

Идет верблюд...

Белочка и Генка Ординарец

В Ленинграде праздновали круглую дату детской газеты «Ленинские искры». При ней был журнал «Искорка», который редактировал и издавал мой приятель, поэт и журналист Вольт Николаевич Суслов. В начале общения меня смущала его «громко-партийная» фамилия, и однажды при встрече Вольтик показал мне альбом, где были все его крестьянские предки, что никакого отношения к М. А. Суслову из ЦК КПСС не имели.

Вольтик готовил к юбилею «Ленинских искр» журналистский капустник, что должен был состояться в доме на набережной Фонтанки под громким названием «Лениздат».

В один из дней Суслов познакомил меня со своим коллегой, вихрастым, дымящим, как паровоз, беломориной парнем:

– Познакомься, Шура-Мура, это Генка Ординарец!

Я решил, Генка – имя, Ординарец – экзотическая фамилия.

Новый знакомый обратился ко мне:

– Знаешь, дружище, в капустнике должна быть песня об одной нашей девахе – корреспонденте «Ленинских искр». Дело в том, что она обнаружила любопытный факт. В блокадный Ленинград школьники из Узбекистана прислали для своих сверстников целый вагон мандаринов! Она много раз ездила в среднеазиатскую республику и «сожрала» наш бюджет на командировки. Я написал куплеты, а ты «сваргань» музыку!

– Задание понял, только не «сварганить», а «сбряцать» или, попроще сказать, «слабать», – уточнил я.

Генка вручил мне листок, на котором были нацарапаны «стишата».

На следующий день я разучивал новый «опус».

Квартет под названием «Непьющие гитары» в составе Вольта Сулова, Алексея Цветова, Генки Ординарца и меня за фортепиано горланил на всю Фонтанку немислимыми голосами в духе «Я работаю в хору, все орут и я ору!» Кто-то из них бряцал на гитаре:

Идет верблюд, везет верблюд
Корреспондентки узкий стан,

А степь голодная вокруг, Узбекистан, Узбекистан!
Командировочный бюджет
Ей целиком газетой дан,
Чтоб укрепить на много лет
Связь Ленинград–Узбекистан!
Из пиалы сосет кумыс,
На шее новый талисман.
Ах! Вы не зря сюда рвались,
В Узбекистан–Узбекистан!
Зубрит с «чучмеками» Коран,
На шее тот же талисман,
Она налаживает связь,
Связь Ленинград–Узбекистан!

Я дубасил по роялю, а ребята перешли на «скандеж»:

Пошла на связь! Пошла на связь!

Хохот. Смех. Дружные аплодисменты. «Непьющие гитары» дружно кланялись и взмахами рук, как на памятнике вождю у Финляндского, указывали на героиню куплетов, невысокую девушку в модной одежде, туфельках-лодочках на высоких каблуках и очках на элегантном носике.

– Белочка! Белочка! Белочка! – звали ее с любовью во время банкета.

Это была корреспондент «Ленинских искр» Бэлла Алексеевна Куркова, в будущем известный журналист, политик, создатель Пятого телевизионного канала.

А загадочный Генка Ординарец оказался Виктором Михайловичем Бузиновым, который под этим псевдонимом писал бесчисленные ответы ленинградским школьникам в газете.

В конце 80-х годов прошлого века сотрудникам Ленинградского радио и телевидения выделили долгожданные участки под сады на Карельском перешейке в Симагино, недалеко от Ильичева, где в 1917 году в сарае рабочего Емельянова скрывался Ильич.

Деятели пера и микрофона, кто как мог, начали возводить из местных корабельных сосен, елей, берез и осин свои фазенды. Я приехал в поселок помочь забить фронтоны на срубе моему

А. А. Мурин и Б. А. Куркова на похоронах В. М. Бузинова

другу с консерваторских времен Анатолию Петровичу Коннову, музыкальному редактору радио.

Когда работа подходила к концу, на участке появился сосед. Черная с сединками бородка, усы скрывали его лицо, на голове лыжная шапка. Он обратился к хозяину:

– Петрович! Уступи мне на денек твоего работягу! Мне также надо закрыть фронтон!

Толя в ответ:

– Учти, Виктор Михайлович! Этот «работяга» тебе встанет в копейку. Он по своей главной профессии музыкант-хормейстер!

Я сполз по ветхой лестнице из жердей вниз.

– Знакомься! Виктор Бузинов, – представил нас друг.

А я в ответ запел под Высоцкого:

– Идет верблюд, несет верблюд!..

– Вот память-то какая! Узнаю! Шурин-Мурин!!!

А потом до поздней ночи мы втроем сидели на пенках у костра, опустошали стаканы, закусывали, чем Бог послал, и тревил истории. В основном болтал Шурин-Мурин.

Через несколько дней в Ленинграде у Бузинова я записывал первую передачу в его серии «Андреевский флаг». Это была история о русском герое, создателе одноместной подводной лодки, Сергее Александровиче Яновиче, что была рассказана у костра в Симагино... С тех пор я стал постоянным спутником Виктора Михайловича в его многочисленных «Прогулках по Петербургу».

К шестидесятилетию Виктора Михайловича, что отмечали в Доме радио на Манежной в 1994 году, я послал телеграмму. Она вызвала на банкете всеобщее оживление. На почте ее напечатали случайно на красном правительственном бланке.

Правительственная телеграмма радиоадмиралу Бузинову!

Славный Виктор Бузинов,
Ну, во-первых, будь здоров,
И на радость милых дам
Сделай тысячу программ
Без усилий и напряг
Про российский гордый стяг!
В Петербурге каждый рад
Гаркнуть Виктору «Виват!»
Будь же весел, не нахмурен!

Обнимаю, контрик Мурин

1994 год

В мартовский солнечный день 2006 года мы стояли с Бэллой Алексеевной Курковой у свежей могилы на Левашовском кладбище и не скрывали слез по ушедшему другу.

С Виктором Бузиновым оборвался живой голос Петербурга на нашем радио.

26 ноября 2011 года

МИНОГИ

В 50-х годах прошлого века я трудился в качестве хормейстера в ансамбле «Трудовые резервы» на улице Софьи Перовской, 3 (ныне Малая Конюшенная, д. 3, Дворец молодежи). Каждое лето на два месяца наши коллективы: хор, танцоры, оркестр баянистов – выезжали на Карельский перешеек, где готовились к правительственным концертам в Москве.

В тот год я оказался с хористами в поселке Молодежное, на Черной речке, за Зеленогорском. Правда, нашу базу на берегу Финского залива передали под санаторий «Черная речка», а нас выбросили за шоссе, в двухэтажные домишки. Я жил в комнате с баянистом, который помогал мне на репетициях, так как пианино осталось в клубе санатория. Баянист Артур Петров «музицировал» на утренней зарядке. Вставал после сна первым и бежал с инструментом на пригорок, с которого раздавались на весь лагерь бодрые мелодии и марши советских композиторов. Мы питались в столовой с ребятами, ходили с ними в походы, иногда даже с ночевкой в лесу или на берегу финских озер.

С нами рядом в дощатом домике с отдельным входом приютилась пожилая пара: худощавый старик и его дородная супруга со следами былой красоты. Они были какими-то знакомыми нашего большого начальства и отдыхали, как говорят, по благу. Старика звали Григорий Сергеевич, а его спутницу – Мария Владимировна.

Вася Бетаки, что вел в лагере детский кукольный театр, сообщил мне инкогнито, что фамилия соседа – Серый-Гингер и он «искусствовед в штатском», специалист по живописи 20-х годов.

По утрам купаться мы ходили далеко, на Черную речку, так как на Финский залив через санаторий нашу ораву не пускали. Возвращаясь с водной процедуры, я увидел любопытную картину. Старик чистил миног, что кишели в эмалированном ведре. Делал он это, видимо, впервые. Пытался перерезать ножом головы змеюкам. Они извивались и выскальзывали из рук на песок, усталый хвойными иголками. Супруга на все это взирала, как гоголевский городничий, с полным изумлением, держа в руках банку с мукой.

– Вот, ваши детки нам сделали этот экзотический подарок! Как с ними обходиться – не знаю! – промолвил писклявым тенором старик.

Я показал, как чистить миног. Этому я научился в Усть-Нарве у рыбака Артура, у которого мои родители снимали комнату для летнего отдыха.

Высыпал пачку соли в ведро, размешал. Когда рыбины «уснули», брал каждую за голову левой рукой, а правой через махровое полотенце выдавливал внутренности от головы до хвоста на землю и бросал на горячую сковороду, что стояла на керосинке. Рыбины шипели, извивались и быстро обжаривались.

Старик продолжил рассказ о том, как ребята ловили миног:

– Они залезали в воду по шею, как раз на протоке Черной речки, и, когда миноги присасывались к ногам, как пиявки, отрывали их и засовывали в наволочки от лагерных подушек!

Я в душе удивился такому способу. В Усть-Нарве видел рыболовные снасти – мережки, что-то вроде плетеных корзин для бутылей болгарского вина. В их горловину заползали рыбины, а обратно выбраться не могли. Эти снасти на канатах крепились поперек реки Наровы, и рыбаки периодически их проверяли, вытряхивая в лодку улов...

К концу рассказа жареха была готова. Старик и старуха попробовали мою «кулинарию». Она им понравилась. Угостили меня, баяниста, кукольника. Баянист сказал:

– А под такой закусон неплохо бы по стаканчику «Московской»!

Но, вспомнив, что мы воспитатели «человеческих душ», умолк.

Вечером после ужина в лагере разразился грандиозный скандал. К начальнику ворвались разъяренные рыбаки из артели, что на Черной речке ловили миног. Оказалось, наши ребятки опустошили артельные сети-мережки, и весь улов перекочевал в лагерные наволочки. К слову, одна из наволочек и оказалась в ведре Серого-Гингера.

Рыбаки требовали за рыбу большой выкуп, а не то поднимут кипеж-волну аж до Смольного, до ленинградского начальства. А пока «экспроприировали» две лагерные лодки, что были пришвартованы на речке.

Начальник лагеря построил весь состав отдыхающих, ремесленников, воспитателей и держал гневную речь:

– Что, бандиты, постарались? Кто это сделал?

Ребята молчали. Разъяренный начальник бил себя в грудь, вспоминал мать, бабушку и других родственников:

– Что, сволочи, не могли избавиться от вещдоков? Выбросить наволочки с рыбой в воду? Миноги умнее вас, «дагинератов»! Сами бы уплыли, куда надо. А вы, чудаки, с воплями прибежали бы в лагерь: «Рыбаки лодки с веслами отняли!!!» и т. д. – давал он «полезные советы».

А у меня и друзей поджаренные миноги стали в желудке и горле оконным стеклом.

С тех пор прошло более полувека. Позднее я узнал, что Григорий Сергеевич Серый-Гингер, безобидный старичок, «искусствовед в штатском», тот самый, что в 30-х годах написал гнусную клеветническую статью в «Ленинградской правде» о выставке Павла Филонова, с которой и началась травля и глумление над великим русским художником XX века.

Р. С. Этого критика я часто встречал на вернисажах в Манеже, Союзе художников в годы горбачевской перестройки. Он ходил одиноко по залам и что-то записывал в блокнот. Он весь высох, глаза слезились. Я ему учтиво кланялся. Знакомые художники говорили:

– Ты знаешь эту сволочь? С кем ты поздоровался? Он же угробил Филонова!

А я в ответ – заповедь отца:

– Со стариками, женщинами и проститутками надо здороваться первым!

– Ну, со стариками и женским полом понятно. А с проститутками?

И отец всегда пояснял:

– Чтобы все вокруг видели, что ты их знаешь, а не они тебя!

И в моей памяти шевелился клубок жареных змеюк.

12 декабря 2011 года

Заграничное чудо

Из очередной заграничной поездки с заслуженным коллективом республики оркестром Ленинградской филармонии Евгений Александрович Мравинский на скудные гонорары вместо тряпок и барахла привез новейшей конструкции лодочный мотор. Дирижер попросил моего отца, инженера-электронщика Алексея Григорьевича Мурина, помочь разобраться с диковинным импортным существом. Они поехали на 101-й километр на Карельский перешеек, где у Мравинского на берегу Суходольского озера в театральном поселке Яблоневка был уютный финский дом, что по благу устроил ему друг юности, актер Николай Черкасов. После них поселок «оккупировали» и другие артисты из Пушкинского театра и БДТ: А. Ф. Борисов, Н. К. Симонов, Е. З. Капелян...

На берегу озера зеваки долго разглядывали «обнову» Мравинского, затем друзья-артисты установили мотор. Хозяин сел на корму, и судно, гордо задрав нос, сделало немислимый вираж по глади озера. Вдруг на глубине (метров шестнадцать), где ловились порционные (грамм по четыреста) окуни с синими спинками, мотор соскользнул с кормы в воду и, булькнув на прощанье, ушел на дно... Расстроенный Мравинский на веслах подрулил к берегу. Батя, узнав, что у «рыбаков» есть якорь-кошка, вместе с артистами Янетом и Островским выгребли на место происшествия. Несколько раз забрасывали якорь и вытаскивали космы зеленой тины. И вот, о чудо! Поймали злополучный мотор. На берегу инженер Мурин намертво закрепил его к корме, крутил какие-то винтики, дул, как на молоко, в многочисленные трубочки и под восторженные крики артистов-рыбаков мотор вначале чихнул, затем ритмично застучал, как оркестровый ударник в «Болеро» Равеля...

А на берегу братия артистов долго еще обмывала заграничное «чудо-юдо».

В «Дневниках» Е. А. Мравинского, что недавно были опубликованы, есть фото финала этого пикника. Е. А. Мравинский, А. Г. Мурин, артисты-рыбаки сидят у лодки со злополучным мотором. Естественно, под хмельком.

27 сентября 2014 года

Петербургская ошибка

О первой встрече с Д. С. Лихачевым в Ялте, в домике Чехова, я поведал в эссе «Случайная встреча»¹. И вот спустя двадцать лет после встречи с ученым в журнале «Знание – сила» за июнь 1982 года мне попала статья академика «Экология культуры» о том, как современники разрушают памятники архитектуры и уродуют красоту, что возвели предки. В этой статье я обнаружил любопытную оговорку, свойственную только старым, коренным петербуржцам. Вот ее суть. Цитирую Д. С. Лихачева:

«Один из архитекторов Ленинграда считал самой характерной для города чертой шпили. Шпили в Ленинграде действительно есть, главных три: Петропавловский, Адмиралтейский и на Инженерном (Михайловском) замке. Но когда на Московском проспекте появился новый, довольно высокий, но случайный шпиль на обыкновенном жилом доме, семантическая значимость шпилей, отмечавших в городе главные сооружения, уменьшилась. Была разрушена и замечательная идея „Пулковского меридиана“: от Пулковской обсерватории прямо по меридиану шла математически прямая многоверстная магистраль, упиравшаяся в „Адмиралтейскую иглу“. Адмиралтейский шпиль был виден от Пулкова, он мерцал золотом вдали и притягивал к себе взор путника, въезжавшего в Ленинград со стороны Москвы. Теперь этот неповторимый вид перебит стоящим посередине Московского проспекта новым жилым домом со шпилем над ним»².

Бывший Царскосельский тракт, Забалканский проспект, Московский проспект, проспект И. В. Сталина и снова Московский – это все имена одной дороги, что ведет в Царское Село (ныне Пушкин) и в Москву. От Пулковских высот через Неву упирается в шпиль Петропавловского собора. Он и блестит в ясный солнечный день. А в шпиль Адмиралтейства, как известно, упираются только три перспективы: Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект. Это знают коренные горожане, но увы, оптический обман в памяти, и мы опять

---

¹ Мурин А. А. Как очевидец. 2011. С. 240.

² Лихачев Д. С. Экология культуры. Знание – сила. 1982. № 6.

утверждаем, что Пулковский меридиан (Московский проспект) опирается в шпиль Адмиралтейства!

Об этом я написал Д. С. Лихачеву, отнес письмо в Пушкинский Дом и оставил секретарю. Через несколько дней раздался телефонный звонок, и тихий голос, извинившись за беспокойство, представился и поблагодарил за замеченную оговорку. Попрощались. Можно представить изумление, которое охватило мою душу! Я долго сидел с черной трубкой, из которой раздавались нудные короткие гудки. Вскоре Дмитрий Сергеевич сполна отплатил за мое нахальство.

Директор Эрмитажа предложил моей маме, руководителю Хора любителей пения Ленинграда Елизавете Петровне Кудрявцевой, устроить в Казанском соборе концерт русской духовной музыки.

В храм, в котором размещался Музей религии и атеизма, в назначенный вечер мы и слушатели пробрались через подвальный этаж, где были хаотично свалены части каких-то скульптурных божеств и фигур мучеников. Ровно в восемь часов вечера милиционеры закрыли этот лаз на большой замок. В храме слушатели – сотрудники Эрмитажа, Русского музея, Исаакиевского и Казанского соборов. На ступенях, что были когда-то подиумом иконостаса собора, разместились певцы. Для пожилых были принесены несколько стульев из администрации, а остальные слушатели стояли среди экспонатов-монстров, что должны были убедить советских людей, мол, «Бога нет!».

Перед началом концерта я сказал вступительное слово. Оно было кратким:

– Существует притча. Если сто лет не играть на скрипке работы Страдивари, она превращается в обычное полено! Так и в русской архитектуре. Если в святых стенах не будут звучать русские церковные песнопения, мы можем лишиться шедевра Воронихина!!!

А следом я поведал о духовных произведениях, что прозвучат в концерте. Представляя музыку Гречанинова, я сказал, что «с раннего детства в семье композитора звучала духовная музыка...».

Грянул хор. Мама была в ударе. Слушатели восторженно приняли Чайковского, Рахманинова, Чеснокова, Гречанинова.

После концерта к нам подошел старичок с палочкой, что сидел сбоку на стульчике. В нем я узнал Д. С. Лихачева. Он благодарил маму за концерт спокойным тихим голосом. А потом повернулся ко мне:

– Молодой человек! Это Вы сами придумали сентенцию о скрипке и полене? Любопытно. Оригинально! Но вот в устной речи не употребляйте, пожалуйста, словосочетание «с раннего детства»! Это звучит очень неэстетично! Следующая стадия – «с ранья»!!!

Я растерялся и по глупости напомнил академику о нашей первой встрече в Ялте и о письме по поводу Адмиралтейского шпиля. Мягкая улыбка на лице интеллигента Дмитрия Сергеевича была наградой за мою бестактность.

5 марта 2012 года

Лопыри

А. П. Лопырев

– Пойдем к Лопырям! – сказал папа.

– И ребят возьмем, – добавила мама.

Я решил, что лопыри – это экзотический народ из книги с золотым переплетом «Человек», что случайно уцелела в блокаду из обширной дедовой библиотеки. Этот народ питается сырой рыбой и мясом животных, ходят полуголые, в носу и ушах вдеты тяжелые железные кольца, а во рту торчат кривые желтые зубы.

Вечером разодетые с подарками мы пошли в Лештуков переулок.

– В этом доме жил твой прадед Василий Михайлович Мурин, – сказал отец, указывая на старенький обветшалый двухэтажный домишко посреди переулка. Напротив стоял новый трехэтажный особняк с балконом на втором этаже. Это и было обиталище неизвестных мне «лопырей».

Мы поднялись на второй этаж. Нам открыл дверь высокий, подтянутый, с седой шевелюрой хозяин – Андрей Павлович Лопырев, папин сослуживец по конструкторскому бюро.

– Тамара! Мурины пришли! – позвал он супругу. Тамара Павловна была стройная поджарая женщина, чем-то напоминающая мою маму, как будто они были сестры. Из-за нее выглядывала симпатичная девчонка.

– Инна! Приглашай Шурика и Катю! – предложила Тамара Павловна.

Инна Лопырева оказалась моей ровесницей. Она повела нас в свою комнату и показала детскую книжку «Три поросенка» с рисунками Уолта Диснея. Оказалось, что книга не напечатана, а вся перерисована отцом. Для нас это было внове.

Мы уселись за отдельный детский стол, а старшие расположились в гостиной за круглым на медных колесиках столом. Через открытую дверь к нам доносились застольные речи и тосты хозяина. Речь его была музыкальная, слова он говорил по-московски нараспев:

– Леш, а Леш! Давай чайку попьем!

– Грибы под водочку – закуска страаашной силы!!!

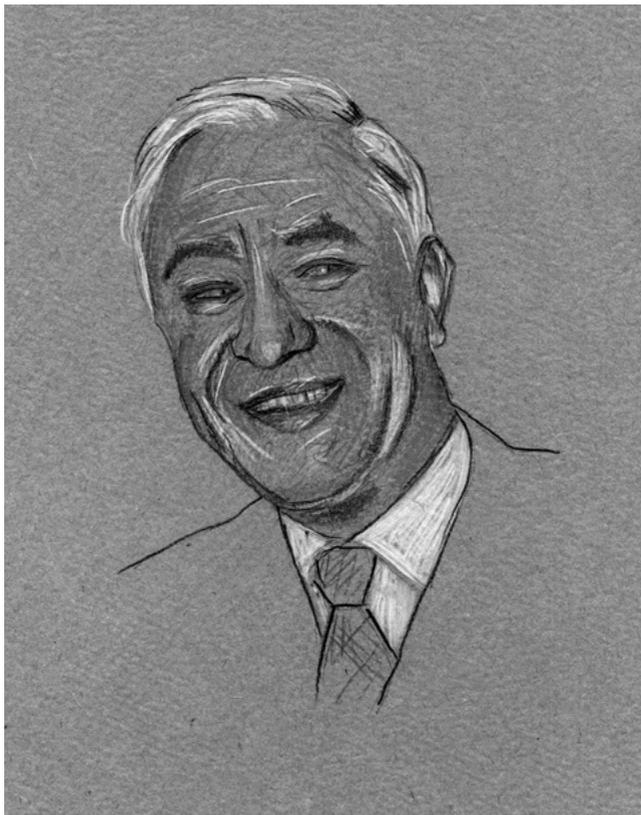
И т. д.

С отцом Лопырев познакомился в годы войны в Москве. Отец служил в знаменитой шарашке у зоосада, а Андрей Павлович был директором авиационного завода. После блокады они встретились на «почтовом ящике 433» на Обводном канале. Лопырев был главным инженером. Ныне это знаменитый «Ленинец» на Московской площади.

Поздно вечером гости расходились. Андрей Павлович вручил мне напоследок подарок – книгу. На титуле я прочел «Вершигора. Люди с чистой совестью».

С тех пор каждая встреча с папиным другом заканчивалась новыми приобретениями в моей библиотеке, и на каждом томе дарственная «Старому книжному червю от А. Лопырева». При этом многие книги были уникальные. Так я получил томик «Председателя земного шара Зауми» Александра Туфанова «Ушкуйники». Книге стихов было дано загадочное посвящение:

Храбрейшему из славян
Рыцарю Николаю,
Павшему с дружиной
Новгородских ушкуйников

Друг отца Андрей Павлович Лопырев.
Рисунок Алексея Григорьевича Мурина

На Неленьге в борьбе с Москвой –
Баян XV века поэму посвящает.

Книга напечатана в Ленинграде в 1927 году тиражом в 300 экземпляров. Кто такой Николай, кто такие ушкуйники и что за Баян XV века – я из футуристических виршей не понял.

Или один из экземпляров книги «Живой Маяковский», напечатанной на гектографе в 1930 году сразу после гибели поэта. При встречах Андрей Павлович читал наизусть сотни пародий Александра Архангельского и цитировал старинные книги «Парнас дыбом» и другие редкости.

Родом он был из Великих Лук, которым посвятил книгу воспоминаний «Город моего детства». За свою любовь к малой родине А. П. Лопырев был удостоен звания почетный гражданин Великих Лук.

К концу XX века Инна Лопырева с мужем и дочерью эмигрировала в США, а старики Лопыревы перебрались на окраину Петербурга, в Веселый Поселок, на улицу Подвойского. Они жили в окружении любимых книг, пластинок и воспоминаний.

Я часто бывал у них. В один из дней Андрей Павлович передал мне эссе «О петербургской почте», что построил архитектор Н. А. Львов, и другое эссе «О лицейских друзьях А. С. Пушкина».

– Используй это в своих радиопередачах! – и был несказанно рад, когда я поведал о моем старом друге и его изысканиях в передаче Виктора Бузинова «Прогулки по Петербургу».

На исходе века А. П. Лопырева не стало, а в 2009 году скончалась на девяносто шестом году его супруга Тамара Павловна. А у меня на полке стоят книги, что напоминают о замечательных людях.

Музыкальный Гулливер

К. И. Элиасберг

Наша семья (отец, мама, сестра и я) жили в послеблокадной коммуналке в здании Капеллы на Мойке, 20, в левом маленьком дворике. Две наши 11-метровые комнатухи Е. А. Мравинский называл шутя «Лизины макаронины». В первой стоял топчан, на котором спали родители, и рояль, что сделал в начале XX века петербургский мастер «Херкенс», а государь Николай II подарил его «за верную службу» управляющему Капеллой Христофору Николаевичу Гроздову. Инструмент мама купила в рассрочку у его дочери, старой учительницы Ольги Христофоровны Гроздовой-Янович, нашей соседки. Во второй комнате был старый шкаф, стол и две детские железные кровати, что притащил отец из капелльского бомбоубежища, превращенного обитателями коммуналок после блокады в склад для дров.

В один из дней мама сказала отцу:

— Завтра я пригласила зайти к нам...

И назвала имя, отчество и фамилию гостя, из реквизитов которого я разобрал только одно слово «Карл». Как попугай я начал долдонить скороговорку:

— Карл у Клары украл кораллы!

А Клара у Карла украла кларнет!

И кларнет, и кораллы я считал оркестровыми инструментами, так как в капелльской школе у Семена Аркадьевича Аркина два года усиленно «пилил» скрипку и делал, очевидно, какие-то успехи.

Мама наказала:

— Придет гость! Ты смотри, не ляпни свои гнусные стишата!

Вечером раздалась три скрипучих звонка, более напоминавшие звуки ржавых гвоздей, в консервной банке сооружения на входной двери под названием «Прошу повернуть». В коридор вошел сухощавый сутулый мужчина в черном пальто, шляпе-котелке, перчатках, шею опоясывал белоснежный шарф. Он снял галоши и стал неловко пытаться повесить пальто на крючок. Шляпу он положил на полку у зеркала, а в нее кашне и перчатки. Мама представила отца и нас с сестрой. Гость галантно поцеловал руку маме и сестре, а с нами обменялся рукопожатиями.

Лицо пришельца было необычным, зачесанные назад волосы, на носу круглые с огромными линзами очки придавали ему вид заморской птицы.

Они прошли в нашу «спальню», сели за стол, на котором стояли тарелки с картошкой, зеленым луком, селедкой, добренной постным маслом. Отец достал из шкафа графинчик с разведенным спиртом, в котором болтались корочки от новогодних мандаринов, две миниатюрные рюмочки, что называл любовно «в три глоточка», и... полилась беседа.

Вначале говорили мама и гость, но вот вступил отец. Из комнаты раздалась строки басен Лафонтена, естественно на чистом французском, потом «Ich weiss nicht...» на немецком, байки следовали одна за другой.

Мы с сестрой сидели и строчили на крышке рояля школьные уроки на следующий день.

Но вот мама принесла с кухни с керосинки пышущий чайник и позвала нас к столу. Гость достал из кармана, как фокусник, конфеты и вручил нам.

Вечер закончился. Гость облачился в пальто, кашне, котелок, галоши и, галантно попрощавшись, ушел. Засыпая, как молитву, я про себя долдонил: «Карл... у Клары... украл... кораллы...».

Я окончил Капеллу, учился в Консерватории, работал одновременно в самодеятельных коллективах помощником у А. Г. Мурина и Е. П. Кудрявцевой.

Как-то мама сказала:

— Сегодня мы должны быть в Капелле. Элиасберг дирижирует «Реквиемом» Моцарта!

Вечером, взяв партитуру сочинения, я пошел в зал Капеллы. Этот «Реквием» я знал, как говорится, вдоль и поперек. Ну что еще можно открыть в нем? Но на концерте понял, что заблуждался!

Обычно все дирижеры после «Лакримозы» в «Реквиеме» делают антракт. Слушатели спешат в буфет и, приняв на грудь сто гаммулек или выпив бутылку пивца за 37 копеек, возвращаются дослушивать музыку, которую, как известно «нацарапал» по черновикам Моцарта его последний ученик Франц Зюсмайер.

В этот раз все было необычно. Сухой, точный жест Элиасберга, превосходное пение Капеллы и маминых солистов (Д. Л. Клиот, Е. П. Баранова, Ю. Н. Шифрин, И. Н. Тятов), оркестр исполнял музыку классика с какой-то несравнимой болью. Но это была не та «шаблонная» боль страданий, смешанная со страхом, когда это сочинение исполнялось по радио после кончины очередного кремлевского мечтателя!

Но главное — «Реквием» звучал... без перерыва!!!

Когда смолкли последние звуки концерта, несколько секунд стояла гробовая тишина, которую взорвали овации. Зал стоя приветствовал дирижера, солистов, Капеллу.

Элиасберг вызвал жестом маму. Та в черном английском костюме, белой кофте, туфлях-лодочках на высоких каблуках стремительно подошла к сцене. Аплодисменты возобновились с новой силой.

Больше такого моцартовского «Реквиема» я не слышал в жизни...

А ныне маэстро по-прежнему после «Лакримозы» делают перекур для музыкантов и антракт для слушателей!

За год до того, как бывший директор Большого театра А. И. Анисимов «выдавил» маму из Капеллы, она подготовила с хором для Элиасберга еще один шедевр — ораторию В. Н. Салманова «Двенадцать» по Блоку. Именно по Блоку!

В капелльской школе на уроках литературы нас учили, что поэт был богоискателем и в своей революционной поэме сделал роковую ошибку — впереди двенадцати солдатиков в серых шинелях, идущих наперекор метели, поставил не большевика с протянутой рученькой, а какого-то Христа, да еще и в «белом венчике из роз». Паскудное эстетство! И мы за училкой твердили, как попугаи: «Это была роковая ошибка талантливого поэта! Блока!» Как ни странно, «блок большевиков и беспартийных» был нам, дурням, понятнее...

Ну, думаю, как с этим «парадоксом» справятся Салманов, Элиасберг и Кудрявцева?

На премьере в финале оратории Капелла, как заклинание, поет на органном пункте оркестра: «Так! Идут двенадцать вдаль!!!» И нет ни Христа в веночке, ни человечка с рученькой, указующей, куда идти.

И снова овации Салманову, Элиасбергу, Кудрявцевой.

Прошло полвека. Судьбе угодно было в год горбачевской перестройки, чтобы моя семья переехала по обмену на Фонтанку, 50, в дом Элиасберга. При входе я заметил подкову на счастье, доставшуюся мне от прежнего хозяина. А на северном окне, у которого, быть может, великий Карл любил «посмолить» папироской, в горшке вырос куст благородного лавра...

Наконец, хлопоты Е. А. Линда, В. В. Козлова и других ленинградцев увенчались успехом. На доме, где жил последние годы Карл Ильич Элиасберг, появилась мемориальная доска.

И вот в 2012 году я держу в руках многострадальную книгу «К. И. Элиасберг», что собрал и издал музыкант-фанатик Виктор Васильевич Козлов. Честь ему и хвала за это! Да вознаградит его Господь!

Элиасберг — этот музыкальный Гулливер — не успел многого открыть и исполнить. Не его вина, что он жил среди лилипутов. Но твердо знаю, он жил в великом городе, со своим народом, в ладу со своей совестью, со своей музыкальной Музой!

В ночь на 21 ноября 2012 года

Пишта

Музыка с человеческим лицом

У моей мамы, Елизаветы Петровны Кудрявцевой, дирижера Ленинградской капеллы, в профессорском консерваторском классе помимо русских учеников всегда «паслись» «дети разных народов» — эстонцы, латыши, литовцы, немцы, болгары, позднее — китайцы, японцы, корейцы, кубинцы. В 50-х годах прошлого века у нее в классе появился венгр — Иштван Серзе. Мы, студенты дирижерско-хорового факультета, звали его ласково «наш Пишта». Он виртуозно читал с листа любые мелодии, но в отношении игры партитур на фортепиано был скован. Руками, голосом Пишта изображал так выразительно музыку, что, казалось, и играть-то на фортепиано ему необязательно.

Именно Серзе привнес в нашу довольно ограниченную хоровую литературу сочинения своих соотечественников Белы Бартока и Золтана Кодая. К слову, русский перевод стихов хора Кодая «Вечерняя песня», так популярного ныне среди коллективов, с подстрочника сделал наш однокашник и товарищ, студент Слава Чернушенко.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Муз. Золтана Кодая

Русский текст стихов Владислава Чернушенко. 1956 год

Вечер землю мглой окутал,
Лес шумел своей листвою,
И, в ночное глядя небо,
О судьбе своей я думал.
Милый, где приют найти мне
В час вечерний на чужбине?
Горько очень мне скитаться,
Скоро ль снова буду дома?
Ночь на землю опустилась.
Укрепи сердца ты наши,
Душу нам согрей надеждой.
Тихо, тихо ночь приходит.

Обычно на занятия Пишта приносил толстенные хоровые сборники, ставил их на пульт, а профессор Кудрявцева

воплощала их на рояле, да так ловко, как будто знала их вечно. Пишта пел на все голоса и, стесняясь своего плохого русского, переводил, растягивая слова: «Это будет! Это будет!», далее следовал текст сочинения.

Однажды мама сыграла хор Белы Бартока. Нам показалось, что это сплошная какофония. Но мама вычленила одну группу голосов и сыграла отдельно. Звучало приятно. Потом другую, затем соединила вместе, выделяя то одну, то другую хоровые группы голосов.

— Это политональность! Вы с этим еще не сталкивались, — и пояснила доходчиво: — В русской избе играется свадьба. Вдруг в двери вваливается толпа ряженных музыкантов. У свадьбы звучит своя музыка, а у ряженных одновременно своя. Теперь вам понятно, что такое политональность?

И на других примерах она подтвердила свою гипотезу, сыграв на память фрагменты «Свадебки» Стравинского, «Путь Октября» Давиденко и «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича...

В 1955 году Иштван Серзе уехал на родину. Стал художественным руководителем и главным дирижером хора будапештского радио.

Во времена трагических венгерских событий («Венгерской весны» 1956 года), чтобы спасти коллектив, вывез его в Вену на гастроли. Многие певцы остались в эмиграции, попросив у австрийских властей политическое убежище.

Венгерские власти за это подвергли нашего Пишту гонениям и травле. Он влачил в Венгрии судьбу изгоя. Ныне его нет уже в живых. Так на одного талантливое музыканта в Европе стало меньше! А музыка Бартока и Кодая, такая непонятная нам в пятидесятые годы, сегодня звучит по миру как классика. Исполняют ее часто и в новой России, и в нашем Петербурге.

Р. С. Эти строки я написал, прочитав книгу моего давнишнего консерваторского друга Сергея Сигитова «Духовный строй музыки Белы Бартока», которую автор недавно подарил мне на память.

12 ноября 2012 года

Человек, который умел удивляться

Г. А. Максименко

В 1960-е годы прошлого века в Ялте в санатории ВТО два крупноформатных мужика в холле играли в бильярд. Оба были петровских габаритов. Один был генерал, Герой Советского Союза Иван Владимирович Соловьев, другой – главный хормейстер Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, народный артист СССР Александр Григорьевич Мурин.

В перерыве между партиями, дымя папироской, комиссар милиции обратился к музыканту:

– Слушай, дружище! Отдай мне своего племянника. Пусть он организует из моих орлов в клубе МВД хоровой коллектив! Уж больно хочу услышать в их исполнении песни моей любимой Шуры Пахмутовой, а не «Мурку»!

Так я попал на Полтавскую улицу в ведомство известного всему Питеру директора Якова Львовича Ронкина. Он в Доме культуры им. Дзержинского (так вскоре стал именоваться клуб МВД) собрал довольно любопытную команду единомышленников.

Эстрадный оркестр возглавил молодой музыкант Давид Голощекин (ныне мэтр джаза, народный артист России); бальные танцы вели супруги Симоновы; танцоров возглавил Владимир Ильич Васильков (ныне народный артист России, известный питерский балетмейстер). «Наш дорогой Ильич!» – приветствовал его шутя на совещаниях Ронкин. Я взялся за организацию мужского хора и вокального ансамбля.

Именно в эти годы я и познакомился с миниатюрной, но дьявольски энергичной женщиной Галиной Александровной Максименко.

– Мурин?! – сказала она при встрече. – А я в вашем муринском клубе в Мурино была заведующей! А у Ронкина занимаюсь неблагополучными подростками. Ставлю их на правильные рельсы.

«Макаренко в юбке» – за глаза называл ее Яков Львович.

В Доме культуры она бурным волчком с бешеной скоростью носилась по лестницам и залам бывшей Калашниковской

хлебной биржи, организовывала всевозможные мероприятия, приглашала на концерты артистов, художников, поэтов, была тамадой на дружеских пирушках. Без нее не обходился ни один вечер...

Судьба раскидала нас на долгие годы. Я «пахал» в Ленконцерте с народными певцами и ансамблями. Потом на двадцать пять лет меня захватила педагогика в Областном колледже культуры. На одном из юбилеев КПУ (Культурно-просветительного училища) я вновь встретил его воспитанницу Галину Максименко. Она привлекла меня к своему детищу, журналу «Петербург-классика», что освещал на своих страницах многие события культурной столицы. Я стал его постоянным автором...

На последнем юбилее Галины Александровны я прочитал публично шуточный стишок в ее адрес и подарил нарисованную мною гравюру-рисунок.

Будь я скульптор, взял бы глину
И вылепил Максименко Галину!
Если был бы я поэт,
Образ Галины был бы воспет!
А поскольку я простой музыкант,
Подниму на юбилее граненый стакан!
А так как пить мне строжайше нельзя,
То закругляюсь на радость вам, друзья!
И в день славный юбилея Галины
Нарисовал для нее картину!

Когда я вручил подарок, в ответ увидел огромные глаза Галины Александровны и услышал реплику юбиляра:

— Ну, бляха-муха! Мурин! Он еще и рисует!!!

Такой и осталась в моей памяти Галина Александровна — человеком, который умел удивляться жизни.

Встреча с Давидом

Д. И. Золотницкий

В книге В. Н. Дмитриевского «Жизнь в эпизодах», что я прочитал, несколько страниц посвящено литератору, театроведу Давиду Иосифовичу Золотницкому. С ним меня свела совсем недавно судьба. Вот как это произошло.

Исполнилось 100 лет со дня рождения балетного дирижера Кировского (ныне Мариинского) театра Павла Эмильевича Фельдта, что управлял премьерами балетов «Ромео и Джульетта» Прокофьева в 1940 году (с Улановой и Сергеевым в главных партиях), «Гаянэ» Хачатуряна в 1942-м (с Дудинской, Вечесловой и Зубковским), «Спартак» Хачатуряна в 1956-м (с Макаровым и Зубковской). Мой знакомый Рашид Бахтияров к юбилейной дате собрал и издал величиной с ладошку сборник стихов знаменитого дирижера. Рашид Шаозамович пробил в театре маленький автобус, и группа музыкантов отправилась на Шуваловское кладбище, где недалеко от могилы легендарного певца Н. К. Печковского упокоился П. Э. Фельдт. В автобусе я и познакомился с Д. И. Золотницким.

В Шуваловском Спасо-Парголовском храме настоятель, протоиерей о. Михаил, отслужил панихиду. На обратном пути вдова дирижера Виктора Федотова, Галина, обронила фразу:

— Неплохо бы по русскому обычаю помянуть Фельдта рюмочкой водки!

Но ее инициатива тут же заглохла. Водитель автобуса высадил нас на углу Невского и Садовой и уехал в парк. Золотницкий предложил Рашиду и мне зайти к нему. Мы миновали двор кинотеатра «Молодежный», заставленный престижными автомобилями, поднялись в квартиру.

— Заходите, заходите! Извините за беспорядок! Как Вера Михайловна меня покинула, все остается, как при ней! Мы расположились в кухоньке. Хозяин достал из холодильника графин с водкой и закусу, ломти сыра.

— Водка моей рецептуры! — рекомендовал Давид Иосифович. Подняли рюмки в память Фельдта. Я разгадал секрет Давидовой жидкости: водка, лимонный сок и чеснок.

Шуваловское кладбище. Панихида по П. Э. Фельту (100 лет со дня рождения). А. Мурин, Г. Федотова, Р. Бахтияров, Д. И. Золотницкий (крайний справа)

Выпили, не чокаясь, за жену Золотницкого Веру Михайловну Красовскую, которую я знал по Кировскому театру, где служил главным хормейстером мой дядька А. Г. Мурин, а его жена Вера Калашникова танцевала в Малом оперном характерные партии. Прочитали философские стихи Павла Фельдта. Водка в графине закончилась. Мы перешли в кабинет. Давид Иосифович провел по полке, как экскурсовод в Эрмитаже:

— Это все книги Веры Михайловны о балетных артистах и о балете! — и, как бы стеснясь, добавил: — А вот эти мои!

СПЕКТАКЛЬ БОЛЬШОГО МАСТЕРСТВА

Питерс. Новой постановке комедия Грибоедова «Горе от ума» закладывается в новой стилистической редакции ее В. Э. Мейерхольда. Впервые Мейерхольд поставил «Горе от ума» в 1928 г. Нынешнее возобновление в основном повторяет предыдущую постановку. Тем не менее, ее с позиций правды можно считать новой работой мастера и потому, что отчаяние и глумление трагикомедии 1928 г., и потому, что она обречена на живую сценическую композицию, новыми редакциями Шестакова и Мейерхольда.

У нас очень мало, к сожалению, пишут о Мейерхольде. Между тем каждая постановка этого блестящего мастера при всей ее спорности представляет собой значительное явление в истории советской театральной культуры. Когда сравниваешь, например, в том, что это один из немногих наших режиссеров, который не успокаивается, который не останавливается на месте, который ищет все новых и новых средств театральной выразительности и эмоционального воздействия, который в каждую работу вкладывает откровенный молот темперамента и большую остроту.

Что характерно для Мейерхольда, как мастера, воспитанного революцией? Прежде всего, большая социальная мысль, которую он ищет, пытается вскрыть, акцентирует в любой классической постановке. Мейерхольд первый в истории советского театра стал на путь критическо-

осуждения было много личных влечений в формалистских вычурностях, но в основном мастером руководила правдивая идея: восстановление театра, вскрытие в прошлом то, к чему нужно было бы вернуться в современном театре.

Большая роль принадлежит Мейерхольду в развитии театральной мысли Чапко, его творческой деятельности, в которой он жаждал, позволил Мейерхольду без насилие над пьесой, а лишь путем перемонтировки отдельных эпизодов, небольших купюр и сценических характеристик приблизить Чапко к действительности. С этим можно спорить и против такой трактовки можно выдвинуть множество историко-литературных аргументов, но она правоподобна и не расходится с объективным положением Чапко в фабуловском судужении. Равнодушие Чапко, Мейерхольда отодвинул фабуловскую Москву в лагерь крайней реакции. Это обострило социальную и драматическую конфликтность Чапко и его окружения. Отличительное Чапко среди фабуловских и Скалозубов ставилось еще более печальным, еще более обреченным. Чапко Мейерхольда всем своим обличием, всем своим характером направляет на противоточные настроения фабуловского общества, а против всего этого общества в целом. Крутом Чапко Мейерхольд открывает «паноптику печальных».

Большой новостью спектакля является трактовка образа Молчалина. Здесь Мейерхольд сдвинул все установившиеся десятилетиями сценические традиции. В мейерхольдовском Молчалине (исполняет артист Матвеев) при полном сохранении традиционной роли нет и тени малой души. Молчалин — угловатый, лысый и худощавый, но не мелочный, а крупный маскотаж. Новый образ как бы олицетворяет «философию» угловатости и подхалимства. У мейерхольдовского Молчалина уверенный и минималистский тон. Угловатость и подхалимство — это маска Молчалина, которую этим путем жаждал добиться «степень» высочайших. Черты «изящества» придает ему актер Боголюбов.

Все свое режиссерское мастерство Мейерхольд сосредоточил на вскрытии психологической драмы, использовал для этого все богатства арсенала режиссерского мастерства. Режиссерские решения Мейерхольда не самолюбивости, — это не формалистские трюки, они всему вытекают из жгучей необходимости из социальной идеи всего спектакля и отдельных образов. Можно было бы, конечно, показать Чапко на фабу, как это делало и делает большинство театров. На фабу, как известно, растет, как волна, клевета о безумии Чапко. Мейерхольд доказывает силу

ты за длинным столом, за которыми сидят все действующие лица «Горе от ума», кроме Чапко. За столом в один ряд усажены персонажи комедии. Перед ними один-единственный Чапко. Он один имеет благородное человеческое обличье на фоне этого паноптикума.

Новая редакция «Горе от ума» развивается и углубляет реалистическую линию театра. Это реализм, отказавшийся и от наизвола скупного батонизмства. Сохраняя верность эпохе, ее стиль, не отказываясь и от историко-бытового правдоподобия, Мейерхольд на первый план выдвигает философскую мысль, получившая ее центральной идеей спектакля.

Прекрасно новое оформление Шестакова и Мейерхольда. Выдающаяся роль в этом оформлении играют подлинный, а не отформалинный театр. И Мейерхольд, и художник заставляют эти вещи быть действительными участниками спектакля. Они создают атмосферу эпохи и среды даже тогда, когда на сцене никого нет. Великолепно подобраны и интуитивно музыка Асафьева.

К сожалению, актерское исполнение не режиссерского замысла. Кроме Чапко, которого темпераментно и мощно играет Боголюбов, которого отчаянно играет Чернышев, все остальные образы не поднимаются над обыкновенным средним уровнем. Это относится и к рядовым, и к центральным персонажам пьесы.

О. ЛИТОВСКИЙ

Достал свой фолиант «Мейерхольд». Из него выпал газетный листок: «Спектакль большого мастерства. „Горе уму“ Грибоедова в театре В. Э. Мейерхольда». «Правда» 25.11.1935. № 369.

Я резко наклонился и поднял листок.

— Коль он попал в Ваши руки, считайте он ваш! Дарю!

Я отказывался, но было тщетно.

Хозяин настоял на своем. Теперь он хранится рядом с томиком стихов дирижера и поэта Павла Фельдта и напоминает о Великом Давиде, как его величает в своей книге мой друг по капелльской школе Виталий Николаевич Дмитриевский.

10 января 2013 года

Титан

К 110-летию со дня рождения С. С. Гейченко

Гейченко — титан, что сделал человечеству «пушкинскую прививку».

Он поднял из пепла усадьбу поэта.

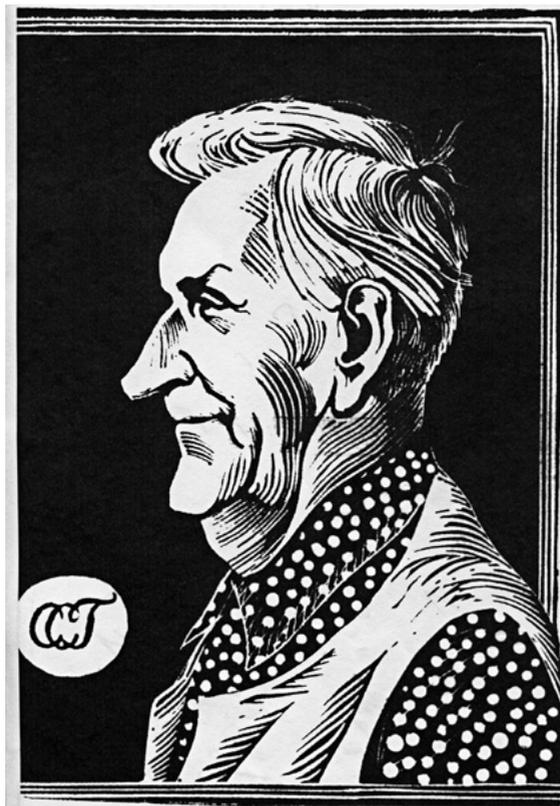
К его могиле на святой псковской земле должны возлагать венки президенты, цари, короли, императоры, а простые смертные нести и нести букеты простых полевых цветов.

Вот эпизод из долгой жизни Великого Домового.

Колокола

1982 год. Михайловское. Пока Любовь Джелаловна и моя супруга Галина Додонова беседовали за чашкой чая в доме смотрителя, меня и редактора псковской газеты Гейченко выманил посмотреть на коллекцию колоколов, что он собрал в псковских деревнях. Мы зашли в сарай, где на балке красовались колокола. Хозяин достал из-под сена бутылку, в которой плавали заповедные травы, и банку соленых огурцов. Налил в граненые стаканы и поднес нам с присказкой:

— Пей да ешь, а правду режь!

С. С. Гейченко

Мы выпили до дна за здоровье хозяина и его супруги. Гейченко завелся:

— Давайте, ребята, друг на друга эпитафии! Ведь после, на небесах, не дождемся!

Вскоре у меня была готова шутка:

— Под камнем сим лежит не Жид!

Он был речист, хитер, умен,

А звали – Гейченко Семен!

— Ну, Шура-Мура, точно! Твои словеса мне на могильном камне потомки не выбьют!

И, хрустя огурчиком, обняв меня за шею, махая пустым рукавом, добавил:

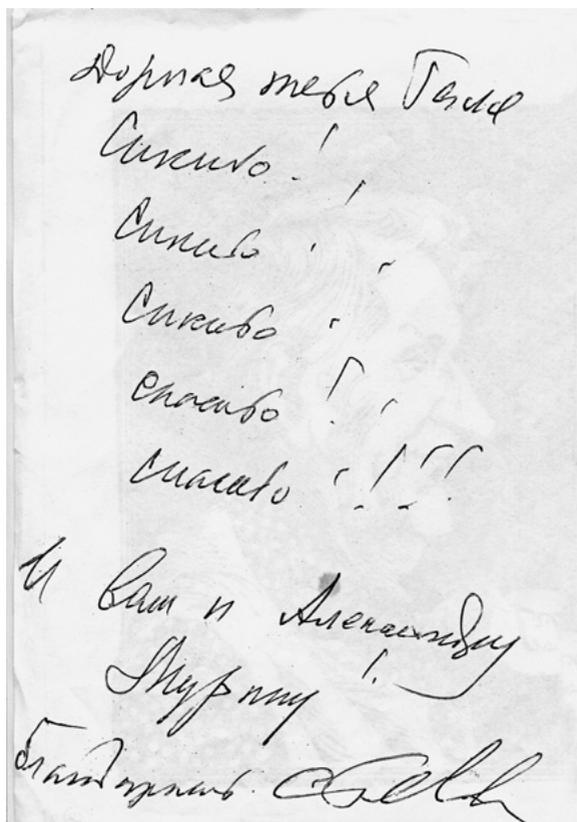
— Долг платежом красен!
Вечно весел, не нахмурен,
А зовется Санька Мурин!
С ним заводили шуры-муры
Лишь только мудаки и дуры!

Во время поэтической перепалки редактор газеты что-то записывал в блокнот.

Затем Семен Степанович сделал знак у губ, чтобы молчали, захватил бутылку и банку с огурцами в сено, и мы, бодрые, вышли на морозный, свежий воздух.

А на сеновале молчали колокола!

Март 2013 года

Сказ о великом поэте

Когда я смотрю фильмы Андрея Тарковского, вспоминаю рассказ гения о фильме, что он хотел сделать. Но, к сожалению, не успел!

Это случилось в роковые 40-е годы XX века, когда черные маруси по ночам рыскали и увозили в никуда цвет нашей нации. Андрюша Тарковский был простым московским школьником, а его отец — известным советским поэтом. Поздно ночью в их квартире раздался звонок в дверь. Полусонный отец открыл. На пороге стояли сотрудники НКВД.

— Вы Арсений Тарковский? Одевайтесь! Вещей брать не надо! Вы скоро вернетесь!

Домашние не успели даже испугаться и осознать, что случилось, как захлопнулась дверь.

Серая, как мышь, «Эмка» привезла поэта в Кремль. Его вели по каким-то длинным коридорам.

— Подождите! — сказали провожатые.

Массивная дверь отворилась, и он оказался в кабинете. На полу красная ковровая дорожка, стол с зеленым сукном, лампа, на стене портрет Сталина с неизменной трубкой. Сбоку, как из-за кулисы, появился приземистый человечек в пенсне. Он торопливо начал говорить с явным грузинским акцентом.

— Приближается 70-летие со дня рождения нашего вождя и учителя, любимого Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы решили к этой дате напечатать книгу его стихотворений в переводе на все языки народов мира! Эти стихи товарищ Сталин написал в юности, и о них восторженно отзывался наш классик Илья Чавчавадзе. Вам поручаем сделать перевод с грузинского на русский. Вам дадим консультанта по кавказским наречиям. Перевод должен быть готов как можно скорее!

И снова бесконечные коридоры. Поэта втолкнули в комнату, где были стол, лампа, диван для отдыха. Работа закипела. Готовые листы с переводом относились к Берии для утверждения и возвращались обратно с замысловатыми закорючками и восклицательными знаками. Через несколько дней Тарковского снова запихнули в «Эмку», порекомендовали молчать обо всем и отвезли на квартиру к родным.

Только в конце перестройки, когда СССР развалился, в Харькове издали книгу историка А. Колесника о Сталине, где опубликовали перевод Тарковского стихов семинариста Иосифа Джугашвили. А профессор нашей консерватории Владлен Чистяков написал даже музыку.

Ну а со стихами И. В. Сталина в переводе на все языки мира случилось следующее. Была готова книга в одном экземпляре в кожаном переплете с золотыми застежками. Но в 1949 году вождь, узнав о затее, вызвал Берию к себе и иронично заметил:

— Что, Лаврентий? Говорят, что ты обнаружил какого-то писаку по фамилии Джугашвили? Нэ било такого пиита! Нэ било! Хорошенько запомни это! Лаврентий! Понял это???

Уходя из кабинета вождя, Лаврентий Павлович думал с досадой про себя:

— Какая сволочь стуканула Кобе про мою задумку? Надо бы выяснить и... сделать вивиды!!!

30 ноября 2011 года

Сказ о великом актере

На этот вечер меня притащил мой друг, журналист Вольт Николаевич Суслов. Собратья по перу вручали кинодокументалисту Роману Кармену высокую награду – «Золотое перо».

А он в ответ поведал случай из своей богатой событиями жизни.

Это было в первые месяцы войны. 7 ноября 1941 года он с помощниками снимал парад на Красной площади. Его друзья фиксировали общие планы от Исторического музея. Собор Василия Блаженного, Мавзолей Ленина, идущие по площади войска, проезжающие грузовики и пушки. Шел колкий снежок. Сам Кармен взгромоздился с треногой и аппаратом на квадратный настил перед входом в Мавзолей. На трибуну вышел Сталин и произнес речь. Оператор порадовался, что выбрал эту точку для съемки. Крупный план был отличный. Когда закончился парад, Кармен с бобинами пленок помчался на кинофабрику.

По радио весь день передавали речь товарища Сталина на параде. Дома поздно ночью на квартире Кармена зазвонил телефон. Сотрудник фабрики сообщил страшную новость! Все пленки получились прекрасно, а одна, где Кармен снимал крупным планом Сталина, безвозвратно испорчена! Лаборантка опустила ее случайно в закрепитель, а потом в проявитель! Доложили киноначальнику, тот выше и выше. И вот глубокой ночью трое: Кармен, киноначальник, помощник вождя — входят в кабинет Сталина. Он встретил их, стоя у огромной карты. Не повернулся. Они доложили о случившемся. Сталин раскурил потухшую трубку, затянулся и, выдохнув дым в лица гостей, спокойно спросил:

— Чито надо, читобы пленка получилась?

Кармен растерянно ответил, как профессионал:

— Товарищ Сталин! Надо переснять!

— Помогите товарищу Кармену! — распорядился вождь.

На следующее утро с внутренней стороны кремлевской стены был построен из фанеры верх ленинского мавзолея, на который взошел Сталин и повторил без бумажки свою речь с запятыми и восклицательными знаками, слово в слово! Речь вождя к тому времени была напечатана во всех газетах мира.

Ну а пленку Роман Кармен проявлял сам! Эту процедуру он не доверил бы никому на свете.

Когда будете смотреть эти кадры, обратите внимание. Общий план — идет снег, а крупный план — снег, как по волшебству, перестал!!!

Роман Лазаревич закончил свой рассказ. Журналисты долго аплодировали, а он раздавал налево и направо автографы на служебных пропусках и пригласительных билетах.

20 октября 2012 года

Песенка дяди Миши

Сосед, дядя Миша Пашковский, придя с завода в коммуналку, на Съезжинскую, 19, выходил на кухню, садился за свой стол. Четыре стола коммуналки были как четыре двора. Жена Галина ставила перед ним пол-литра водки и бутылку кефира. Когда трапеза заканчивалась, он традиционно запевал протокольным голосом на мотив «Бывали дни веселые, в работе не потел...»:

Когда был Ленин маленьким,
С курчавой головой,
Гулял с братками крепкими
Симбирской стороной...

Соседка, старая актриса польского происхождения, урезонила певца:

– Эх, Мишель! Спел бы ты эту пьеску в 37-м! Знаешь, где ты биль бы?

На что дядя Миша, свирепея, возражал:

– Я за Ленина! Глотку перегрызу!

С остервенением откусывал кусок граненого стакана и со страшным скрипом пережевывал стекло зубами. А мне назидательно говорил:

– Учись, Сандро! Капельдудкиным будешь! Дай зуб, что сыграешь на моих похоронах Жопена!

Из всей классической музыки он уважал лишь траурный марш Фредерика Шопена. Когда дядя Миша помер, я был в длительной командировке на Дальнем Востоке. Вернувшись в Ленинград, на Съезжинскую, 19, мой другой сосед-священник, отец Василий (в миру Василий Емельянович Бутыло), только и сказал:

– Отпил и отпел свое дядя Миша! Прости его, Господь, охальника-богохульника!

27 сентября 2014 года

Танец маленьких лебедей

Подруга моей сестры танцевала в Кировском театре в балете Чайковского в четверке маленьких лебедей крайнего лебедя. От нее я узнал, что они не обращают внимания на гениальную музыку композитора, а пляшут под счет:

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь!

Раз, два, три, четыре, пять! Раз, два, три, четыре, пять! И т. д.

Меня всегда поражала математическая синхронность номера. На сцене были не живые артисты, а какие-то волшебные автоматы. Вскоре подруга выскочила замуж. Но через год развелась. А я все равно смотрел балет и пытался угадать среди четверки знакомую.

Ко дню рождения балерины я подарил довольно колкий стишок:

Тихое озеро, лебеди белые,
Черные силы, добрые духи.
Слезы картинные, крылья картонные,
Страсти волшебные, не мегатонные.
Тихое озеро, лебеди плавают
Мимо кустов из картона и тюля.
Муза Чайковского, муза Бетховена,
Вальсы Шопена, марши Мегюля.
Мне отвечайте, музы и лебеди,
Как сам Иисус на ступенях пилатовых,
Неужто и ваш зачарованный вкус
Опошляет бухгалтер советской зарплатою?
Ответьте мне, роботы, роботы-лебеди,
В танце волшебном под музыку вечную,
Есть ли в вас, роботы, робочья робость
И что-то в душе человечье?

Этот стишок надолго отдалил от меня знакомую балерину.

А недавно я увидел по телевизору, как профессор Вагановской академии представляет королеве Испании Софии своих учениц. Это была та самая, что плясала маленького лебедя!

Март 2012 года

Вика

У моей сестры Кати в Консерватории была подруга Виктория Богдашевская. Она была миниатюрная, как статуэтка северского фарфора. Вика проявила свой талант как пианистка-ансамблистка. На это обратил внимание М. Л. Ростропович, когда приезжал в наш город заниматься в Консерваторию с аспирантами-виолончелистами. Он непременно требовал к себе в класс Вику. К ее дню рождения я написал акростих, который все приняли благожелательно:

Вам, Виктория, Славу слагаю
И сегодня за этим столом
Каламбур из стихов подымаю,
Точно чашу с янтарным вином!
О, налейте, налейте бокалы.
Радость пусть улыбается Вам,
И горячее сердце шамана
Я кладу к этим хрупким ногам!

Ныне Виктория Богдашевская живет в США, где пользуется неизменно успехом как пианистка-ансамблистка!

Март 2012 года

Стихи друга

П. Н. Гроздов

Так бывает в жизни. Знаешь человека долгие годы, и вдруг он раскрывается с совершенно неожиданной стороны.

Так и мой давнишний друг, известный геофизик, коренной потомственный петербуржец Петр Николаевич Гроздов.

Я подружился с ним в далекие сороковые послеблокадные годы. К нашей соседке по коммуналке, старой учительнице,

пришел худенький черноволосый паренек. Ольга Христофорова поделилась с моим отцом, инженером секретного конструкторского бюро, бедой. Ее племянника Петю, сына репрессированных «врагов народа», не берут на учебу ни в один из ленинградских вузов. Сталинский лозунг «Сын за отца не отвечает!» в ждановском городе не действовал.

Мой батя быстро написал поручительство и передал его своему знакомому, как ни странно звучит, по игре в преферанс, начальнику Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского контр-адмиралу Михаилу Александровичу Крупскому. К слову, родному племяннику Н. К. Крупской. Тот вскоре позвонил отцу и гневно его отчитал:

— Ты кого мне рекомендовал???

И батя спокойным, но твердым голосом ответил:

— Знаю П. Н. Гроздова как честного и достойного гражданина нашей великой страны!

Так племянник Крупской принял в «Дзержинку» племянника нашей соседки, сына «врагов народа».

Петр окончил училище, стал геофизиком, исколесил вдоль и поперек Кольский полуостров. Именно о таких поется: «...по свету немало хаживал...».

И вот спустя более полувека я держу томик его стихов. Для меня они были полной неожиданностью. Строки Петра Гроздова пропитаны суровыми северными ветрами, в них сквозит кольская поземка, иногда они расцветают красками скупой багряной осени. А стих о блокадном товарном вагоне с детьми и плачем обезумевших от голода матерей ассоциируется с Ноевым ковчегом XX века.

Любовь к жене, сыну, тревога о стране, нашем любимом городе — вот темы, волнующие поэта. Надеюсь, что стихи моего друга найдут понимание и место в сердцах современников.

Как-то знакомый актер Николай Лавров посетовал мне:

— Когда в спектакле рядом играют дети, то они всегда искреннее и правдивее тебя. Они не терпят фальши.

Так и у поэтов. Если они умеют описать страсти братьев наших меньших (лошадей, собак), то по этому можно судить об их

литературном таланте. У моего друга геофизика Петра Гроздова в стихах вышеназванные черты бросаются в глаза. Вот одно из них:

Мне Динка родила щенят —
Какое, в самом деле, диво!
Они бессмысленно скулят,
Она степенна и красива.
Не принимали у ней роды
Ни повитухи, ни врачи.
Все мудро сделала природа —
Тут хлопочи, не хлопочи.
В дождливый день в сырой норе
Щенилась бедная сучонка.
Ни на шелках, ни на ковре,
Как городская собачонка.
Согрела их своим теплом,
Лизала долго и умело
И накормила молоком,
И стала есть просить несмело.
Четыре маленьких комочка:
И не поймешь — где сын, где дочка!

*30 июня 1975 года.
Кольский полуостров*

5 ноября 2012 года

Вступительное слово перед концертом в зале Капеллы 22 декабря 1985 года

В программе:

Г. В. Свиридов, В. А. Гаврилин, Д. А. Смирнов

Дирижеры: нар. арт. России, проф. Е. П. Кудрявцева,

А. А. Петренко, А. В. Верещагин, чтец Лев Елисеев

Хор любителей пения Ленинграда

На концерте присутствовали Валерий Гаврилин и Дмитрий Смирнов.

Если сегодня постараться проследить, у кого из современных композиторов отразились ярче и последовательнее поиски музыкальной правды и народность музыкального языка Мусоргского, то несомненно следует назвать имена Георгия Свиридова и Валерия Гаврилина.

Именно в творчестве этих художников поиск лаконичного музыкального языка сочетается с глубинными пластами русской народной песенности.

Именно эти художники, опираясь на традиции русской классической музыки и в первую очередь на завоевания Мусоргского, усвоив заветы своих великих учителей, создают неповторимый музыкальный язык, ясно различимый среди разных композиторских стилей и направлений.

Свиридов и Гаврилин выражают свои мысли в основном на самом демократическом языке – языке хорового и вокального жанров.

В своих произведениях они берут в соратники классическую русскую и советскую поэзию, народный поэтический эпос.

Поэтому практически все, созданное этими художниками, становится понятным и любимым самой широкой слушательской массой.

Они пробуждают в каждом соучастника художественного творчества их замечательных творений. Будь то песни, романсы, хоры Свиридова, его же «Патетическая оратория» или поэма «Памяти Есенина».

Или гаврилинская «Русская тетрадь», «Военные письма» и последнее крупномасштабное полотно, хоровой концерт

«Перезвоны» (по прочтении Шукшина), удостоенный Государственной премии СССР. Две части из этого концерта, «Вечерняя музыка» и «Весело на душе», прозвучат сегодня. Будет исполнен также хоровой шедевр Свиридова на стихи Прокофьева «Слева – поле, справа – поле». Напомню, что Хор любителей пения Ленинграда был одним из первых исполнителей двадцать лет тому назад хора на стихи Александра Прокофьева «Повстречался сын с отцом».

В заключение первого отделения слушатели познакомятся с хоровым концертом молодого ленинградского музыканта Дмитрия Смирнова на стихи Александра Блока. Композитор успешно заявил о себе в последние годы в хоровом жанре. Тема его нового сочинения для хора – поэт и его муза.

В пяти частях автор раскрывает различные состояния человеческой души, а монологи чтеца соединяют их в единое целое.

Второе отделение будет отдано тому единственному целебному и неиссякаемому источнику, питающему композиторское творчество, – русской народной песне, фольклору.

Несколько слов об исполнителях. Хор любителей пения Ленинграда, созданный в 1958 году народной артисткой России, профессором Е. П. Кудрявцевой, широко известен далеко за пределами города и страны. В прошлом году он успешно гастролировал в Югославии, в этом году выступил на Празднике песни в Таллине в Эстонии. За эти годы коллектив исполнил многие сочинения Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, Свиридова, Салманова, Гаврилина. В нем прошли первую музыкальную практику общения с людьми Дмитрий Китаенко, Тимур Мынбаев, Алексей Степанов и многие другие. Сегодня с хором работают два талантливых ленинградских дирижера Андрей Петренко и Александр Верещагин.

В концерте выступит мастер художественного слова Лев Елисеев.

Надеюсь, что концерт доставит много приятных минут истинным любителям хорового искусства.

*22 декабря 1985 года
Ленинград*

Письмо кошки Мурки коту Василию к 40-летию В. А. Козырева

Дорогой мой кот Василий!
В день столь славный попросил я
Две минуты помолчать
Чтоб стишата почитать.
Пишет Васе кошка Мурка,
Проще рыжая каурка,
Что вечер с толпою деток
Справил восемь пятилеток.
Что ж не пишешь, Василя?
Иль объелся киселя?
Напиши, каков «Давид»
И какой имеет вид
Славный Вадик Воронцов?
Есть ли *ля* у теноров,
Как здоровье Папы Васи,
Детки ноне в каком классе?
Пьете водку иль кефир?
И отделал ли сортир?
Как научная работа?
Отвечай, Василий! Что ты,
Что ты долго замолчал?
И Василий отвечал:
Детки выросли что надо,
Дочь краса, а сын услада
Нам с женой на старость дней,
Так-то, Мурка, не робей.
Дай скажу лишь на ушкó:
Выдай двойню, как Грушко!
Скоро 20 лет с тех пор,
Как хожу в капелльский двор!
Папа Вася наш здоров,
Мое *ля* средь теноров.
У Вадима важный вид,

Позавидует «Давид»,
А в сортире – кафеля,
Пьем лишь водку, киселя
В рот не брали отродясь!
Так-то дело наше, Князь!
После этого ответа
Выпил Мурочка за это.
Выпив, крякнув, повторил
И селедкой закусил.

1986 год

Вадик Воронцов – В. Н. Воронцов, тенор Хора любителей пения, инженер Российских железных дорог.

Папа Вася – В. А. Васильев, тенор, летчик, ветеран войны.

«Давид» – оратория Онеггера «Царь Давид», над которой работал хор.

Грушко – В. В. Грушко, тенор хора, военный инженер.

Кот Василий – В. А. Козырев, художник Мухинской академии, ныне профессор, директор Музея академии.

О, море в Гаграх!

Валя, Валерьян Всеволодович Грушко, в юности пел в хоре Дворца пионеров имени А. А. Жданова (ныне Аничков дворец) под руководством замечательного хормейстера и педагога Г. И. Беззубова, а концерты вела глазастая девушка Сталя, которая вскоре стала Сталиной Ивановной и подарила Вале двойняшек Зою и Юлю. Грушко окончил Академию имени А. Ф. Можайского и получал звезды на погоны на космическом поприще. Его отец, степенный Всеволод Семенович, уйдя на пенсию, участвовал в Хоре старых большевиков, а мама Нина Александровна зычно голосила второй сопрано в Хоре любителей пения при Капелле на Мойке, 20. Вот она и привела в наш коллектив своего сына, с изумительным по красоте и тембру голосом – тенором в духе Сергея Лемешева.

С тех пор я дружил с семейством Грушек, как мы их любовно звали. В 1964 году я отдыхал с ними летом в Гаграх и Тбилиси.

«О, море в Гаграх, о, пальмы в Гаграх! Кто побывал, тот не забудет никогда», – под эту мелодию, что неслась из динамиков, два чудака (я и Валя) решили на спор на ящик чешского пива проплыть от пирса Старых Гагр до пирса Новых Гагр. Естественно, по морским буйкам. Сталина бежала по берегу и умоляла нас закончить этот марафон. Вскоре к ней присоединился местный Кацо – дежурный милиционер. И они уже вопили дуэтом. Когда мы достигли финиша и выползли на пляжную гальку, силы оставили нас. Мент, убедившись, что придурки живы, дышат, грозно сказал:

– Зачем мне звал, красавец! Ай-на, гого-на, гамаржоба-ге-нацвале! – и, махнув рукой, удалился, а Сталя несколько дней дулась на нас, идиотов.

В Тбилиси мы гостили у знаменитого грузинского скульптора, крестного отца кавказских ваятелей Николая Порфирьевича Канделаки. Он вылепил для Новодевичьего кладбища столицы бюст родственника Грушек Героя Советского Союза, генерала авиации Папивина. Какими только экзотическими яствами не угощал нас скульптор! Мы ели и пили из тарелок и бокалов с золотыми орлами и вензелями Николая II, а со стен на нас глядели полотна Айвазовского и Боголюбова! Супруга скульптора, дочка бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Жуковского, была одержима идеей обвенчать местных красавиц на русских парнях. В молодости в Петербурге до 1917 года она охмурила бедного студента Академии художеств и увезла его в Тифлис. Да и трехэтажный дом в центре города, на Мцхетской, 14, они приобрели, продав одну из картин русских маринистов. Об этом хозяйка нам поведала за трапезой в саду дома, увитым гроздьями спелого винограда. На мой бестактный вопрос:

– Почему вас не раскулачили большевики? – я получил ответ:

– В трудные годы в мастерскую к Коле друзья привели и попросили спрятать от жандармов юношу по имени Сосо. Позднее я узнала его настоящую фамилию – Джугашвили!

Через год я бродил с друзьями по Крыму и прислал Грушкам забавное послание:

Письмо Валериану Грушко от Алексашки Мурло с Крыма в лето 1964 года

Для начала бы валерьяночки (сорок градусов)
Не мешало бы Валерьянушке!

1

Здравствуй, свет Валерьян и жинка твоя свет Сталинушка!
Сие посланьице пишет тебе князь с земли Таврической
Алексашка!

А и воля моя была утром дня двадцать четвертого восстать
ото сна

Ночного, бодрого, манускрипт сей измарать пером автоматическим.

Как житие князя, спросишь ты, так ответу тебе речью долгою,
Без запятых и прочих синтаксисов, кои во время последнее
стали сложными и мне запретными,
Ибо сложно писать дело Пимена! Так вот присказкой заверши
сей лист – лист торжественный!

2

А и было дело в граде Ялте, что близ моря лежит, моря
Черного.

Отдыхает здесь ваш покорный раб, раб Сталинушки и компании.

Чрево грешное насыщает он в ресторанах всех и закусочных.

И, замечу вам, их здесь множество. Ваш наказ выполняючи,

Побывал отрок вот в каких землях на Тавридине:

Во саду большом под названьем бишь Никитский сад,

Плюс розарий в нем. Ну а следом был я в Гурзуфчике.

Град понравился, но убит я был, что у древа кипарисова,

Где сидел давно Александрюшка, свет наш Пушкин-бард,

Стопкой сложены ржа матрасики от кроваток дач правительных.

Вот какое там безобразие!

3

В Симеизе был в очень бурный день. Не один там был,
а со свитою.

Впереди я шел, ну а следом шел капитан из нашей Белоруссии,

Звать-то Ленькою. Две девицы ленинградские

Окантовочку довершали мне, звать Людмилами!

Сколько выпито – не выпытывай!

У пруда валялись лишь головушки белоснежные.

А потом прошел из Симеиза-городка в гнездо ласточек,

Сизокрылочек. Состояние страсть бедовое и хреновое,

Ну, конечно, брат, у соборишка.

Развезло меня здесь на солнышке!

Заверну-ка я на четвертную манускриптину!

4

Был у Чехова и других друзей. Чем талант гнилей,

Тем хоромушки, то жилплощадь биш, страсть громаднее.

Для сравненьица был затем на жилплощади у Павленушки,

Что отгрохал роман «Счастлице».

А сейчас лежу на поляночке, что зовут друзья полем сказочек.

Здесь стучит топор П. Безрукова, край земли дикой превра-
щая в рай.

Скоро свидимся, Грушки милые. Передай поклон Вашей
матушке.

И особ поклон свет батюшке! Телефон-поклон Лешке
чудному,

спиричуэлсному. И моим поклон!

Закругляюся!

Алексашка Мурин,

раб Божий,

руку приложил

1964 год

А этот акrostих я подарил на память Грушко о наших кавказских пиршествах.

Валя! Ты помнишь:

Абхазия,

Лето!

Единственный выданный Сталиком руб,

Нам подает в столовой отпетой

Товарищ Кацо кашу из круп.

И грезится нам:

На столах эпохальных

Грузия-мать

Разлилася вином!

Утром проснулись,

Шашлык подгорелый,

Кость в горле стала

Оконным стеклом.

Три тенора: Валя Грушко, инженер-путеец Вадим Воронцов, дизайнер из Мухинского училища, профессор Василий Козырев и «примкнувший к ним» ветеран войны, бывший летчик Василий Алексеевич Васильев (Папа Вася), были основой и украшением несколько десятков лет маминого Хора любителей пения при Капелле. На концерты коллектива в Капеллу и Филармонию Валя Грушко часто приглашал своих однополчан из Можайки: Владимира Звягина, Бориса Гранкина. Профессор Можайской академии, доктор технических наук Борис Константинович Гранкин стал поэтическим летописцем хора и дарит нам свои оригинальные экспромты.

19 августа 2014 года

«Бах спросил у Бахтина...»

В. С. Бахтин

На концерте хора Ленинградского университета в актовом зале в перерыве мой друг Вольф Суслов познакомил меня с литератором-фольклористом Владимиром Бахтиным, молодая

супруга которого блистала в коллективе Григория Сандлера. Бахтин, узнав, что я музыкант с консерваторским образованием, сразу перешел к делу:

– Знаешь, Александр! В экспедициях по глухим селам Севера и Сибири я записал много песнопений старообрядцев. Поэтические тексты расшифровал, а вот мелодии застопорились, ваши консерваторские «музыкаделы» тянут какой месяц резину!

Договорились встретиться у моего нового знакомого на улице Братьев Васильевых у метро «Горьковская». Через пару дней дверь мне открыл хозяин. В проеме прихожей появилась пожилая дама, какие еще сохранились в Петербурге с незапамятных времен, и безапелляционно заявила:

– Вова! Прими у гостя пальто!

Бахтин стал снимать с меня пальто, приговаривая:

– Не возражайте, пожалуйста, Маме! Не возражайте Маме!

Дама представилась и протянула учтиво руку для поцелуя. Мы прошли в огромный кабинет, все стены которого были заставлены шкафами и полками с книгами. Посреди стоял рояль, покрытый кожаны чехлом. На нем были разбросаны папки, и стоял магнитофон. Тут я добрым словом вспомнил консерваторских профессоров по сольфеджио А. Л. Островского и К. Н. Дмитриевскую. Через пару часов с крутящейся хрипатою пленки мною были записаны песнопения старообрядцев. Вскоре Бахтин отплатил сполна за мой «вклад в русскую фольклористику». С артистами в Ленконцерте я записал большую пластинку, а аннотацию к ней попросил сочинить друга. На обложке в русском духе красовалась огромная сорока, а далее предисловие Владимира:

На Руси издавна существовали веселые люди – скоморохи.

С рожками, дудками, бубнами, а то и с ученым медведем ходили они из деревни в деревню, из края в край страны. Придут, станут у околицы на поляне и начнут изо всех сил бить в бубен, дуть в дуду: собирайся, мол, народ, на наше представление!

Артисты Людмила Иванищенко, Кармия Прокофьева, Виктор Иванов с режиссером Александром Муриным задумались однажды: а не попробовать ли нам устроить такое представление для современных ребят? Начали собирать байки, зазывные

песенки, сказки, присказки, научились играть на старинных народных инструментах. Сами увлеклись фольклором, полюбили его...

Итак, скоморохи пришли в деревню. Вся деревня, стар и мал, окружили их плотным кольцом. Представление начинается! Ладно не ладно, а было бы складно!

Владимир Бахтин 1985 г.

В 1986 году пластинка имела в СССР огромный успех. Особенно у детей.

К 60-летию моего друга в подарок я нарисовал русский лубок, где «Вова Бахтин учит Иоганна Себастьяновича Баха сочинять частушки». На первой картинке Бах и Бахтин спорят о чем-то за кружкой пива. На второй – Бах при свете свечи, сидя на тахте в спальне, сочиняет частушки, а позади к нему простерла руки его подружка. Текст гласил:

Бах спросил у Бахтина:

Как сочинить частушку, а?

В ответ Бахтин частушку спел.

И Бах тотчас уразумел.
Забросил к черту мессы, фуги
И пишет в спальне у подружки,
Очаровательной пастушки,
Под БахТина свои частушки!

Рисунок остался у юбиляра, а на трапезе-возлиянии над ним долго смеялись друзья Владимира — Михаил Александрович Дудин и Вадим Сергеевич Шефнер.

А в 1985 году скоропостижно скончалась Наташа Бахтина. Владимир схоронил ее на Красненьком кладбище, заказал памятник из красного карельского гранита моей супруге, скульптору Галине Додоновой.

В те дни я узнал один случай из жизни моего друга.

В 60-е годы в Доме писателей на улице Воинова коллеги «долбали» почем зря тунеядца, вырожденца Иосифа Бродского. И вдруг из зала из толпы «писак» поднялся Владимир Бахтин и один заступился за опального Поэта! В результате Владимира «турнули» в Петрозаводск, подальше от Питера...

А труд всей жизни Бахтина, тысячестраничный свод русских лирических песен, был издан только после его кончины приличным для наших дней тиражом!

17 августа 2014 года

Три театральные байки

Посвящается Андрею Максимкову

Как возникла система

25 октября 1917 года в Москве в квартиру К. С. Станиславского врывается возбужденный В. И. Немирович-Данченко. Борода взлохмачена, в петлице модного пальто красный бант. С порога он кричит:

— Константин Сергеевич! Революция, о которой так много болтали социалисты, свершилась!!!

Станиславский качнул седой шевелюрой, поправил пенсне, оттопырил, как верблюд, нижнюю губу и, подумав, изрек:

— Не верю! Не верю! Не верю!

Так родилась знаменитая театральная система!

15 января 2013 года

Как родилась знаменитая книга

В кресле дремлет К. С. Станиславский. В. И. Немирович-Данченко принимает во МХАТ очередного гения. Владимир Иванович задает вопрос:

— С чего начинается театр?

Гений:

— Театр начинается с вешалки!

В. И. повторяет вопрос:

— Так с чего начинается театр?

Гений, смущаясь:

— Театр начинается с вешалки!

В. И. подсказывает:

— А за вешалкой кто?

Гений, смущаясь:

— Вешатель!

В. И.:

— Так, с чего начинается театр?

Гений, встав в патетическую позу:

— Театр начинается с вешалки!!!

Станиславский вздрагивает, открывает глаза и записывает фразу гения в свой блокнот.

Так родилась знаменитая книга К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

16 января 2013 года

ЦРУ (экзамен во ВГИКе)

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, Герой соцтруда, профессор Б. А. Покровский на экзамене спрашивает студента 5-го курса по оперной режиссуре:

– Что такое в Большом театре ЦРУ, батенька?

Студент, не думая:

– ЦРУ – в Америке это, что у нас ГПУ!

Покровский спокойным голосом:

– Я вас спрашиваю не про Америку, а про Большой театр. Вы, батенька, кажется, в нем халтурите, поёте эпизодические партии?

Студент с гордостью:

– Да! Пою! И даже в Трике.

Покровский с укоризною:

– Стыдно! Стыдно! ЦРУ в Большом – основа театра! Центральное Режиссерское Управление! Придется, батенька, пересдать! Два!

Ставит отметку в зачетку. Очки падают с носа, но цепочка задерживает их на груди.

16 января 2012 года

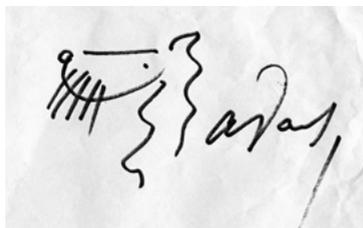
Партизан Давыдов

А. З. Давыдов

Художник-график Анатолий Давыдов пришел на персональную выставку моей супруги, скульптора Галины Додоновой, в Доме дружбы на Фонтанке. Внимательно рассмотрев работы, подошел к автору и высказал свои восторги. Разговорились. Оказалось, они земляки, оба из Ярославля. Закрепили знакомство по русскому обычаю в буфете. Я рассказал, что у моей мамы висит портрет Анны Ахматовой работы художника.

– Ну, я всю русскую литературу перерисовал! Естественно, авторов! – добавил Давыдов.

Прощаясь, художник подарил свою книгу воспоминаний и на отдельном листочке автограф в виде собачонки таксы:

Я в ответ экспромт:

Ему сдались Госхудиздат,
Богиня утренней зари «Аврора»,
И даже Мур смиренно прячет зад,
Боясь укола и укора.
Ах! Анна, перед сном Давыдова прочтешь,
И в темну ночку от восторга не заснешь!

(Госхудиздат – Ленинградское издательство, «Аврора» – ленинградский журнал, Мур – Не московский уголовный розыск, а Мурин, Анна – обращение к поэту А. А. Ахматовой)

*Партизан из муромских лесов
из рода Муриных*

23 февраля 2013 года

Митрофановы

Георгий Александрович Митрофанов – ближайший друг моего отца. Они познакомились еще на заводе «п/я 433» на Обводном канале, который в 1959 году переехал на Московский проспект в Дом Советов и получил название «Ленинец». Они всегда ходили вместе, и друзья прозвали их «Мурин и его подруга». Митрофанов был заядлый охотник. У него водились породистые псы. Он иногда брал отца на лося или кабана. Когда батя отставал от охотников – все-таки сказывалось военное лихолетье – Митрофанов обозначал путь мандариновыми шкурками.

Друг отца Г. А. Митрофанов

Когда мой отец смертельно заболел, Гор Саныч пришел в больницу и громко заявил:

– Пора писать мемуары!

Он был отчаянный автомобилист и учил мою сестру, пианистку Катю, вождению. Та быстро освоила это дело. Правда, инструктор сваливал успехи на то, что у рояля те же педали, как у «москвича». Георгий Александрович страшно переживал гибель младшего сына Славика и вскоре сам угас.

Я дружу с его старшим сыном Валерием, так же как и отец, разносторонне одаренным человеком.

А этот спич я написал давно, когда отмечали круглую дату
Г. А. Митрофанова.

Г. А. Митрофанову (к 80-летию со дня рождения)

Гряньте трубы,
Оркестры играйте,
Радостью звонкой
Стан заполняйте!
А я попрошу
Налить поплнее
Московской, особой,
И выпить дружнее.
Тост наш первейший
Рванем за родного,
Осушим до дна мы
Фужеры спиртного.
А если сегодня
Напьемся без меры,
Оставьте на завтра
Ведерко мадеры!

*Александр Мурин, сын Алексея,
ручку приложил
Град Пушкин (в девичестве Царское Село)*

Письмо Борису Тищенко к 60-летию со дня рождения

Дорогой Боря!

Когда отгремели юбилейные фанфары по случаю твоего появления на белый свет, я решил поздравить тебя с законным вступлением в лоно «шестидесятников». Нашел заветный текст, что остался от отца, инженера Алексея Григорьевича Мурина. Переписал и вложил в красную папку. Мой батя, общаясь на домашних вечеринках с друзьями, часто готовил к застолью

экзотические блюда-байки. Письмо «Запорожцев турецкому султану Магомету IV» он прочитал в 60-х годах. Оно было последней смешинкой этих небожителей.

Первым ушел в 1966 году Н. К. Черкасов, следом в 1972-м отец, потом в 1975-м Д. Д. Шостакович и последним Е. А. Мравинский.

На репинской картине среди запорожцев в белой папахе в образе Тараса Бульбы изображен профессор нашей консерватории Александр Иванович Рубец, «Сольфеджио» которого мы распевали в вузе!

Ты, Боря, сегодня продолжатель их святых дел!

Храни тебя Господь!

*Алексашка Мурло, раб Борин и его творений, руку приложил
в лето 2000 года на берегу речки Фонтанки*

Копию подлинного письма «Запорожцев» прилагаю. А. М.

Предложение Мехмеда IV

Я, султан и владыка Блистательной Порты, сын Ибрагима I, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога на земле, властелин царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, несравненный рыцарь, никем не победимый воин, владетель древа жизни, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешитель мусульман, устрашитель и великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдатьсь мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоиться.

Султан турецкий Мехмед IV.

Отвіт Запорожців Магомету IV

Ти, султан, чорт турецький, і проклятого чорта син і брат, самого Люцеферя секретарь. Якій ти в чорта лицар, коли голою сракою їжак не вбьешь?! Чорт ти, висрана твоя морда. Не будеш ти, сукін син, синів християнських під собою мати, твого війська ми не боїмося, землю і водою будем битися з тобою, враже

ти розпроклятий сину! Распронойоб твою мать! Вавилонський ты жихась, Макэдонський колесник, Іерусалимський бравирник, Александрійський козолуп, Великого і Малого Єгипта свинарь, Армянська злодиюка, Татарський сагайдак, Каменецкий кат, у всего світу і підсвіту блазень, самого гаспида онук, а нашего хуя крюк. Свиняча ти морда, кобыляча срака, різницька собака, нехрещений лоб, ну и мать твою йоб. От так тобі Запоріжці видказали, плюгавче. Не будешь ти і свиней христіанських пасти. Теперь кончаємо, бо числа не знаємо і календаря не маємо, місяц у небі, год у книзі, а день такий у нас, який і у вас, за це поцилуй за цэ в сраку нас!..

Підписали: Кошевой атаман Иван Сирко Зо всім кошем Запорожськім

Этот текст отец, А. Г. Мурин, подарил Д. Д. Шостаковичу. Тот использовал его в «цивильной» редакции М. Кудинова в своей 14-й симфонии.

НЛО (Мусоргский)

Чем больше цари, короли, императоры, диктаторы выжимают капли крови из тряпицы под названием народ, тем все больше и больше по земле разлетаются рубины, из которых вырастают новые титаны, творцы, гении, мыслители...

И так будет всегда, пока жив Человек!

Но Мусоргский – это особое, всепланетное явление. Не верно, что оно родилось на псковской земле в 1839 году. Нет! Это был неопознанный космический объект, залетевший в земную атмосферу из далеких миров, времен и имевший для России счастье, а может, и несчастье, приземлиться у села Карево Псковской губернии, близ чудо-озера Жижица. С тех пор лучшие умы человечества стремятся раскрыть феномен этого явления. В 1881 году пытался Репин, затем Римский-Корсаков, Шаляпин, Ламм, Шостакович, Шнитке, Свиридов, Гаврилин, Симеонов, Рихтер, Вишневская, Ростропович и многие другие. Они старались определить состав, структуру, объем, критическую

массу объекта под названием «Мусор, Мусорга, Мусорянин, Мусоргский», т. е. что-то ненужное, неопознанное, отброшенное от обыденного. И вот уже третий век бьются над этой загадкой, а конца и края не видно!

Напомню, подобный объект – явление «Бах» – человечество стало познавать сто лет спустя с легкой руки Шумана и Мендельсона как что-то чужеродное, ненужное и познает уже четыре столетия...

Спасибо Господу, что он послал нам из космоса Мусоргского!

30 января 2009 года

Гозенпуд – Знаний Пуд

В Троицу, после утренней службы, я бродил по кладбищу Новодевичьего женского монастыря, что на Московском проспекте, 100. Здесь покоится моя мама. У ее надгробия в виде Богородицы у креста стояли и молились монахини. Я тихо отошел, чтобы не мешать, как мой взор привлек свежий холмик над могилой. На плите прочел «Гозенпуд Абрам Акимович» и даты долгой жизни: «1908–2004». На память пришли книги, статьи ученого, которые я штудировал почти полвека назад в Консерватории. Поразились, что Гозенпуд прожил почти век. А рядом могилы моих однокурсников Олега Хромушина и Юры Корнакова.

Как-то в 1950-е годы как всегда стремительно с моим другом виолончелистом Юрием Фаликом мы неслись по третьему этажу Консерватории и чуть не сбили с ног старичка, что шлепал шаркающей походкой нам навстречу. Я спросил Юру:

– Кто этот старик?

– Как, ты не знаешь? Это Гозенпуд – Знаний Пуд! – ответил шуткой одессит Фалик.

10 января 2013 года

Публика – дура

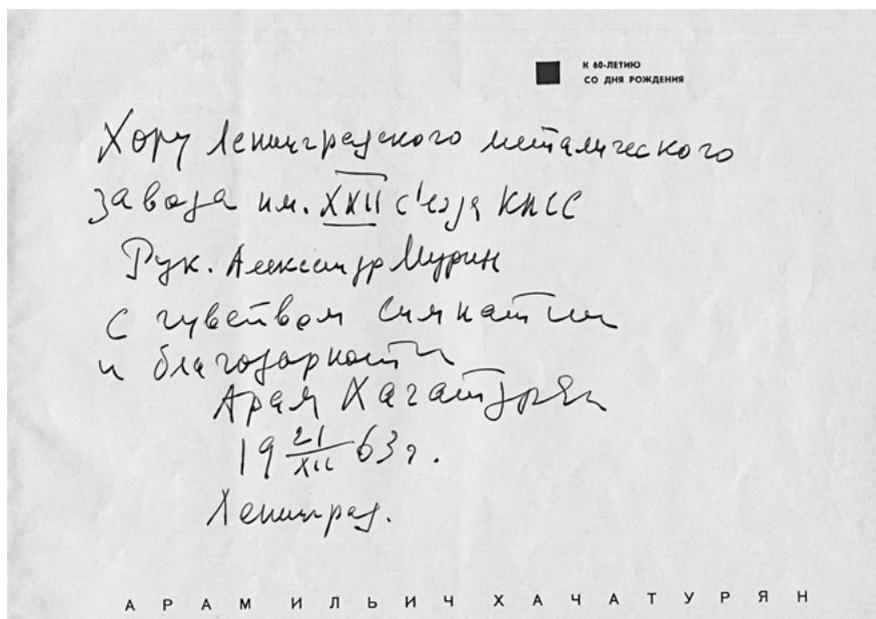
А. И. Хачатурян

В Большом зале Ленинградской филармонии в 1963 году состоялся авторский юбилейный концерт Героя социалистического труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и многочисленных Сталинских премий, профессора Московской консерватории Арама Ильича Хачатуряна. Как известно, его дирижерский дебют состоялся довольно поздно, в сорок семь лет. На юбилее академика С. И. Вавилова композитор «промахал» свой шлягер «Танец с саблями». И с тех пор вошел во вкус. На всех авторских концертах он управлял своей темпераментной музыкой.

На репетиции в Ленинграде маэстро часто убегал со сцены в зал, и его дублировал за пультом молодой дирижер Евгений Светланов. Под его палочкой довольно бравурная музыка звучала спокойно, строго, классически.

На концерте Хачатурян триумфально провел всю программу.

Автограф А. И. Хачатуряна

На сцене два хора (Любители пения при Капелле, Хор Металлического завода имени И. В. Сталина), тройной состав оркестра и шестнадцать арф исполнили «Оду радости» композитора. Автор многократно выходил на поклонны. Дважды на бис провел «Танец с саблями» из балета «Гаянэ», и вот сюрприз – «Русский танец» из того же балета. Хачатурян взлетел на подиум, небрежно бросил оркестру:

– Играем *alla breve!* – взмахнул кулаками-кувалдами и... стал дирижировать на две четверти. Кто-то заиграл под руку маэстро, а кто-то – как тот просил... Получилась куча мала. Арам Ильич снял оркестр и повторил свою просьбу.

Заиграли повторно. И опять просто по дедушке Крылову... Автор снял звучание оркестра, повернулся к залу и гневно, громко изрек:

– И это, говорят, Лучший Оркестр Союза! Не мог подготовиться к моему юбилею!

Размашистым шагом «обиженного» ушел за кулисы. Зал неистово требовал юбиляра. Концертмейстер оркестра, первый скрипач И. А. Шпильберг, проследовал за ним. Вскоре он тащил упиравшегося композитора и возмущенно, на весь зал твердил:

– Нет, ты пойдешь дирижировать, жидовская рожа!

Он дотащил композитора до пульта и, как саблей, взмахнул смычком. Музыканты вдарили по струнам, дунули в свои дудки и сыграли «Русский» без дирижера. Публика решила: «Виновны оркестранты».

– Публика – дурра! – сказал мне Шпильберг после концерта.

27 мая 2013 года

Рыдала гитара

С. А. Сорокин

У моего друга Владимира Ковальчука была супруга Наташа Литвинская. Они вместе окончили театральное отделение в Крупе, Библиотечном институте имени Н. К. Крупской на Марсовом поле, у профессора Генкина, и подвизались в качестве руководителей агитбригад в Ленинграде и области. Наташа была «свой в доску парень». Курила, носила брюки, выпивала в меру в компании. От Володи я знал, что у нее большая коллекция старых нот русских и цыганских романсов. К ней я и обратился, когда в Ленконцерте в качестве педагога-репетитора готовил с молодой солисткой Кировского театра Ольгой Семенихиной программу.

Мы приехали в старинный двухэтажный домик, что стоял на углу Греческого проспекта за гостиницей «Октябрьская», где жила Наташа. Она открыла на кухне огромный сундук и извлекла из него нотные раритеты. Боже! Это были первые публикации популярных романсов. Многие с автографами и посвящением Катюше и Сергею Сорокиным. Хозяйка этого клада Наташа Литвинская была их внучкой, а дом, в котором мы оказались, родовым гнездом цыганского клана Сорокиных-Шишкиных.

Я знал Сергея Александровича Сорокина, что аккомпанировал на гитаре в БДТ имени М. Горького и в Пушкинском театре в спектаклях и был другом А. Ф. Борисова, Б. А. Фрейндлих, профессора-медика П. К. Булатова. А его старшая сестра Екатерина Сорокина была в начале века известной цыганской певицей и блистала среди звезд Вяльцевой, Плевицкой, Паниной. Закончив певческую карьеру, подвизалась на сцене артисткой миманса в ролях «породистых» дам высшего света, снималась в эпизодах на «Ленфильме». Помню, как она выходила в Оперной студии нашей Консерватории в роли царицы в екатерининском акте в опере Чайковского «Пиковая дама». Придворные склонили головы и голоса: «Славься сим, Екатерина! Славься добрая к нам мать!», и входит баба Катя в costume царицы, и в этот момент опускался занавес.

На огромной сорокинской кухне Ольга Семенихина и гитарист Сергей Трифонов исполнили всю программу в полный голос для одного слушателя — Наташи Литвинской. По окончании «концерта» хозяйка вытащила из заветного сундука фото на паспарту. На нем адмирал в старинном кресле внимательно слушает певицу и двух гитаристов.

— Это А. В. Колчак, а это баба Катя и дядя Сережа исполняют любимый романс адмирала «Гори, гори, моя звезда...», — уточнила Наташа.

— К слову, пение Сорокиных слушали Рахманинов, Горький, Чичерин, Бухарин, — добавила Литвинская.

Мы стояли над сундуком с распахнутыми от удивления ртами. Наконец все раритеты аккуратно перекочевали на свое место. Замок со скрипом замкнулся, а сундук накрыли пыльным домотканым ковриком.

Другой раз я воспользовался кладом на Греческом проспекте, когда репетировал с певцом и гитаристом Сергеем Бариновым (сыном оперной дивы Риммы Бариновой) программу белогвардейских романсов. Прослушав наше «творенье», директор Ленконцерта Г. М. Полячек заметил:

— Мурин! Это здорово! Но у нас неупотребимо! Это чистая белогвардейщина!

И он был прав. Худсовет запретил программу.

В годы перестройки Сергей Баринов с успехом пел романсы в частном ресторане на углу Фонтанки и Гороховой. С ним в паре импровизировал за роялем замечательный музыкант Виталий Понаровский. Встретив меня на Фонтанке в Ленконцерте, он сказал, как всегда заикаясь:

— Спспассибо тебе за Сержа и белогвардейцев!

Последний раз я встретил Сорокина незадолго до его кончины. Мы сидели с профессором П. К. Булатовым в столовой его дома в театральном поселке на 101-м километре Карельского перешейка. Солнечное, жаркое утро. Жена профессора готовила праздничное угощение. Вдруг под окном раздались переборы гитары и высокий тенорок запел:

— Выпьем мы за Палю! Палю дорогого, где еще ты сыщешь лекаря такого! — и хор подхватил здравицу.

Адмирал А. В. Колчак слушает цыганскую певицу Катюшу Сорокину и гитаристов Сергея Сорокина, Алексея Шишкина

В окне появились две круглые рожицы в очках и белых рубахах. Это были С. А. Сорокин и А. Ф. Борисов. А за ними другие артисты. Пантелеймон – Паля – махнул рукой:

– Заходите, гости дорогие! – и, обращаясь к жене: – Анюта! Срочно закуски на стол!

Достал из ящика бутылки водки и коньяка и пошел на крыльцо встречать шумную компанию. Вечером был пир горой с песнями, хохмами лицедеев. Но центром была гитара дяди Сережи Сорокина.

В 1981 году в Доме искусств на Невском состоялся вечер памяти С. А. Сорокина. А. Ф. Борисов вынес на сцену футляр, распахнул цыганскую шаль, и верный друг дяди Сережи, знаменитая гитара, слушала пение артистов Виталия Ретюнского, Ольги Семенихиной, Константина Адашевского, Александра Борисова и других. В заключение вечера, когда включили запись «Малярки» в исполнении С. А. Сорокина, зал слушал ее стоя! После концерта долго не расходились. Наташа Литвинская подарила мне старую, начала века фотографию юноши Сережи

Сорокина. На обратной стороне надписала «Сане Мурину, моему другу, знатоку цыганского романса». А я на трапезе сказал несколько слов в память о замечательном музыканте:

Рыдала гитара, стонала гитара.
В подвале среди смрада, на сцене у бара,
Охрипший артист за «шамовку с водярой»
Тянул свою тройку, что скачет до «Яра»,
Осилит, додюжит, и сердце рванет
И нас за собой в этот мир заберет.

Р. С. Недавно узнал, что гитару С. А. Сорокина Александр Федорович Борисов выкупил у родственников музыканта и передал на вечное хранение в Театральный музей, что у Александринского театра, последнего места службы музыканта.

5 мая 2012 года

А. Кроль, А. К. Александрович, Н. Л. Вельтер, А. А. Мурин, В. А. Май, А. Ф. Борисов, Г. М. Полячек, О. Семенихина, К. И. Адашевский, С. Трифонов. Вечер памяти С. А. Сорокина во Дворце работников искусств. 24 апреля 1981 года

Совет шамана

Закон волков

В 70-годах XX века в наш город в творческие мастерские при Ленконцерте с Камчатки для подготовки новой программы приехал корякский национальный ансамбль «Мэнго».

Мне предложили заняться вокально-хоровой работой. На роль балетмейстеров позвали артиста из Кировского театра Юрия Дружинина и из Малого оперного Владимира Ган-Урбановича. Мы быстро нашли общий язык с руководителем ансамбля Александром Гилем. Ленинградские композиторы сочинили номера на основе коряцко-ительменского фольклора, а мы воплощали их в жизнь. Ансамбль «Мэнго» был специфичен. 30 девчат и ребят, воспитанников дальневосточных училищ. Причем девчонки стройные, как тростиночки, а мальчишки, наоборот, грузноватые, неуклюжие, как мишки, но ловкие и быстрые. Первый номер «Чайки» нас очаровал. Девчонки носились по сцене и движениями рук напоминали птиц, одновременно издавали гортанные звуки, как чайки кричат, ссорясь из-за пойманной рыбешки над волнами. Я в мгновение перенял эти звуки. Ребята меня зауважали, а когда разучил их любимые народные мелодии, просто влюбились... в пение. С собой ансамбль привез несколько здоровых сундуков с экзотическими меховыми одеждами из натуральных шкур. Они запирались на секретные замки и запечатывались сургучом. Участники ансамбля относились к редкому, вымершему в Америке народу ительменов. Среди них был настоящий шаман по имени Иосиф. Это имя ему дали в честь вождя всех времен и народов. В сценке «Свадьба в тундре» он играл самого себя. Он бил колотушкой в огромный бубен и, когда молодые подходили к нему за благословением, неожиданно наклонялся и включал кнопку японского магнитофона, из которого раздавались звуки свадебного марша Мендельсона. Это вызывало всегда взрыв хохота публики и долгие овации. Именно Иосиф как-то дал мне совет, как встречаться со стаей волков. Когда звери нападут на тебя, не отворачивайся от них, а иди навстречу и выбирай вожака. Если он повернет от тебя, то и вся стая, поджав хвосты, убежит за ним!

Готовую программу ансамбль показал в Ленинграде. А потом объехал с ней всю Европу и Америку. Хозяин заводов Форд подарил руководителю ансамбля Гилю новейший автомобиль. С ним произошел забавный случай. Его сгружали с парохода во Владивостоке, и такелажники разбили крыло и фару. Александр написал Форду письмо с просьбой выслать запасные детали, а тот подарил Гилю еще одну новую машину, которую балетмейстер передал какому-то важному чиновнику из министерства, а сам ездил на разбитой. Памятуя рассказ о волках шамана Иосифа, я написал притчу:

Предать любовь легко подчас,
Предать друзей – трудней!
Любовь окутывает нас,
С друзьями – веселей!
Предай друзей – велели мне
«Друзья» моих друзей!
А я молчал и выбирал:
Какой из них сильней!

Эти строки любил повторять мой друг поэт Юрий Красавин.

30 сентября 2012 года

Отсебятина

В. Н. Салманов

В 1957 году на занятие по хоровой аранжировке в Консерватории в класс профессора А. А. Егорова я пришел и положил на пульт свой несовершенный опус – хор на стихи Александра Блока «Песни весны». Учитель внимательно проиграл его на рояле и вдруг с улыбкой сказал:

– Шура! А ты молодец! Мне твоя писанина понравилась! Обязательно покажи маме. Пусть она разучит с Капеллой, как сделала это с «Тройкой» Броневицкого!

Я шел по третьему этажу Консерватории в состоянии эйфории: «Получилось! Сан Саныч похвалил!» Чувствовал, что на спине растут робкие белые крылышки. Остудила мой пыл мама, что вышла из дирижерского класса и, увидав восторженный вид будущего гения, строго спросила:

– Ты что болтаешься по коридорам? Идем к В. Н. Салманову, он покажет новый хоровой цикл! Мы зашли в композиторский класс. Вадим Николаевич галантно поцеловал мамину руку, и они присели к роялю. Мама с листа сыграла изумительную новинку. Из-под ее пальцев клавиши пели, как ангельский хор. После Салманов вручил маме рукопись, а та спрятала ее в сумку.

С того дня в свободное от занятий и репетиций время я торчал, как степной сурок, в классе профессора В. Н. Салманова, иногда показывал ему свои «песнопения». Часто по поручению мамы отвозил авторские ноты, что разучивала с Капеллой она. У меня и Вадима Николаевича оказалась общая страсть – фотография. Он любил фиксировать на пленке картины русской природы, всяких зверюшек, букашек. Мог часами рассказывать о животных, травах, цветочках. Его близким другом по этой страсти был Евгений Александрович Мравинский, который в юности мечтал стать биологом и даже учился в Университете. Он высоко ценил музыку В. Н. Салманова и с большим успехом исполнял его две симфонии, пронизанные картинами родной природы.

Мама приготовила с Капеллой ораторию композитора «Двенадцать» по Блоку, и она прозвучала в Большом зале Филармонии. На сборнике своих сочинений он написал: «Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой! Крестной матери всего моего хорового творчества! Плененный ею В. Салманов».

После смерти в 1959 году А. А. Егорова я свои «песнопения» показывал только Вадиму Николаевичу. Как-то проиграл ему новую песню. Он минуту помолчал, а потом сказал:

– Шура! Запомните истину! Музыку надо сочинять по принципу: одна треть от классиков, другая треть от Учителя, еще одна треть от себя! А у Вас сплошная ОТСЕБЯТИНА!!!

На удивление песня «Гавана» получила широкую огласку. Под нее вот уже 50 лет шагают солдаты на парадах в столице свободной Кубы.

Ну а хор на стихи Блока мама не стала учить с Капеллой:
– Понимаешь, это неэтично! – вынесла она свой вердикт.
Я послал его А. В. Свешникову, и тот пел его со своим Хором
русской песни СССР.

При встрече похвалил меня и добавил:

– Шура! Мои певцы пели его с удовольствием!

Тогда на нотах я дерзнул написать «Посв. А. В. Свешникову»!

9 февраля 2014 года

Александр Васильевич Свешников

А. В. Свешников – ярчайшая личность в музыкальном искусстве XX века.

В молодости, еще до 1917 года, он окончил как контрабасист Московское филармоническое училище, брал уроки в Народной консерватории у самого С. И. Танеева, хормейстер во МХАТе у К. С. Станиславского и В. И. Немировича–Данченко, друг писателя В. Г. Короленко, создатель в 20-х годах Музыкальной колонии для беспризорных под Полтавой, основатель первого Хора радио, создатель Хора русской песни СССР, Московского хорового училища мальчиков, председатель Всероссийского хорового общества, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской и Сталинских премий, народный артист СССР. И за всем этим скрывается русский умелец, человек титанической энергии, которому Господь на все это отпустил девяносто лет жизни.

Мне довелось общаться с этим уникальным человеком и музыкантом, дружить. Хотя последнее слово сказано слишком. Просто он наблюдал за моей карьерой, давал советы о моей музыкальной «писанине». Первый раз я увидел Александра Васильевича в далеком военном 1943 году в городе Горьком, где Ленинградская певческая капелла, которой руководила моя мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, находилась в эвакуации. В тот год она получила из Москвы предложение к 50-летию со дня смерти П. И. Чайковского разучить и исполнить в столице

На прогулке у Зимней канавки Саша Мурин (ученик 6-го класса Капеллы), Владимир Минин (студент 1-го курса Московской консерватории), А. В. Свешников, Катя Мурина (ученица школы-десятилетки при Консерватории). 25 февраля 1950 года

в Большом театре под управлением Н. С. Голованова шедевр «Литургию Иоанна Златоуста». Перспектива попасть в Москву и улучшить бедственное положение 67 певцов и их близких вынудило маму аврально выучить сочинение. На генеральный прогон «Литургии» пришло все партийное начальство города. С ними в партер театра вошел высокий поджарый мужчина в круглых очках с большими линзами. Это был Свешников. Прослушав «Литургию», он в пояс, до пола отвесил поклон Капелле и второй поклон маме. Партийные начальники куда-то увели маму. В результате Капелла получила «гонорар»: машину

А. Г. Мурин, А. В. Свешников. 1957 год

картошки и бочку капусты. Так Чайковский «выручил» коллектив! А Свешников на первой же репетиции своего Хора русской песни, что гастролировал в Горьком, с досадой сказал:

– Вот, Ленинградская капелла, голодная, раздетая, разутая, а как поет! Поучились бы!

В 1944 году, в преддверии нашей победы, в Ленинград приехал с концертами Хор русской песни СССР под руководством А. В. Свешникова. Мы с мамой, что до войны работала с Александром Васильевичем в Капелле, пришли на репетиции и концерты москвичей в Большой зал Филармонии. Пение хора поразило мою маленькую душу своей необычайной теплотой. А солисты Татьяна Благосклонова и Федор Мамонтов навсегда запали в сердце. С тех пор в каждый приезд хора, а они были регулярно, я торчал на всех репетициях и концертах. Причем, когда консерваторские педагоги пытались «прорваться» на репетиции, Свешников закрывал перед их носами двери. Они жалобно скулили:

– А почему Сане Мурину можно, а нам нельзя?

Свешников из года в год повторял одну и ту же фразу:

– Ему можно, а вам нет!

Исключение делалось маме, профессору А. А. Егорову и профессору-медику П. К. Булатову, который снабжал А. В. чудодейственными настоями на травах и выжимках березового гриба – чаги.

Всех удивлял необычный круговой дирижерский жест Свешникова! Он управлял своеобразно. Отвергнув обычные дирижерские сетки на 1-4, 2-4, 3-4, он заставлял певцов тянуть гласную, пока рука не достигнет вершины круга, и в верхней точке они должны «выстрелить» согласные, шипящие и другие, непоющиеся звуки. И вот снова звучит царица – гласная! Этот жест плохо понимали артисты оркестров, когда хор и солисты исполняли под управлением А. В. «Реквием» Моцарта и другие кантаты. В 1957 году мама создала при капелле Хор любителей пения. А. В. каждый приезд в наш город заходил на наши репетиции, дарил свои обработки-шлягеры. Как-то он дал мне мелодию итальянской песни «В морском просторе» для обработки и похвалил, прослушав ее на очередной репетиции. Мы знакомили Свешникова с хорами зарубежных авторов, где я делал русские

А. В. Свешников. 1959 год. Большой зал Ленинградской филармонии. Государственный хор русской песни СССР

Экскурсия по Ленинграду.

Внук А. В. Свешникова Андрей Вячеславович Свешников, А. А. Мурин.
Фото Вячеслава Алекс. Свешникова. 1982 год

стихотворные переводы (Моцарт «Канон», Вебер «Вольный стрелок» и т. д.), и вскоре я заделался у А. В. «штатным рифмоплетом». И что существенно, получал солидные гонорары. Свешников ревностно следил за моими музыковедческими работами в Консерватории и регулярно присылал свои отзывы: «Шурик! Получил письмо и работу о Гречанинове. Работа хорошо написана. Я ее дал на хоровую кафедру. У меня создалось мнение, что тебе следует идти в аспирантуру. Привет родителям и Катюше. А. Свешников. 1960 год». В 1972 году А. В. Свешников подарил мне книгу Александра Рекемчука «Мальчики», по которой был снят фильм «Учитель пения». Главного героя, прототипом которого был А. В., сыграл Народный артист СССР Алексей Попов. Но он абсолютно не был похож на А. В. Свешникова! На книге дарственная надпись: «Хорошему Шурику Мурину. На добрую память. А. Свешников. 12.3.72».

В далеком 1942 году на первую репетицию Хора русской песни СССР Свешников пригласил своего старого друга, маршала К. Е. Ворошилова, и из московской шарашки моего отца, Алексея Григорьевича Мурина, и 10 лет спустя уже в Ленинграде, вручил ему «Почетную грамоту», как первому слушателю!

В моей домашней библиотеке хранится подарок Александра Васильевича Свешникова – партитура 9-й симфонии Бетховена. На ней надпись: «Шурик! Желаю, чтобы жизнь твоя была бы такая же радостная, как музыка Бетховена! А. Свешников». А в архиве сотни фото А. В. Свешникова, что сделал своим «ФЕДом» мой отец.

20 февраля 2014 года

Клавдий Борисович Птица

К. Б. Птица – народный артист СССР, профессор, заведующий хоровой кафедрой Московской консерватории, художественный руководитель Хора столичного радио. С ним меня свела судьба в горестные декабрьские дни 1953 года, когда на сцене капелльского зала во время генеральной репетиции «Реквиема» Берлиоза скоропостижно умер наш общий любимый учитель Г. А. Дмитриевский. В 1956 году на третью годовщину его кончины в Капелле был памятный концерт, где с вступительным словом-докладом выступил К. Б. Птица. А после пел хор Капеллы под управлением Е. П. Кудрявцевой, что сменила Дмитриевского на посту руководителя. В эти дни Птица, как и другие хоровики, открывал памятник на могиле Учителя на Литераторских мостках Волкова кладбища. У меня сохранилась фотография этого события. У мраморной колонны, на которой выбиты строки из «Реквиема», стоят друзья, ученики, певцы хора. Вечером, после визита к вдове Дмитриевского Клеопатре Николаевне, Птица навестил нас, благо жили мы в одном капелльском дворе. С тех пор он был постоянным председателем государственной комиссии в Консерватории и оппонентом на защите работ в Библиотечном институте у П. П. Левандо и И. И. Полтавцева.

1957 год проходил под знаком VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Многочисленные отборы, конкурсы, прослушивания лучших коллективов. Наш хор «Трудовые резервы Ленинграда» под руководством А. Г. Мурина, где я подвизался хормейстером, приехал в Москву. Всеми конкурсами «заправлял» профессор Консерватории В. Г. Соколов. Ответственным секретарем был преподаватель из Ленинграда А. А. Юрлов. Мы сутками торчали в Доме союзов на выступлениях наших конкурентов. Хоры китайских, венгерских, моравских студентов. С многими руководителями мы обменивались репертуаром. Но всех поразил коллектив из Белграда под управлением Богдана Бабича, который в сопровождении нашего симфонического оркестра исполнил кантату немецкого композитора и педагога Карла Орфа «Кармина Бурана». Сейчас ее знает весь мир, а тогда она нас ошеломила! После кантаты югославы камерным составом исполнили незнакомые у нас негритянские спиричуэлсы. Эти ноты я получил в подарок от Бабича. Клавдий Борисович Птица пригласил меня домой с присказкой:

– Саш, а Саш! Приходи, чайку попьешь! – и дал задание: выпросить у Богдана Бабича ноты Орфа, снабдив меня сборниками обработок Свешникова, Соколова, Птицы и др. С этим грузом я явился в гостиницу к Бабичу. Тот не ломался, и обмен состоялся. «Кармина Бурана» оказалась у Птицы, и он разучил ее с хором радио.

В 1959 году скончался мой профессор по аранжировке А. А. Егоров. На панихиде К. Б. Птица сказал проникновенное прощальное слово от московских хоровиков, а черновик подарил мне. С хором «Трудовые резервы Ленинграда» я каждый год бывал в Москве и всегда навещал гостеприимный дом Птицы. Между нами сложились необычайно доверительные отношения. Я посылал ему свои робкие хоровые опусы и музыковедческую «писанину» и получал обстоятельные ответы:

«Дорогой Саша! Твою рукопись о Сахновском я передал в Музгиз (забыл, как он теперь называется?). Обещали материал пустить в дело, хотя и ужмут порядком. Передай привет Е. П. Кудрявцевой, А. Г. Мурина и еще Е. А. Муриной. Я сижу дома и болею трахеитом. Это тоже дело. Целую вас всех скопом. Ваш К. Птица. 5.5.64».

Федор Михайлович Козлов, Владислав Геннадьевич Соколов, Клеопатра Николаевна Дмитревская, Клавдий Борисович Птица, Иван Иванович Полтавцев. Надгробие Г. А. Дмитревского. Декабрь 1956 год

«Милый Шурик! Большое спасибо за присланный „опус“. На мой взгляд, хоры написаны с искренним чувством. А то, что они невелики по объему и ясны по гармоническому языку, так это относится к самым лучшим достоинствам хоровой музыки. К сожалению, теперь композиторы, обращаясь к хоровому жанру, считают необходимым сделать из хоровой миниатюры гармоническую помойку, откуда раздаются либо истошные вопли, либо хрипенье гибнущих в бескрайней тесситуре хоровых голосов. Может быть, у меня подберется вскоре небольшая программа и я смогу использовать что из присланного тобою.

Надеюсь в ноябре-декабре побывать в Ленинграде (на защите диссертации П. Левандо) и тогда хотите не хотите, приду смотреть на внучку (на общественных началах). Пока же сижу дома и болею. Обнимаю тебя и всех твоих родных. Поклон и салам. Твой К. Птица. 23 окт. 1965 г.»

В 1984 году профессор Московской консерватории Б. Г. Тевлин прислал нам последнюю книгу К. Б. Птицы «О музыке и музыкантах», изданную уже после смерти автора, в 1983 году. Вот эпитафия к ней: «Русский характер, русская красота, русская

песня... Может быть, я покажусь субъективным, но это грани образа Родины для меня соединились в нерасторжимом сплаве с понятием русское хоровое искусство, русский хор. Я отдал ему около полувека жизни и деятельности. О хоровой культуре я и хочу повести сегодняшнюю беседу. Клавдий Птица».

В этих словах весь Клавдий Борисович Птица. Музыкант, Учитель, Человек!

8 февраля 2014 года

Шутка дяди Саши

А. А. Юрлов

Как-то в 50-х годах в теплой дружеской компании шутник, педагог Консерватории Александр Александрович Юрлов, поведал нам байку.

Густав Густавович Эрнесакс, Александр Александрович Юрлов, Елизавета Петровна Кудрявцева. Таллин. 1974 год. Праздник песни

– Птица, Соколов, Сорока спрятались за Ширму, поели Мяскового со Сметаной, выпили Чайковского с Бизе, вдруг в Шопене сделалось Пуччини, они выбежали на Дворжак и сотворили Гуно, зарыли его в Глинку и прикрыли Листом!!!

Все слушатели, а это были в основном капеллане, от души заржали так, что «Глазуновка» заходила ходуном. «Глазуновка» – закусочная на улице Декабристов близ Консерватории, где по преданию композитор А. К. Глазунов любил пропустить стаканчик «Смирновской». Тем более, что первые четыре героя байки были наши современники, хоровые дирижеры, народные артисты СССР, профессора консерваторий К. Б. Птица, В. Г. Соколов из Москвы, А. Н. Сорока из Киева, Г. Р. Ширма из Минска. В дальнейшем я часто встречался с ними на правительственных концертах в Кремле, фестивалях, праздниках песни в Таллине и Риге и каждый раз вспоминал, конечно, мысленно, байку дяди Саши Юрлова.

6 марта 2014 года

Как отпевали Ахматову

В начале 60-х годов прошлого века ко мне на репетицию хора Металлического завода имени И. В. Сталина, что на Выборгской стороне, где я был руководителем, певцы привели довольно молчаливую глазастую с крутыми дугами бровей девушку. Лариса Качалова и Тоня Лемишевская из инженерного корпуса попросили меня:

– Саня! Пусть наша подруга посидит на репетициях. Не тревожь ее своими расспросами и вокальными пробами. У нее горе – отец погиб, попал в Сосново под электричку!

Потихоньку незнакомка осмелела и тихонько стала подпевать альтам. Ее звали Александра Прибыловская. Оказалось, живет она в Питере недалеко от меня. Мы после репетиций часто возвращались вдвоем. Она – на Съезжинскую улицу у зоопарка, а я – на набережную Лазарева, у завода «Вулкан». В результате произошло то, что бывает в таких случаях. В 1965 году мы

сыграли свадьбу во Дворце бракосочетания на Неве, где директором была моя хорошая знакомая Клара Емельянова. Вскоре появился сынишка Вовка. Я перебрался жить в коммуналку к жене. Собственно, до 1917 года это была респектабельная квартира № 19 в доме № 21 и принадлежала знаменитой певице, у которой в няньках служила мать моей тещи. Именно Анна Васильевна и выписала из псковской глуши двух дочек, выдала замуж, одна из них, Зоя Тимофеевна, и стала моей тещей. Отдельно стоит сказать о коммуналке, в которую я перебрался жить. Именно в ней я понял окончательно, как жил угнетенный рабочий класс при загнивающим капитализме.

Одну из пяти комнат площадью в шестнадцать метров занимали мы: я, жена, сынишка, теща, старуха-бабка. Другую – работяга, пьяница, дядя Миша Пашковский. Его жена ставила на кухне ежедневно на стол пол-литра водки и бутылку кефира. И он это выпивал! В третьей комнате, метров за сорок, проживала старая выжившая из ума актриса, этакая Пиковая дама, что целыми днями следила сквозь щелку за соседями... Напротив в двух комнатах обитала семья священника из Гатчины, отца Василия (в миру Василия Емельяновича Бутыло), его матушка Зинаида и двое малышей: мальчик и девочка. Зинаида как-то призналась мне, что она была в молодости секретарем комсомола в одном ФЗУ, но ради Васеньки бросила «политическую» карьеру. О. Василий каждое утро отправлялся на такси в Гатчину, где у него в храме был приход, и пел приличный женский хор, составленный из талантливых студенток медицинского и педагогического училищ. Мы с ним часто беседовали на философско-возвышенные темы. Он в дальнейшем крестил нашего первенца и моих внуков Вову и Васю и был у троицы духовником.

Местом дискуссий с соседями была огромная, метров за пятьдесят кухня с двумя газовыми плитами и четырьмя кухонными столами. Граница каждого была как граница СССР. Не дай Бог сдвинуть, нарушить на сантиметр в одну или другую сторону – стреляют! Возникали скандалы мирового масштаба с размахиванием кулаками и топором!

В первых числах марта 1966 года о. Василий, встретив меня на кухне, как-то обыденно бросил:

– Завтра в Никольском отпеваю вашу Ахматову!

Я оторопел. Сказать честно, творчество поэта знал поверхностно, хотя обожал песню Александра Вертинского «Сероглазый король» на ее слова. Об ахматовских «Реквиеме», «Поэме без героя» и «Посвящении Шостаковичу», запрещенных властью, понятия не имел. Но все-таки от любопытства дерзнул:

– Отец Василий! Возьмите меня в Никольский собор!

Тот согласился. На следующий день мы заранее подошли к Никольскому морскому собору. При входе комсомольский патруль «заворачивал» молодых ребят и девочек с панихиды. Отец Василий решительно бросил им:

– Это со мной! – и указал на меня. В храме было полно народу. Мы с трудом протиснулись к алтарю. На несколько минут о. Василий исчез в подсобке и вернулся в полном церковном облачении. Он подошел к настоятелю храма, высокому, статному священнику о. Александру, и они стали о чем-то договариваться. Служители раздавали свечи. Мерцали люстры. Вдруг рядом со священниками возник, как бы из ниоткуда, «человек в штатском» и грубо обратился к о. Василию:

– Батюшка! Разоблачайтесь! Одного хватит на эту...

Минутное замешательство разрешил отец Александр. Он утешил:

– Отец Василий! Я попрошу Вас отслужить литию на кладбище в Комарово!

О. Василий снова удалился в каптерку и вышел из нее в цивильном костюме. Между тем панихида шла своим чередом. Дымились свечи, многие беззвучно рыдали. Толпа плотной стеной стояла вокруг гроба с усопшей. Хор пел знакомые мне псалмы Бортнянского, Чеснокова, Шведова. После прощания какие-то крепкие мужики вынесли гроб на улицу и бойко засунули его в похоронный драндулет. В него на кресло рядом с водителем залез о. Василий с огромной хозяйственной сумкой, где, видимо, лежало его церковное облачение. Кавалькада тронулась в Комарово. Оставшиеся махали вослед платками, кто-то посылал крестное знамение...

На следующий вечер в коммуналке о. Василий, встретив меня на кухне, сказал:

– Зарыли вашу Ахматову! – и добавил: – Достойно!

Прошло полвека! Все эти годы мой сын Владимир дружил с отцом Василием, навещал его в Сусанино под Гатчиной, где служил престарелый батюшка, помогал по хозяйству: что надо прибить, починить по дому и в храме. От сына узнал, что Василий Емельянович стал часто болеть. А недавно он переехал в город в новую квартиру рядом с Шуваловским храмом, где вел пасторские беседы. А в прошлом году тихо упокоился на Смоленском кладбище Петербурга, у входа на погост с улицы командора Витуса Беринга. Через несколько недель к нему подхоронили и матушку.

Пусть им земля будет пухом! Вот и весь сказ.

12 февраля 2014 года

Что у вас, ребята, в рюкзаках?

Ю. М. Зарицкий

С Юрием Зарицким меня познакомил мамин ученик по Консерватории Александр Козловский. Он был замечательным оркестровщиком и высоко котирировался у ленинградских композиторов.

– Вот, Юра, у Шурина-Мурина есть толковый мужской ансамбль в Доме культуры МВД. Ты дай ему свои песни – он выучит и исполнит! – сказал Пан Козлевич. Так величали Сашу мы с капелльских времен.

В шестидесятые годы в стране был бум туристской гитарной песни. От Белого моря до Владивостока гремели под гитару песни Окуджавы, Кима, Визбора, Городницкого, Высоцкого. Юрий решил внести свою профессиональную лепту.

Через неделю он позвонил и передал для исполнения в Доме композиторов на улице Герцена два своих опуса: «Что у вас, ребята, в рюкзаках» и «Песню туриста» («По горам ты топай, топай! За веревочку держись!»). Мой ансамбль исполнил их впервые на вечере с новыми сочинениями В. П. Соловьева-Седого, Г. Н. Носова, Д. А. Прицкера, А. П. Петрова. Причем за фортепиано аккомпанировали сами авторы.

Еще через некоторое время Юрий Зарицкий передал мне новую работу – оркестровку песен Ганса Эйслера на стихи Брехта, Вайля, Маяковского для солиста, мужского хора и джазового ансамбля. Эти песни, из репертуара певца-антифашиста Эрнста Буша заново перевел на русский язык главный музыкальный редактор ленинградского радио Сергей Михайлович Барский. Я быстро выучил песни с моим другом, молодым солистом Кировского театра Валерием Малышевым, и мужским хором Любителей пения Ленинграда, в котором подвизался хормейстером. Собрал оригинальный инструментальный ансамбль (труба, саксофон, ударные, три рояля, за которыми музицировали А. А. Владимирцев, Е. П. Кудрявцева, Т. Р. Кухалев). Запись прошла успешно в эфир, а вскоре на ее основе сняли фильм «Песни борьбы и труда», где главную роль сыграл Валерий Малышев. Как сообщил С. М. Барский, его знакомый Эрнст Буш был доволен.

Судьба Юрия Зарицкого трагична.

Он с артистами Ленконцерта давал авторское выступление перед рыбаками в поселке Громово на Вуоксе на Карельском перешейке. После в знак благодарности его пригласили на элитную рыбалку. Ну как откажешь! Сам Юрий Гагарин здесь рыбачил и охотился! Зарицкий сел в лодку к бригадиру местной рыболовецкой артели. Моросил осенний дождь. Закрепили над суденышком брезентовый тент. Взревели два мощных «Вихря». Лодка понеслась, подпрыгивая на водяных бурунах. На одном она взлетела, как ракета в воздух, и вонзилась, перевернувшись в Вуоксу. Ушла под воду, застряв намертво между двух подводных валунов...

Через неделю водолазы в тяжелых скафандрах вытащили лодку и двух погибших. У обоих вскрытие показало разрыв сердца!

Песни ленинградца Юрия Зарицкого сегодня звучат в туристских походах и на горных перевалах как народные!

2013 год

Кира

К. Ю. Лавров

В 1956 году к нам на репетицию хорового класса в Консерваторию на последний час занятий пришла незнакомая дама. Она внимательно разглядывала лица нашей оравы, подходила к каждому, спрашивала фамилии и что-то записывала в блокнот. Эта мадам оказалась режиссером с «Леннаучфильма» Марией Клигман. Она отобрала пятнадцать студентов, в основном старшекурсников, с явно славянской внешностью: Леша Осипов, Вова Максимков, Валя Окулышин, Тима Кухалев, попал в эту компанию и я. Нам объяснили, что на студии снимают фильмы о трех видах искусств: о балете «Приглашение к танцу», об актерском деле «Путешествие в театр» и о хоровом искусстве «Встреча с песней». В фильме мы должны играть самих себя. Занятие с нами по хоровому дирижированию будет вести, естественно, по сценарию профессор Московской консерватории Владислав Геннадьевич Соколов. Мы будем изображать студентов, что под его чутким руководством разучивают песню «Гибель Варяга» в обработке А. В. Свешникова. Под наше «махание» петь будет хор Ленинградской капеллы. Дама назвала адрес студии, время, день съемок и попросила одеть «цивильные» костюмы, рубашки и галстуки.

– Вам выдадут гонорар, – уточнила она.

В назначенный день мы явились на студию. В павильоне вовсю шла репетиция. За дирижерском пультом капелланами управлял незнакомый, но страшно симпатичный, курносый паренек. Красавец Владислав Соколов делал ему профессиональные замечания:

– Кира! Ауфтакт! Четче! Четче!

– А что такое ауфтакт? – взмолился молодой дирижер. Владислав Геннадьевич Соколов, узрев меня, а мы были знакомы ранее по московским правительственным концертам, где я служил скромным хормейстером, дружески попросил:

– Шура! Объясни Кире, что такое ауфтакт! Действуй!

Мы отошли в сторонку, я поинтересовался, где мой подопечный учился музыке. Кира в ответ:

– Я военный технарь! Музыку очень люблю!

Я заметил, что мой отец тоже военный инженер, но отлично «шпарит» на рояле и скрипке.

– Ну как тебе объяснить, что такое ауфтакт?

И тут пришла неожиданная мысль:

– Ты выполнил чертеж современного самолета, и в итоге в углу надо обозначить свои реквизиты. Чертил такой-то. Ты обмакнул рейсфедер в банку с тушью и понес ее через весь чертеж и вдруг на твоё творчество падает огромная, жирная клякса!!! Какова твоя реакция?

Кира резко дернул руками вверх.

– Вот это и есть ауфтакт! – уточнил я.

– Так просто! – удивился Кира и еще несколько раз взмахнул руками. Я похвалил его.

Тут в студии объявили конец перекура, и началась съемка. Мы сидели за столами. Каждый рвался дирижировать. Но Кира «вмазал» энергично ауфтакт, и хор зычно запел «Плещут холодные волны...». Соколов по сценарию подошел к дирижеру, и они дуэтом закончили «Песню о Варяге». Через куплет режиссер завопил:

– Спасибо! Снято! Всем спасибо!

Уходя со студии, Владислав Соколов бросил:

– Послушай, Шура! Кира вешает мне на уши лапшу, что у него нет дирижерского образования и что он всего в бывшем авиационный техник! Ну дает, АРТИСТ???

Будучи в Большом драматическом театре по блату (контрамарка В. П. Полицеймако) на сцене я увидел моего нового знакомого Киру! В программке прочел: «В роли – К. Ю. Лавров». С тех пор я поклонник таланта этого гениального Артиста!

8 февраля 2014 года

Руки

На концерте в «Лужниках» Борис Штоколов из Свердловска исполнял «Элегию» Массне в сопровождении фортепиано и виолончели. Вышел на репетиции на маленькую площадку на уровне десятого ряда стадиона, встал, как вкопанный, опершись одной рукой о крышку рояля, другую заложил за лацкан фрака и так пропел всю вещь. Режиссер концерта Иосиф Туманов обратился к нему, посоветовал:

– Боря! Что вы стоите, как аршин проглотили? Сделайте что-нибудь руками! Разведите, наконец, что ли!

Боря повторил «Элегию». Вначале распахнул свои молодецкие ручищи, как гоголевский Городничий в «Ревизоре». Так и стоял до последней ноты!

– Иосиф Михайлович! А что с ними делать? – возопил он «шляпинским» басом.

– Ну! Хотя бы сведите их на животе! – посоветовал Туманов.

В тот год Борис Тимофеевич Штоколов был приглашен солистом в Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова, а в тридцать шесть лет стал сразу самым молодым народным артистом СССР в нашей стране!

28 июня 2013 года

Как рыбка в сетях

В финале правительственного концерта один сектор «Лужников» был заполнен сводным хором (две с половиной тысячи певцов), что голосили песню Серафима Туликова «Ленин всегда живой! Ленин всегда с тобой!». Эту массу закрывала прозрачная сетка, на которой красовался силуэт комсомольского значка. Внизу на высокой подставке-лестнице управлял хором и оркестром народный артист СССР, профессор Консерватории Владислав Соколов. В конце песни в зале потушили свет, а в руках певцов зажглись тысячи ярких фонариков. В этот момент громадная сетка, прикрепленная к потолку Дворца спорта,

З. Д. Заграничный, А. А. Мурин, В. Г. Соколов. Таллин. 1974 год.
Праздник песни. На башне Певческого поля

стремительно стала скручиваться и уходить вбок, подхватив и подставку, и дирижера. Я бросился к коллеге и помог выбраться из западни. Соколов успел снять финальный аккорд! Вспыхнули софиты дворца!

– Спасибо, Шурик! Ты меня спас! Я твой должник! Был, как рыбка в сетях! – сказал Владислав Геннадьевич. С тех пор мы с ним дружили, несмотря на разницу в возрасте и положение в музыкальном мире.

20 июня 2013 года

И на Марсе...

На очередную хоровую репетицию во Дворце спорта «Лужники» композитор В. И. Мурадели принес новую песню «И на Марсе будут яблони цвести». Гагарин, Титов, Терешкова уже слетали в космос. На повестке дня был полет на красную планету.

Главный хормейстер, старший Мурин, поставил ноты на пульт и приказал:

– Саня! Сыграй!

Я быстро проиграл новинку. Ваню Ильич попросил:

– Чуть помедленнее! Чуть помедленнее!

Я выполнил просьбу композитора и вдруг обнаружил для себя, что запев как две капли воды повторяет народную мелодию «Я девчоночка забот не знала, словно ласточка свободная, жила. На беду мою тебя я повстречала и т. д.». По простоте душевной ляпнул об этом автору. Ваню Ильич задумался, а потом, наклонившись, тихо сказал мне на ухо:

– Мурин! Пол-литра армянского коньяка за мной, если будешь молчать!

На следующий день в моем портфеле среди нот болталась бутылка армянского коньяка.

29 июля 2013 года

Случай с Огоньком

Марк Бернес пел на правительственном концерте съезда ВЛКСМ новую песню В. П. Соловьева-Седого «Если бы парни всей земли». Специально для этого собрали инструментальный ансамбль, отрепетировали всего одну песню.

А накануне концерта по экранам страны прошел фильм «Ночной патруль», в котором уголовного по кличке Огонек сыграл любимый народом артист. Его герой, одумавшись, приходит домой к начальнику милиции и исповедуется перед ним. В фильме прозвучала в исполнении Бернеса «Песня Огонька». Спета задушевно, проникновенно, в духе популярной «Темной ночи».

На концерте Бернес исполнил песню Соловьева-Седого, а зал стал скандировать:

– Огонька! Огонька! Огонька!

Артист запел на бис «Если бы парни всей земли». Но двадцать пять тысяч молодых глоток перекрыли пение:

– Огонька! Огонька! Огонька!

Устроители концерта «вытолкнули» на сцену Ансамбль народного танца Сибири с темпераментной русской пляской. Я взглянул на правительственную трибуну. Н. С. Хрущев что-то сердито выговаривал министру культуры Екатерине Фурцевой...

После этого случая любимец советского народа впал у кремлевского начальства в немилость. Появились ругательные статьи в газетах, в которых его обвиняли в стяжательстве и пошлости. Он исчез с экранов кино и телевизора. И все это на фоне травли Бориса Пастернака! Спрашивается: кто от этого выиграл?

20 июля 2013 года

Дегустатор

На следующий день после правительственного концерта Кузьмин, директор Центрального дома культуры «Трудовые резервы», что у Савеловского вокзала столицы, устроил для руководителей коллективов фуршет. Мы собрались в директорском кабинете. Гостеприимный хозяин из массивного сейфа вынул поднос с бутылками грузинского коньяка и другой с закуской и фужерами. Ждали Ваню Ильича Мурадели, но он как председатель жюри подписывал какие-то бумаги и запаздывал.

– Стынет водка! – сказал дирижер оркестра баянистов Павел Иванович Смирнов сиплым голосом. Решили начать банкет без Мурадели. Опустошили мигом бутылки. Уплели закуску. Директор запер следы трапезы в сейф. И в этот момент в залу вошел Ваню Ильич. Немая сцена, как в «Ревизоре». Слова оправдания со всех сторон:

– Где Вы были!!! А мы тут без Вас!?

Композитор повел носом, как служебная собака, и с презрением выдал:

– Пили грузинский коньяк три звездочки? – и, не дав опомниться, пояснил: – Я потомственный дегустатор! У меня отец, дед и прадед были дегустаторами. Могу любой напиток опознать!

Послали за «армянским» в ближайший гастроном.

– Вот, это другое дело! – воскликнул в восторге Ваню Ильич.

Трапеза по случаю окончания очередного съезда ВЛКСМ продолжалась до позднего вечера.

29 июля 2013 года

Ютта

В дни фестиваля в Москве в августе 1957 года на Красной площади у Мавзолея я встретил ребят с Родины Эдварда Грига – из Бергена. Разговорились. Они сносно говорили на немецком языке. Мне пришлось вспомнить, чему учили нас Антонида Ивановна Титова в Капелле и милейший Петр Пантелеймонович Низковский в Консерватории. Обменялись адресами. Завязалась переписка. Мне присылала открытки Ютта Юхансон. Мои послания проверяла на наличие ошибок подруга мамы тетя Маша (М. С. Далматова, педагог немецкого языка в Институте иностранных языков). Постепенно письма становились все теплее и теплее. Когда в них появилась фраза «Lieber Sascha!», тетя Маша и отец сказали:

– Этот роман в письмах пора заканчивать! А то вызовут в Большой-пребольшой дом на Литейном проспекте!!!

Пришлось подчиниться!!!

3 сентября 2013 года

А. А. Мурин с друзьями из Норвегии. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Москва. 1957 год

Фото с королевой

В заключение молодежного фестиваля в августе 1957 года правительство СССР устроило в Кремле для его победителей бал и прием в Георгиевском зале. На нем было вавилонское столпотворение народов всех рас и оттенков кожи, калейдоскоп белых, черных, желтых лиц. В разгар банкета в зал вошли Никита Хрущев в украинской рубашке, Радж Капур в черном строгом английском костюме, Георгий Жуков в белом маршальском кителе с золотыми звездами Героя СССР. Все бросились к ним за автографами. Охрана VIP-персон была сметена. Кто-то запел песню из индийского фильма «Бродяга», где главную роль сыграл и спел Капур. Большинство ребят лезли за автографами к Хрущеву и Капуру. Георгий Константинович Жуков взирал на это сумасшествие с достоинством гордого русского воина. Пробившись к нему, я протянул свой пригласительный билет.

Сквозь шум толпы прокричал:

– Я из Ленинграда!

Маршал расписался. Я спрятал подарок в спортивную куртку и вернулся к нашему столу. Старший Мурин (руководитель ансамбля «Трудовые резервы» А. Г. Мурин) посетовал:

– Куда ты пропал? Питайся на халяву!

Столы ломились от яств и выпивки. В конце вечера нам встре-

А. Г. Мурин (худ. рук. ансамбля «Голос юности»), А. А. Мурин (хормейстер ансамбля «Голос юности»), А. А. Броневицкий (руководитель ансамбля «Дружба»), Э. С. Пъеха (солистка «Дружбы»). Москва, Кремль. 1957 год

тились ребята из ленинградского вокально-инструментального ансамбля «Дружба» во главе с Александром Броневицким, в основном студенты маминого консерваторского класса. Подошел знакомый фотожурналист Геннадий Третьяков и «щелкнул» нас на память. Вот эта уникальная фотография. На ней три Александра (А. А. Мурин, хормейстер ансамбля, А. Г. Мурин, руководитель ансамбля «Трудовые резервы», А. А. Броневицкий, руководитель ансамбля «Дружба») и девятнадцатилетняя солистка ансамбля, студентка филфака Ленинградского университета

им. А. А. Жданова Эдита Пьеха. Мог ли я подумать, что снимаюсь с будущей королевой советской эстрады, мамой Илоны Броневницкой и бабушкой Стаса Пьехи???

3 августа 2013 года

СВИНЬЯ

Для участия в правительственном концерте в «Лужниках» в Москве наш ансамбль «Трудовые резервы» прибыл полным составом (хор, танцоры, оркестр баянистов – всего 250 человек). Концерт был сборный. Помимо нас включили в программу Ансамбль народного танца из Сибири, молодого баса Борю Штоклова из Свердловска, Марка Бернеса из Москвы и многих других. Режиссером концерта был Иосиф Туманов, хормейстером Владислав Соколов, от Союза композиторов был представлен Ваню Мурадели.

Съезд комсомола ВЛКСМ запомнился словом Н. С. Хрущева, в котором он назвал Бориса Пастернака «свиньей».

– Он хуже свиньи! – завелся первый секретарь КПСС. – Свинья не будет срать за столом, где ест! А он насрал!

И двадцать пять тысяч молодых сердец с гневом встретили эти слова! Естественно, адресованные несчастному поэту!

Вот тогда и пошла гулять по стране фраза обывателя: «Я Пастернака не читал, но он гад, наш враг!».

Что было дальше, знает каждый.

29 июня 2013 года

Тон

Москва. 1957 год. Всемирный фестиваль. В Колонном зале Дома союзов на сцене коллективы Ленинградского дома культуры «Трудовые резервы» (хор – сто певцов, оркестр баянистов – девяносто музыкантов). Выходит дирижер Александр Григорьевич Мурин и солист Анатолий Калинин. Взмах руки, и в зал

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Москва. 1957 год.

Советские хормейстеры:

- Сидят: 1. К. К. Пигров (1876–1962), Хор студентов Одессы;
2. В. Г. Соколов (1908–1983), Москва, председатель жюри;
3. Никитина, Хор трудовых резервов Москвы; 4. А. Г. Мурин (1917–1992),
Хор трудовых резервов Ленинграда «Голос юности»;
5. З. Д. Заграничный (1900–1966), Хор студентов Харькова.
Стоят: 1. Г. М. Сандлер (1912–1990), Хор Ленинградского университета;
2. Люблинский, Хор студентов Киева; 3. А. В. Рыбнов (1906–1992),
хормейстер Большого театра СССР; 4. хормейстер из Улан-Удэ;
5. А. А. Броневицкий, руководитель ансамбля «Дружба»;
6. А. А. Мурин, Хор трудовых резервов Ленинграда, хормейстер

полилась «Песня о встречном» Д. Д. Шостаковича на слова неизвестного автора. Спустя много лет я узнал, что это стихи поэта Бориса Корнилова, мужа Ольги Берггольц, который был замучен в сталинских застенках. После вступления запеваает солист. Но он от волнения вместо известных всем слов «Нас утро встречает прохладой» поет какую-то ахиною: «Иду я вчера подмосковьем, навстречу чувиха идет...»

Лицо дирижера покрылось потом и красными пятнами. Слава Богу! Вступает мощный хор с правильными словами «Не спи, вставай, кудрявая...».

Отзвучала песня. Аплодисменты. В зале хормейстеры со всего союза. Баянисты, взяв стулья и инструменты, уходят за кулисы. А. Г. Мурин обнимает меня и, хрипя, говорит шепотом:

– У меня пропал голос! Пойди и дай тон!

Я сверил тон по камертону и, почти не волнуясь, продирижировал произведение. Поклонился на аплодисменты. Вдруг слышу из-под станков, на которых разместился хор, прорезавшийся голос дядьки:

– Я просил тебя дать только тон! Тон! Только тон!..

Дальнейшая программа прошла как по маслу.

После концерта нас окружили москвичи А. В. Свешников, В. Г. Соколов, К. Б. Птица, А. А. Юрлов и шутят:

– В начале концерта вышел импозантный красавец Мурин, а на вторую песню он вдруг резко похудел!!!

Сентябрь 2013 года

Сосны-сосенки

Как Соловьев-Седой спас Пахмутову

В тот год знаменитый в городе клуб МВД на Полтавской улице был переименован в Дом культуры имени Ф. Э. Дзержинского. В нем появился новый, талантливый начальник (т. е. директор) Яков Львович Ронкин. Жизнь в старых стенах бывшей Калашниковской хлебной биржи закипела. Через полгода коллективы ДК сдавали милицейскому начальству новые программы.

Лихо отплясывали «Милицейское яблочко» подопечные балетмейстера Владимира Ильича Василькова, эстрадный ансамбль (по-простому джаз) при участии Давида Голощекина исполнили «причесанную» программу, вне конкуренции были бальные танцы супругов Симоновых, мои певцы (45 милиционеров от старшины до майора) стройно, на голоса спели песни Моцарта, Бетховена, Пахмутовой, Соловьева-Седого. Как заметил мой друг, музыкант Федор Шампал:

– Менты и Бетховен – очень красиво!

После в кабинете директора началось обсуждение. Всех нахваливал начальник милиции, Герой СССР, комиссар Иван Владимирович Соловьев. Соловьев-Седой, как всегда под хмельком, отпускал остроту за остротой. Еще бы! Мы впервые спели его новую песню «Я в милицию вступил»:

Я в милицию вступил – хорошо!
На свиданье не пошел и в кино.
Я у зеркала стоял и все форму примерял.
До чего я хорош!
Только Маня на свиданье не пришла,
Разузнав про милицейские дела... и т. д.

Запевал мой гаишник в три обхвата, 140 килограмм весу, с протокольным голосом и физиономией. Дорогой наш Василий Павлович мог из пустяка сотворить шлягер-шедевр!

Вдруг слово на обсуждении взял зам. начальника милиции Александр Иванович Соколов, который до главка ведал в Лен-исполкоме распределением жилплощади и попал в милицию по благу:

– Товарищи! Мне все понравилось! – начал он командирским голосом. – Но только в одной песне милиционеры пели под вашим, маэстро, управлением про какую-то речку? Напомните, маэстро, слова!

У меня глаза полезли на лоб от удивления! Весь репертуар мы с Ронкиным сто раз профильтровали и были убеждены в его милицейской «стерильности». До меня с трудом дошло, что зам имеет в виду новую песню А. Н. Пахмутовой про «Усть-Илим». Заикаясь, я продекламировал:

Усть-Илим на далекой таежной реке,
Усть-Илим от огней городских вдалеке.
Оглянись – неприметной таежной сосной
Уж давно я стою за твоею спиной.

– Вот-вот! – продолжил меня зам. – Эти слова могут быть двусмысленно истолкованы в исполнении певцами в милицейской форме! Я против этой песни!

В кабинете повисла гнетущая тишина. Запахло злосчастным 37-м годом! Комиссар И. В. Соловьев нервно мял в руках папиросу с астматолом, не решаясь закурить.

Спас положение В. П. Соловьев-Седой. Он, давясь от душившего его смеха, тихо, но чтобы все слышали, выдавил:

– Я-то думал, что в милиции служат одни дубы, а в ней оказались еще сосны-сосенки!

В результате песню А. Н. Пахмутовой разрешили исполнять большинством голосов!

Против был только один зам!!!

29 июля 2013 года

Антимарксистская песенка

1956 год. Хор Дома культуры «Трудовые резервы» Ленинграда, сто певцов под руководством хормейстера Кировского театра Александра Григорьевича Мурина, готовился к выступлению на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

Как-то на репетицию в зал на улице Софьи Перовской, 3 пришел композитор Василий Павлович Соловьев-Седой. Он сыграл на рояле новую песню «Подмосковные вечера».

Старший Мурин, друживший с композитором еще со времен ленинградской блокады, сразу включил ее в фестивальную программу. Ребятам-ремесленникам она пришлась по душе. Но они быстро ее отредактировали из «Подмосковных» на «Ленинградские вечера».

Так и пели. Перед поездкой в Москву в 1957 году, как положено, был устроен показ песен для обкомовского начальства. На обсуждении зав. пропагандой и агитацией обкома КПСС забрал песню Соловьева-Седого.

– Песня антимарксистская, – заявил он. – В ней такие слова: «Речка движется и не движется. Песня слышится и не слышится». Надо или одно, или другое!

И песню нам запретили исполнять.

Мы срочно вставили в программу «Гимн Великому городу» из балета Глиэра «Медный всадник». А слова написал наш студиец, бард Александр Городницкий, в будущем автор «Атлантов», ныне ученый-геофизик с мировым именем.

В Москве на фестивале на встречах с зарубежными ребятами ленинградцы всегда пели «Подмосковные». После фестиваля песня разлетелась по миру. Сегодня эта музыка – символ России.

Ну, а зав. идеологией, запретивший песню, вскоре сменил кабинет № 360 Смольного на должность ректора Библиотечного института имени Н. К. Крупской, стал профессором, доктором исторических наук... Кто его помнит!

Вот такой парадокс!

29 июля 2013 года

Как учил Палладий

В 1966 году в Ленинграде праздновали шестьдесят лет со дня рождения самого известного нашего земляка – Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Высокое начальство из Смольного благосклонно разрешило в юбилейных концертах исполнить новую Тринадцатую симфонию в пяти частях для солиста, хора и оркестра на стихи молодого поэта Евгения Евтушенко. Были приглашены солист бас Артур Эйзен, хор басов: двадцать певцов из Капеллы (руководитель В. Н. Минин), двадцать басов из мужского хора Дома культуры им. Первой пятилетки (руководитель В. К. Баранов) и тридцать басов из Хора Любителей пения Ленинграда. К сожалению, Елизавета Петровна Кудрявцева попала в больницу с гипертоническим кризом, и музыку композитора пришлось разучивать мне, хормейстеру коллектива. В первой части симфонии «Бабий Яр» в сцене еврейского погрома в Белостоке Шостакович резко меняет ритм. В 4-дольный размер, что идет *alla breve*, т. е. на два, вторгается 3-дольный такт. «Бей жидов! Спасай Россию!» на 4 четверти, а «Лабазник избивает мать мою» на 3 четверти. Я решил свериться с В. К. Барановым. Тот убежденно сказал:

– Ты помнишь, Шура, как нас учил Паллаша! (Наш капелльский наставник-бог Палладий Андреевич Богданов.) Доля 4-размерного такта должна соответствовать 3-дольной! Так и разучивай!

На первой сводной репетиции в зале на Мойке, 20 басы Баранова и Хора любителей спели, как учил нас Палладий, а капелльские певцы все на раз! Дирижер Кирилл Петрович Кондрашин остановил репетицию, сделал замечание:

– Кто поет неправильно? – и попросил повторить коллективы это место отдельно. Виноваты оказались капелльские басы. Но В. Н. Минин безапелляционно заявил:

– Это ошиблись самодеятельные певцы!

Мы с Барановым удивленно переглянулись. Кондрашин поймал нашу реакцию и попросил капеллан петь потише.

На премьере в Большом зале Филармонии басы Минина это место пропустили.

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ ВТОРОГО ЦИКЛА

Заслуженный коллектив Республики
**СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
 ФИЛАРМОНИИ**

Концерт для виолончели с оркестром

Солист — лауреат III Международного
 конкурса виолончелистов им. Чайковского
 (первая премия)

Тринадцатая симфония (1 исполнение)
 для солиста, мужского хора и оркестра
 (на стихи Е. Евтушенко)

Мужской хор
 Солист — Артур ЭЙЗЕН

1966 г.

Дирижер **Кирилл
 КОНДРАШИН**

СУББОТ.
25
 ИЮНЯ

Программка премьеры в Ленинграде 13-й симфонии Д. Д. Шостаковича. 1966 год

Успех Тринадцатой симфонии Шостаковича был огушительным! Зал стоя приветствовал дирижера, солиста, хор басов, оркестр. К сожалению, Дмитрий Дмитриевич сломал накануне ногу и лежал в больнице, а за него восторги принимал в этот вечер вышедший на сцену Евгений Евтушенко.

После премьеры симфонию гения сильные мира сего запретили исполнять на долгие годы. Закончилась оттепель Хрущева, начиналась эпоха Леонида Ильича Брежнева!

25 сентября 2013 года

Режут по живому

Памяти Юрия Красавина

1985 год. Началась горбачевская перестройка. Казалось, рухнули все партийные преграды цензуры. Что было ранее «Низзя» (по Полунину) стало сегодня «Можно» (по Любимову).

Юра Красавин еще ранее, во время брежневского застоя, подготовил к изданию новую, седьмую книжку стихов «Росяница». О ней написал замечательные слова маститый Сергей Александрович Воронин. Он ставил Юрия Красавина в один ряд с Есениным, Твардовским, Прокофьевым, Рубцовым. Когда я попросил знакомого Михаила Александровича Дудина помочь в публикации книги, тот обыденно в ответ:

– Что ему помогать! Он поэт! – и показал рукой на небо, что означало: «Его талант от Бога!»

Книга «Росяница» вышла немислимым в наши дни тиражом десять тысяч экземпляров и разошлась в магазинах мгновенно. Неожиданно в «Ленинградской правде» появилась гнусная статья «Топорик Нестора заветный» за подписью «рабочий завода». Пахнуло ждановским зловоньем, травлей Ахматовой, Зощенко и Пастернака. Друзья поддерживали Юру, как могли. Я дерзнул и написал ответ «рабочему» и отправил в «Ленправду»:

Критику стихов Юрия Красавина

Иной критик увидит муху
И делает из мухи слона.
Такая критика – не критика, а мука
Поэтам поэтому вряд ли нужна!

Эти строки пришли на память, когда я прочел в «Ленинградской правде» разгромную, видимо, заказную статью «Топорик Нестора заветный» критика, что спрятался под псевдонимом «рабочий завода». Как мог этот, с позволения сказать «рабочий», спекулируя именами великих поэтов и постановлениями КПСС, рядясь в тогу защитника русской поэзии, видеть в книге Красавина только черные, негативные стороны! Как мог пройти мимо

стихов «Солнечная верста», «Пустынен берег», «Сивка», «Воронной», называя их рифмоплетством и компиляцией. Я сознательно не цитирую строк из книги. Не выдираю отдельных фраз, как делает «критик», но убежден, что читатель не останется равнодушным к строкам поэмы «Суровая нить». К ее твардовской песенности и орловской жесткости. Главным критерием поэта является любовь и признание народа. А книга Юрия Красавина «Росяница» разошлась в ленинградских магазинах мгновенно. А тираж ее 10 тысяч экз. И вряд ли «рабочий», предрекавший, что она будет «пылиться» на полках, достанет ее... Это сказано им для красного словца и вызывает недоверие к сентенциям мифического «рабочего». Завершу полемическое письмо в «Правду» строками поэта Юрия Красавина:

Но жизнь светла, земля и воды,
Да лес туда-сюда пешком.
Грибные дни сложились в годы
И все-то с чистым корешком!

И это верно, в отличие от статьи «критика», полной червоточин и ненависти!

*С уважением, Александр Мурин, хормейстер
20.01.1986 года, Ленинград*

Вскоре я получил ответ из редакции газеты «Ленинградская правда»:

«14744

Уважаемый тов. Мурин!

Благодарим Вас за присланную рецензию, но мы уже опубликовали статью о книге „Росяница“, где высказали замечания в адрес автора.

Поэтому опубликовать Ваш материал не можем.

С уважением, зав. отделом культуры

М. Ильина

23.04.86».

Так закончилась моя попытка подставить плечо моему другу, замечательному русскому поэту Юрию Красавину!

В последней книге, что вышла незадолго до смерти, Юрий посвятил мне пронзительное стихотворение «Верному другу»:

Как прожить мне –
Дяде пожилому –
По живому режут
По живому.
Без ножа,
Под чудотелебайки,
Кожу рвут
Из-под родной фуфайки!
Тянут душу
Из прозябшей плоти.
Эй, поэт,
Что песни не поете?
Я бы спел,
Да сытые – глухие,
Не услышат песенки
Лихие!
Я бы спел,
Как ножичком пожалил,
От чего в глазах моих
Пожары!
Зубы сжав,
Иду желтопрокосьем,
Резанут по сердцу
И не спросят!
По плечу – хлоп-хлоп –
По-деловому...
По живому режут,
По живому!

26 июля 2012 года из Киева пришло горестное известие: на семьдесят втором году мой друг, русский поэт Юрий Павлович Красавин, завершил свой земной путь!

Так пусть былинная земля славян будет ему пухом!

20 октября 2013 года

Город солнца Юрия Красавина

Юрий Красавин помимо того, что писал талантливые стихи, был незаурядным режиссером. В Ленинградском областном доме народного творчества, где мы с ним служили, он ведал народными театрами. Друзья за глаза его звали «Товстоногов областного розлива», намекая на неумную любовь к спиртному.

Как-то Юра зазвал меня в Дом пионеров и школьников, что размещался в классическом здании XIX века на углу Большого проспекта и 8-й линии Васильевского острова. Участниками Юриного народного театра были школьники окрестных школ. Они же готовили декорации, костюмы, музыкальное оформление спектакля. При входе красовалась рукописная афиша «Город на заре» – свободная фантазия по пьесе А. Н. Арбузова, реж. Ю. Красавин». Эта хрестоматийная драма о строителях Комсомольска-на-Амуре поставлена в сотнях профессиональных театрах от Калининграда до Владивостока, Сергей Герасимов снял фильм, ставший киноклассикой.

Я вошел в пустой темный зал ДПШа и уселся в скрипучее кресло, подумал: «Чем еще может удивить в пьесе обывателя мой друг?» Партер заполнила молодежь.

Луч театрального прожектора высветил белый куб, на котором лежал раструбом вниз огромный медно-ржавый духовой инструмент – труба. Из-за кулис на авансцену выбежали ребята и девчата в майках и трусах. Они только что «сошли» с парохода, что привез их на пустынный дикий берег амурской тайги. Самые отчаянные пробуют ледяную воду, кто-то брызгает хрустальными пригоршнями на девчонок. Те визжат...

Вдруг раздается протяжный гудок парохода. Все машут ему вслед. На заднем плане проплывает труба парохода (та самая труба). Для ребят это тонкая ниточка, что связывает их с прошлым, с Большой землей, с другим миром. Начинается действие. Строительство города будущего, города солнца, города мечты. Радости, горести, победы, потери, подвиги, предательства – все впереди! Артисты, сверстники героев, играют самоотверженно, и некоторые промашки искупаются искренностью и фанатичной увлеченностью. У всех в глазах горит какой-то неведомый огонь. Я удивлялся, как Красавин смог из угловатых ребят

Юрий Красавин

выжать эту простоту? Вдруг почему-то вспомнилась формула Станиславского: «Если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить!». Что будет с огромным геликоном и кубом?

И вот драматический финал. Стихия, вода, огонь окружают кусочек суши (тот самый куб), главного героя, тщедушного паренька-одессита, что мечтал построить консерваторию и учить будущих детишек музыке. Гибнет его подружка! Парень разворачивает тубу и неумело, страшно фальшивя, выдувает из него мелодию «Интернационала». Свет гаснет. В полумраке на сцене куб и ржаво-золотая туба!

Ружье по Станиславскому – выстрелило!

Зрители и я неистово хлопаем в ладоши, кричим «Браво!». На сцену выходят на поклон ребята-артисты! Вызывают Юрия

Павловича Красавина. Тот появляется в помятом костюме, мокрой от пота рубашке, без галстука, из кармана брюк торчит тетрадка с режиссерскими разработками.

Рядом со мной стоит и хлопает в ладоши профессор из Библиотечного института имени Н. К. Крупской (в простонародье Крупы) М. М. Генкин и, как заклинанье, твердит:

– Какой талант! Какой талант! Какой Талант Ваш Красавин!!!

Садясь на 40-й трамвай, чтобы ехать на Петроградскую домой, вспоминаю, что слова профессора – это ведь цитата из чеховской «Каштанки»!

26 июня 2013 года

О книге Юрия Красавина «Росяница»

Вот уже более десяти лет в ленинградской поэзии ясно различим голос Юрия Красавина. Сильная сторона его стихов, прежде всего, в обращении к глубинным пластам эпоса и русского национального фольклора. Сами названия книг поэта: «Журавлиный лет», «Солнечная верста» и последней, вышедшей в издательстве «Советский писатель» в конце 1985 года «Росяница» – говорят о их направленности. Они пронизаны чувством высокого патриотизма, уважения к истории Родины, поколению, спасшему мир от фашисткой чумы, и вызывают подъем национального самосознания. «С Куликовым полем рядом Курская дуга», – декларирует поэт, показывая нерасторжимую связь прошлого и настоящего. Герои Красавина внешне неказистые, даже на первый взгляд неприметные: сосед-бобыль дядя Вася, инвалид-гончар, балагуры, мужики, молодки, вдовы. Все они в свой звездный час, в минуту подвига озаряются какой-то необыкновенной красотой, превращаясь в героев наших дней. Так сосед-бобыль дядя Вася первым бросается спасать чужой дом и гибнет («Пожар»), а старик-гончар, делающий для ребятишек глинки-свистульки, – матрос-североморец («Глинки»). Или одинокий ветеран-землемер, идущий с песней навстречу вражеским пулям. Все они – коллективный портрет нашего современника, прошедшего

войну. Да и в стихах на мирную тему чувствуешь боль поэта «за ратников, погибших за меня».

Современные герои Красавина также просты и скромны. Поэтому персонаж стихотворения «Гость» вырастает в обобщенный образ воина, летчика, космонавта. Многие стихи впитали в себя добрый юмор, частушку, русский лубок, используют традиции Твардовского, Прокофьева, Сергея Орлова, Исаковского. В этом плане характерны строки интервью с рыбаком по имени Касьян («Касьянова уха»). За этой легкостью, простотой скрывается огромный труд поэта над словом, фразой, формой. Не все в стихах Юрия Красавина равноценно. Иногда мелькнет в них знакомая, использованная попевка, иногда, стремясь поскорее высказаться, теряется логичная линия героя. Но эти частности не закрывают главного – стихи Юрия Красавина несут значительную долю таланта и энергии, так необходимых сегодня.

И в заключение хочу обратить внимание на программное стихотворение поэта «Когда мы друзей теряем...». В них – весь Красавин с его прямоотой и бескомпромиссностью.

Р. С. Вот за эти черты, за талант, ох и достается поэту. Бьют его противники беспощадно со всех сторон. Но «пот, боль, соль» полезны русскому Человеку. Они не дают почивать на лаврах.

*27 марта 1986 года
Ленинград*

И эта попытка поддержать друга кончилась крахом – «Литературная газета» отвергла мою статью.

Зиночка. Liebe Tante

З. И. Смирнова

Мне снился странный сон. Я еду на грузовом трамвае. Такие ходили по городу и подвозили после блокады в порт шпалы, рельсы, детали машин с заводов. На платформе лежат вповалку штабелями краснофлотцы. То ли в стельку пьяны, то ли мертвы. На них сидит флотский начальник с парабеллумом и громко отдает команды. Трамвай, остервенело звеня, как на последний сеанс в кинотеатре, следует мимо сада Зимнего дворца, Эрмитажа, Певческого проезда, взбирается на Певческий мост, на котором стоит милиционер и жезлом указывает следовать на набережную Мойки. У дома, где скончался Пушкин, комиссар приказывает сбросить «антиллигента» в речку. Те раскачивают меня, как бревно, и перебрасывают через ограду. Я ударяюсь о воду и... просыпаюсь!

К чему этот нелепый сон? Дорогу от Эрмитажного садика до дворов Капеллы я проделывал тысячу раз. Среди тенистых деревьев мы готовили школьные уроки, развлекались, играли в детские игры. А у печального пушкинского дома был спуск на Мойку, где капелльские пацаны, привязав к валенкам коньки, гоняли до одури по замерзшей реке. Однажды лед подо мной проломился, и я оказался в ледяной воде по пояс. Правда, глубина была настолько мизерная, что не успел даже испугаться.

На память пришла соседка по капелльской коммуналке, старая учительница русского языка Ольга Христофоровна Янович-Гроздова. Она, дочь царского сановника, действительного статского советника, дворянина, заместителя управляющего Придворной певческой капеллы, музыканта-фольклориста Христофора Николаевича Гроздова и вдова русского офицера-морьяка, создателя одноместной подводной лодки, героя Русско-японской войны Сергея Александровича Яновича, была ко времени описываемых событий нищим советским интеллигентом. От богатого наследства остались жалкие крохи. В блокаду соседи, пока она была с детской школой Консерватории в Ташкенте, украли все, что можно украсть. Остальное старушка перетащила в свою комнатушку, которая стала напоминать то ли

кладовку забытых вещей 27-го отделения милиции, что на Коношенной площади, то ли кабинет доктора Фауста.

Часто нашу соседку навещала ее двоюродная сестра Зинаида Ивановна Смирнова, довольно бойкая старушенция в кокетливой шляпке, старомодном костюме, в туфлях на высоких каблуках, на носу пенсне на неизменной цепочке. Когда гостя появлялась, начиналось невообразимое. Она мыла пол, протирала мраморный умывальник, на котором стояла закопченная керосинка, стряхивала пыль с полок, книг, икон, гравюр.

Зинаида Ивановна когда-то служила переводчицей у легендарной Александры Коллонтай, дружила со многими видными членами ленинской гвардии, сотрудничала в сатирических журналах, общалась с писателями и художниками начала века. В наши дни она имела пенсию союзного значения и даже получала спецпаек где-то в закрытом лабазе у Смольного. Странно, но все старые большевички были на одно лицо. Когда в 50-е годы нам в Консерватории устроили встречу с секретарем Ленина Е. Д. Стасовой, она, как сестра-близняшка, была похожа на Зинаиду Ивановну!

У Янович и Смирновой были два седовласых, довольно стройных, породистых поклонника-ухажера, тоже партийные пенсионеры.

Первый, Николай Евгеньевич Буренин, бывший боевик РСДРП. В лето 1917 года, когда дела партии катились к краху, он спрятал на Карельском перешейке в имении матери в Кирсалах огромную сумму царских денег. Клад в двадцатые годы откопали и тривиально сожгли на костре за ненужность. В тридцатые годы партия поручила Буренину выманить из Италии, из Сорренто, на родину пролетарского писателя-босняка А. М. Горького. С заданием Буренин успешно справился, попутно умудрился рассорить писателя с закадычным дружкой Феденькой Шаляпиным.

Другой поклонник был не менее знаменит – академик, ученый-петрограф Александр Алексеевич Полканов. У него в Комарово под Ленинградом была шикарная персональная дача. Как-то, гуляя по поселку, я наткнулся на нее, на калитке ядовито-зеленого забора золотом сияла медная доска «Дача

академика А. А. Полканова», а ниже фанерка, на которой было намалевано суриком «Осторожно, злая собака!». Я не рискнул зайти.

Поклонники покупали каждый год абонементы в Кировский театр и приглашали в ложу «откушать» оперу или балет Зиночку и Оленьку.

Однажды после утреннего спектакля (то была опера Римско-го-Корсакова «Сказка о царе Салтане») Зинаида Ивановна задержалась у сестры. Вдруг вспомнила, что ее ждут на Васильевском острове, быстро оделась, схватила трость. Мне поручили проводить ее до трамвая, что шел через Дворцовый мост. Старушка, как молодая, засеменила через площадь. Я еле поспевал за ней. Из-за деревьев Адмиралтейского сада показался трамвай. Спутница вырвалась из моих рук и пулей устремилась к нему, вскочила на ходу на заднюю площадку вагона, успев послать воздушный поцелуй и блеснуть окулярами пенсне.

В 1960 году Ольга Христофоровна попросила меня проводить ее в Академию наук. Скончался ее друг академик А. А. Полканов. Меня коробило, когда коллеги и друзья покойного провозглашали: «Спи спокойно, дорогой Александр Алексеевич!»

Как-то Ольга Христофоровна, будучи в хорошем настроении, раскрыла литературный псевдоним З. И. Смирновой – Liebe Tante. Под ним Зиночка публиковала сатирические вирши в журналах и газетах 1905–1907 годов. Уже в наши дни я сверил этот псевдоним у знакомых архивариусов в Публичке на Невском. К моему удивлению, они не знали, кто за ним скрыт! В библиотеке, разбирая журналы 1900-х годов, среди памфлетов и сатирических стихов Горького, Скитальца, Бальмонта, Чуковского, карикатур великих художников я обнаружил стихи загадочного Liebe Tante. О Первой государственной думе, о царском дворе Николая Кровавого, о бездарных генералах, проигравших Русско-японскую войну, о продажных политиках.

Дерзну предложить мои находки вам.

Новогодняя пѣснь Старого Режима.

Печально Новый годъ встрѣчаю,
Слезами свой бокалъ налью
И горько, горько проклинаю
Я жизнь несчастную свою.
Прошедшій годъ мнѣ не удался
И предшдущій также годъ,
Я истомился, изстрадался...
Что Новый годъ мнѣ принесетъ?!
Рѣдуютъ съ быстротой уражной
Вокругъ меня мои друзья,
И женщины, что любилъ я страстно,
Теряю поминутно а!
Была у Витте дочь Валюта...
Ея ужъ нѣтъ, ея ужъ нѣтъ!
Повзрѣвший, маленький яшника
Ее на тотъ отпиривалъ свѣтъ.
Была французенка—красотка,
Она Сусидей завалась,
Но по рукамъ пошла, кокотка,
И разошлась, и разошлась...
Была манчжурская невѣста,
За ней приданое я бралъ;
Мое насиженное мѣсто
При ней другой женихъ заваялъ.
Была Флотилля морская,
Она не долго прожила
И утопилась... Утоная,
Она любовника кляла.
Меня чухонка обожала,
Я ею презрѣнъ и забытъ,
И черезъ судъ она достала
На житье въ отдаленный видъ.
И только смерть мнѣ остается,
Меня пугаетъ и зоветъ,
Звенитъ косою и смѣется:
„Съ тобой я встрѣчу Новый годъ!“
Старуху злую прогоняю...
Гитару въ руки взявъ свою,
Иную дѣву призываю
И пѣснь цыганскую пою:
„Приди ко мнѣ, побудь со мною,
Здѣсь такъ отрадво, такъ свѣтло!..
Я пулеметами прикрою
Отъ вражнихъ боковъ твое чело!“
Волшебной страстью пѣснь согрѣта;
На зовъ является „она“...
Ахъ, Черной Сотней два эта
Молвою злой наречена.
Бокалъ вина ей наливаю,
Даю послѣдній золотой
И снова страстно напеваю:
„Не уходи! Побудь со мной!“...
Liebe Tante.

Маленькій фельетонъ.

ИЗМѢНА.

Францъ нежннано получаютъ
Отъ невѣсты письмо;edo;
Изъ него онъ вынимаетъ
Обручальное кольцо.
Да! Джульетта измѣняетъ!
Всѣ улыки налицо!
„Ахъ, коварная Джульетта!“
Старецъ гнѣвно говорить,—
„Кто бы могъ подумать это?
Отказала! Что за стыдъ!“
Францу сердце жжетъ измѣна
Онъ садые кудри рветъ,
Вилли—милаго кузена—
На совѣтъ къ себѣ зоветъ,
Говоритъ ему: „помилуй,
Обручился я не силой,
Я не молодъ, но богатъ.
Ужъ давно подозрѣвалъ я,
Ей подарки предлагалъ я,
Былъ я слишкомъ тароватъ.
Но, какъ видишь, все ей мало!
Знаешь, съ кѣмъ она сбѣжала,
Мнѣ наставила рога?
Има я скажу врага:
Не Ромео—итальянецъ,
Нѣтъ, французъ-республиканецъ,—
Онъ давно ее смущалъ,
Руку, сердце обидчалъ,
И увлекъ мою красотку!..
Бриттъ матросъ мнѣ подаль лодку,
А Россия, на зло намъ,
Потакала бѣглецамъ въ море.
Я ревную, негодую!
Помога же мнѣ, прошу я,
Дай совѣтъ, ну, какъ мнѣ быть,
Чѣмъ виновнымъ отомстить?“
Вилли злобно сдвинулъ брови:
„Крови жажду! Скажу крови!
Доанерветтеръ! Разражу!
Всѣхъ жестоко накажу!
Будетъ казнь строга безъ мѣры.
Что бы подобные примѣры
Не могли другихъ мутить
И заразой послужить.
Вилли злится, Вилли скачогъ.
Французъ въ платокъ уныло плачетъ.
А Джульетты не видать...
Вышло дѣло наелевать!..“

3. Я.

Конецъ изданнн...
редакцнн.

Маленький фельетонъ.

Дары „октябриста“.

(Пародія).

Грисмутъ пишетъ дикъ и злобенъ,
Пишетъ много лѣтъ подъярь,
Волку вой его подобенъ,
Сююи брызгами летать.
Но съ опаской приближался
И принявъ смиренный видъ,
Къ старцу издали ласкался,
Такъ Гучковъ ему кричитъ:
„Старче! позабудь о сорѣ,
Я на „правой“ сторонѣ,
Погумляй а на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ!
Не поводишь грѣшной были,
Я давно ее забылъ.
Каюся я: Раміашвили
Очень дерзко говорилъ!
Каюся: Жалкинъ и соратны
Всѣ она на порѣ вора!
Посылаю имъ проклятыя
Обрекаю на позоры!“
Но, склоняся надъ газетой,
Грисмутъ скользятъ, будто спать,
И, молчаніемъ задѣтый,
Вновь Гучковъ ему твердитъ:
„Я съ „кадетомъ“ распеваюсь,
Выражалъ ему протестъ,
Одлошалъ онъ, позлосался
И одобрилъ „Манifestъ“.
Сжался, старче, върѣ на слово,
Я не даромъ цѣтъ мѣнялъ;
Графа Гейдена, Шипова
Изъ среды своей извѣлъ.
О, ноябрь, освободилася
Я совѣтъ отъ грѣшннхъ узъ,
И въ составѣ обновился
Возродившійся союзъ.“
Но его не замѣлаа,
Грисмутъ сумрачно молчитъ,
И волнуясь, и vzdылаа,
Со слезой Гучковъ кричатъ:
„Слушай, старче! благородный,
Я принесъ тебѣ презентъ,—
Я добылъ себѣ свободный
На собранія патентъ.
О, прима мой даръ смиренный
Что другіе всѣ дары!
Мой секретъ отъ всей вселенной
Я берегу до сей поры!
Осторожно я мѣнялся,
Чтобъ не подглядѣть никто,
Но въ душѣ давно назвался
„Монархистъ incognito“.
Грисмутъ вдругъ въ порывѣ страсти
Всталъ прекрасный, какъ гроза,
И сограблися участъемъ
Старца зодше глаза.
„О, Гучковъ! Мы снова братья!
Ты опять душою чистъ!“
И упалъ въ его объятія
Униженный „октябриста“...
Liebe Tante.

Дума.

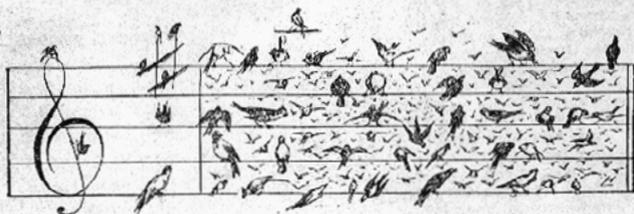
Дума мол, Дума,
Дума молодая,
Зрѣешь ты безъ сонца,
Силы накопляя.
Бьешься противъ вѣтра
Въ темнотѣ, въ затворѣ,—
Молодой отвагѣ
По колѣно море!
Надъ тобой вороны
Черной сотней вьются;
Новые законы
О тебѣ пекутся,—
Ты-жъ въ потемкахъ зрѣешь,
Время выжидаа,
На борьбу съ неправдой
Силу накопляа.
Провеси-жъ ты, вѣтеръ,
Тучу грозовую;
Дай собрать намъ, Воле!
Думу трудовую.

Liebe Tante.

Въ минуту жизни трудную
Терпѣливѣе.

Когда въ конягѣ отъ потона
Свое семейство Ной спасала,
Съ собою чистыхъ и нечистыхъ
Она тварей множество собрала.
Въ несчастія общемъ подружилась
На время человекъ и скотъ,
И въ мирный блокъ соединилась
Осека и змѣя, цѣтукъ и крокъ.
Теперь въ тяжелую годину,
Черезъ много—много тысячъ лѣтъ,
Даетъ намъ ту же вновь картушу
„Междупартийный“ комитетъ.
Кинкичъ, Петрово-Солозово,
Гуаданинъ, Москалевъ,
Алѣевъ, Дѣдовъ и Евгеновъ,
Григорьевъ, Стерляговъ, Поиновъ,
Патунинъ, Коженя, Варатинскій,
Рождественскій, Палеологъ,
Дмитревскій, Кутлеръ и Слабинскій
Соединились въ мирный блокъ.
По мѣрѣ разума и силы
Построила изъ бревенъ плоть,
И безъ руля, и безъ вѣстряла
Волна ихъ по морю несетъ.
Надъ ними сизый голубъ вьется,
Но вѣтру слышетъ оазъ наврядъ...
Уви! Едва-ли плоть спасется,
И дождиветъ аа Араатъ!
Liebe Tante.

Покопавшись в журналах конца XIX века, я нашел первую публикацию Зины Янович. В журнале «Задушевное слово», рядом с рассказом популярной тогда Чарской, стишок З. Я. «Колыбельная песня птички»:

—§— КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ ПТИЧКИ §—

Стихотвореніе З. Я.

Над окошечкомъ жиличка—
Птичка гнѣздышко свила,
Три хорошенькихъ яичка
Птичка въ гнѣздышкѣ снесла.
Долго птичка яйца грѣла,
Вышли птенчики изъ нихъ.
Птичка пѣсенку запѣла
Для малютокъ дорогихъ:
„Спите, дѣтки! баю, баю...
Солнце тоже спать легло.
Дѣтокъ я оберегаю,
Дѣтокъ пѣней усыпляю,
Имъ подъ крылышкомъ тепло.
Спите, дѣтки! баю, баю...
Завтра солнышко взойдетъ,
Я на лугъ тогда слетаю,
Червячковъ вамъ собираю.
Спите, скоро ночь пройдетъ.
А какъ завтра улечу я,
Не шалите вы тогда!

А не то къ вамъ изъ окошка
Проберется злая кошка,
Всѣхъ утащитъ изъ гнѣзда!
А когда вы подрастете,
Научу я васъ летать;
Ловко вы крыломъ взмахнете,
Велѣдъ за мною всѣ вспорхнете—
Сами кормъ себѣ искать.
Спите, дѣтки! ночь настала,
Смолшуютъ птичекъ звонкій хоръ;
Мама тоже пѣть устала.
Все кругомъ такъ тихо стало,
Мѣсяцъ вышелъ на дозоръ.
Завтра утромъ вамъ другую
Пѣсню громко запою я,
Встанемъ солнышко встрѣчать.
А теперь я засыпаю,
Вотъ ужъ глазки закрываю,—
Спите, дѣтки! баю, баю...
Спите, мама хочетъ спать“.

Я позвонил племяннику О. Х. Янович, моему дорогому другу, геофизику Петру Николаевичу Гроздову, и поведал о моих находках.

А он в ответ удивил:

– Шура! Одна из сестер Янович была женой классика шведской литературы Стриндберга!

И добавил, что Зиночка, Зинаида Ивановна Смирнова, была штатным сотрудником ГПУ, а позднее НКВД!

Вот тебе и Liebe Tante!

Вот тебе и странный сон!!!

27 октября 2013 года

Как мы штурмовали аэропорт

В Консерватории занятия на военной кафедре («военке») были своеобразными. Однажды нам, включая женский пол, выдали противогазы. Они были с давно просроченным сроком годности.

– Надеть! – скомандовал преподаватель.

Мы натянули на физиономии пахнущие хлоркой и пылью предметы утиля. Студентка фортепианного факультета Вера Преображенская натянула аппарат наоборот! Шланг и сумка противогаза оказались на спине, а ляжки опоясали глаза и лоб. Все вокруг заржали. Вид у боевой подруги был такой, как будто ей кто-то свернул голову на 180 градусов.

– Ты чаво? Никогда противогаз не видала? – задал вопрос военрук.

Вера, заикаясь в ответ:

– В детстве, в блокаду! Но как я буду дышать?

Хохот потряс чердачную верхотуру Консерватории.

* * *

В класс, где идут занятия по военной подготовке, заглядывает озабоченный студент со скрипкой:

— Простите! У вас пульта нет?

Военрук в ответ:

— Студент Пульт! Можешь выйти!

Общий хохот!

* * *

Военрук показывает картинку. На ней на первом плане стоит солдат с идиотским выражением лица. Другой лежит, распластавшись, как пьяный, у кирпичной стены. Позади них гриб ядерного взрыва. Педагог комментирует:

— Американские бомбондировщики, пайте (понимаете), сбросили ядерную бомбу! Что делают солдаты? Один, как бы, пайте, падает! Другой, как бы, пайте, остолбенивает!

Кто-то просит повторить по буквам последнее слово:

— Не успели записать!

— Ос-тол-бени-вает! — раздается от доски.

* * *

Однажды в осенний пасмурный день нас предупредили на «военке»:

— Завтра, пайте, ученья! Оденьтесь во что похуже, что можно испачкать. Будете ползать по-пластунски по земле!

На следующий день сотня студентов собралась у памятника Римскому-Корсакову. Вид у нас был гениальный. Студенты напоминали бомжей с соседнего рынка. Всех загрузили в автобусы, в которых в мирное время возили покойников. В них пахло ладаном и хвоей. Мы набились, как сельди в бочке. Командиры-начальники ехали в консерваторском автобусе, которым управлял штатный водитель, грузин Ваню. Кавалькада долго тряслась по

Московскому проспекту, миновали аэропорт, у Пулковских высот свернули на проселочную дорогу. Наконец прибыли на место.

Командир, оглядев нашу ораву, скомандовал:

— Даю установочку! Пайте! Двести шагов бежать! Затем залечь! Окопаться! Открыть огонь по врагу! Условно! Пайте!

У каждого студента саперная лопатка или винтовка со спилленным буйком, у девчонок — сумки с красными крестами. Они выполняли роль Тамарок-санитарок. Прозвучала команда. Несколько десятков скрипачей, пианистов, музыковедов-очкариков, дирижеров, вокалистов и нас, хормейстеров, побежали к цели. Вокалист Толя Грищенко, подняв мосинскую винтовку образца 1891 года, заорал басом:

— За Родину! За Сталина! За мной! Урррра!

Наши глотки подхватили:

— Урррррраааааа!

Пробежав 200 шагов, рухнули на сырую, болотистую землю. Впереди, метров за 300, за колючей проволокой, какие-то здания с антеннами. Глядим, там люди забегали, как тараканы, и указывают в нашу сторону. Только мы отдышались, как подбегают наши командиры и из их уст разноцветные проклятья:

— Отставить! Пайте! Кто кричал? На! Зад! Пааай! Те!

Оказалось, что мы устроили панику в технических службах Ленинградского аэропорта. За это позднее здорово попало руководству Консерватории, и оно решило разогнать «военку» к светлой памяти матери скрипача Бени!

Так для Родины пропали будущие музыкальные маршалы и капельдудкины-жмурики!

Июль 2012 года

Дорогой Додик

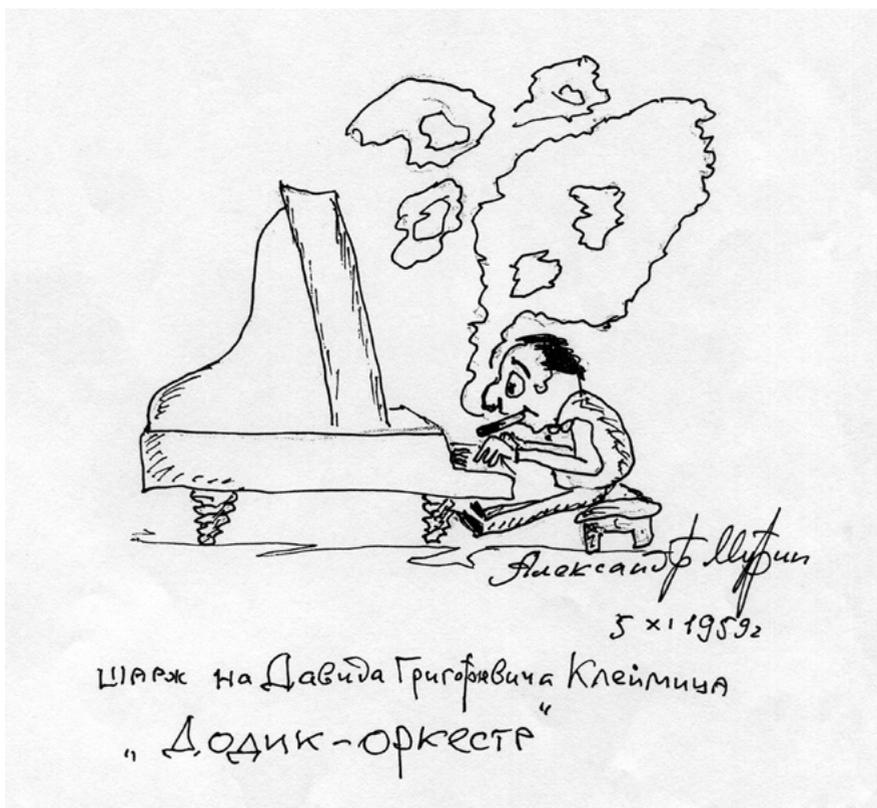
Д. Г. Клеймиц

На Волковском православном кладбище Петербурга у вторых ворот, что ведут к мемориалу «Литераторские мостки», есть оригинальное надгробие — разбитый со сломанной клавиатурой белых и черных клавиш рояль. На верхней крышке из лабрадора имена двух замечательных музыкантов нашего города: пианиста из Консерватории Давида Григорьевича Клеймица и его сына, хормейстера, заслуженного артиста России Григория Клеймица.

Старший долгие годы служил в вузе концертмейстером в дирижерском классе у профессора А. Е. Никлусова. Именно под его игру «разводили» своими ручищами сложнейшие партитуры будущие народные и заслуженные маэстро, и среди них Владислав Чернушенко, Игорь Мертенс, Владимир Максимков, позднее Александр Чернушенко, Валерий Мертенс, Андрей Чистяков и другие. Правда, это колдовство называют «мануальной техникой».

Я помню, с каким виртуозным мастерством Давид Григорьевич и наш профессор Александр Емельянович исполняли за двумя роялями хоровые сцены из опер Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского. Причем Клеймиц был за оркестр, а Никлусов за солистов и хор. После детальной проработки в классе наш учитель подпускал молодых «капельских сосунков» в Оперную студию, где он был главным хормейстером, к репетициям и спектаклям. «Евгения Онегина», «Пиковую даму», «Русалку», «Фауста» (Гуно) я осваивал в театре у Никлусова после классного дуэта.

А еще Додик (так мы за глаза звали Клеймица) и Никлусыч были заядлыми курильщиками. Они периодически по очереди исчезали из класса, что был на третьем этаже Консерватории, на черную лестницу, ведущую в столовку. На ней к запаху подгорелых котлет и переваренных щей примешивался аромат табачного дыма. Давид Григорьевич благосклонно прощал мне карикатуры на него с неизменной беломориной в многотиражке «Музыкальные кадры» и залиvisto смеялся со всеми.

И вот 1960 год. Мой государственный экзамен. В программе Мусоргский «Поражение Сеннахериба» на библейский сюжет. За роялем наш любимый Додик-оркестр, и как всегда виртуозная игра...

Жили Клеймицы на Петроградской стороне, на Мичуринской улице, за знаменитым «Дворянским гнездом», где жила элита Ленинграда. Сынишка Гриша окончил школу-десятилетку, потом Консерваторию, дирижерский класс профессора Е. П. Кудрявцевой. Судьба младшего Клеймица складывается удачно.

Когда Александр Журбин написал первую советскую рок-оперу «Орфей и Эвридика», Григорий Клеймиц подобрал на главные партии в ансамбле «Поющие гитары» новых исполнителей: художника из Академии художеств Альберта Асадуллина и студентку-пианистку с третьего курса Консерватории Ирину

Понаровскую, проштудировал с ними музыку и с триумфом руководил премьерой...

После возглавил ансамбль Эдиты Пьехи (когда произошел разрыв Эдиты с Александром Броневецким). Дирижировал в Ленинградском Мюзик-Холле.

К сожалению, большое сердце все чаще и чаще давало о себе знать. Пришлось перейти аккомпаниатором в Ленконцерт. Нужно было содержать семью — жену и двух сыновей...

Помню, в очередной приезд в наш город английский композитор Бенджамин Бриттен пригласил на обед в ресторан гостиницы «Европейская» маму, Е. П. Кудрявцеву, что подготовила с консерваторским хором его «Военный реквием», и меня, что перевел это грандиозное сочинение на русский язык. В ресторане официант принес водку, вино, легкие закуски. Мы выпили пару рюмок, как вдруг на высокую эстраду поднялся пианист. Это был Григорий Клеймиц. И начались божественные джазовые импровизации. Бриттен отложил столовые приборы, повернулся к эстраде и погрузился в музыку. Наконец, публика заплодировала. Гриша встал из-за инструмента, поклонился, обвел взглядом балкон, зал, заметив Елизавету Петровну, стремительно прошел мимо столиков к нам и смущенно сказал:

— Елизавета Петровна! Вам, наверно, стыдно за меня, что я играю в кабаке?

Мама в ответ:

— Что ты, Гришенька! Это большое искусство, что ты делаешь! А знаешь ли, что мой отец, Петр Кудрявцев, был регентом, а по рекомендации Глазунова играл на танцах в Дворянском собрании? — И, обращаясь к гостю, продолжила: — Это мой ученик!

Бриттен пожал руку и выразил свой восторг словами:

— Маэстро! Брависсимо! Брависсимо!..

В «Гигант-холле» был вечер памяти основателя «Дружбы» композитора Александра Броневецкого. В финале концерта Григорий Клеймиц аккомпанировал певцу старинный романс «Дорогой длиною...». За роялем пианист делал чудеса музыкальных импровизаций, а в заключение на слова «На долгие года» — эффектное глиссандо по всей клавиатуре сверху вниз, и только поставил в басу точку, как вдруг накренился и тихо боком сполз со стула на пол.

Закрыли занавес. Ведущий вечер Григорий Баскин обратился к публике:

— В зале есть врач???

Mors stupebit et natura! Смерть опустилась на землю. Грише было 53 года.

Р. С. На днях узнал интересную подробность. В августе 1941 года Ленинградская консерватория (педагоги, студенты, инструменты) во главе с директором, пианистом П. А. Серебряковым, уехали в эвакуацию в далекий Ташкент. А семья Серебрякова, жена, двое детей, остались в блокадном городе. И именно своему другу Давиду Григорьевичу Клеймицу Павел Алексеевич поручил вызволить их из блокадного ада. Додик выполнил поручение. Спас умирающих бедолаг. Через замерзшую Ладогу вывез их на Большую землю. Земной поклон Вам, дорогой и незабвенный Давид Григорьевич!

12 декабря 2012 года

Звезда по имени Хиль

Многострадальная смоленская земля дала России сотни гениев. И первого русского Орфея, композитора Михаила Глинку, и первого космонавта планеты, Юрия Гагарина, и самого солнечного певца – Эдуарда Хиля.

Смоленский паренек видел сожженный фашистами город. С тех пор в его лучезарных глазах навсегда осталась боль за отчизну.

Обезумевшие от горя люди спешно покидали родные места. В сутолоке шестилетний Эдик потерялся. Его приютили русские люди. Башкирский детский дом в Уфе стал родным. И когда мать в конце войны нашла сына, тот, оставив игрушки, спросил:

— Хлеба принесла?

Взял буханку и разрезал ножом на ровных 16 кусков для детдомовских братьев. Эта черта доброты, встать горой за товарища, была для Эдуарда главной на всю оставшуюся жизнь.

Вспоминаю 1955 год. Десять лет, как закончилась Великая Отечественная война. Ребята, мои сверстники, поступают

в Консерваторию. Пишем на экзамене по литературе сочинение. Я выбираю тему «Герои „Молодой гвардии“ Фадеева». Хлопец, похожий на ФЗУ-шника, что сидит за соседним столом, – «Павку Корчагина». Естественно, на коленях «шпоры». В конце экзамена «махнулись» своей писаниной. Сосед проверил мое «творенье», а я его. Сдали свои работы экзаменатору, вышли в консерваторский коридор. Познакомились:

– Шура-Мура!

– Эдик!

– Поступаю на вокальный, – добавил он.

Через неделю на доске приказов прочли свои фамилии: Эдик зачислен на вокальный, я – на дир-хор (дирижерско-хоровой) факультет.

Мой учитель по специальности, главный хормейстер Оперной студии Консерватории А. Е. Никлусов, с первых шагов стал приучать к трудному и в то же время интересному оперному делу. Вскоре профессор поручил мне дублировать его в спектакле «Евгений Онегин». Как известно, опера начинается сценой у барского дома. Ларины (Таня, Ольга, их матушка) варят вишневое варенье. Из-за деревьев (кулис) слышно тоскливое пение крепостных крестьян, что принесли барыне первый сноп пшеницы.

Я стою за кулисой, смотрю в дырку и жду, когда дирижер даст вступление хору, что сгрудился вокруг меня. Отзвучала тема у контрабасов, даю тон солисту-тенору: «Болят мои скоры ноженьки...». А тот, кстати, мой однокашник, задает вопрос:

– А что, если я сейчас не вступлю? Что будет?

Я в ответ:

– Тебя, придурка, вышибут из Консерватории!

Тенор в ответ:

– Маэстро, напomini мелодию!

Я повторил тон. В оркестровой яме дирижер спектакля беспокойно стучит палочкой по пультам:

– Вы что там, чудильники? Заснули?

И тут запевала вопит, как зарезанный:

– Болят мои скоры ноженьки со работушки! – вместо «со походушки». Хор отвечает правильно. Второй куплет – солист снова свое:

– Болят мои белые рученьки со походушки! – вместо «со работушки». Хор отвечает правильно.

А третий куплет запеваает весь хор. Выходим на сцену и попадаем под руку дирижера.

Я отхожу вглубь кулис весь мокрый до пят, пот льет от волнения по лицу, как из ведра. Подходит Онегин. Узнаю Эдика Хиля. Он смеется:

– Муркин! Не дрейфь! В спектакле еще не то бывает! – и идет с Ленским на выход.

И его слова вскоре находят подтверждение.

В сцене ларинского бала тот же самый злосчастный тенор исполняет партию французика Трике. Выходит во фраке, буклях, со свитком нот.

– Куплет имею я с собой!

Но где ж мадэмазель?

Ему указывают на сидящую в кресле дородную Ларину-мамашу. И вдруг вместо «Он должен быть передо мной!» тенор несет ахинею:

– Я на себя взял смелость! Привесть приятеля! – то есть слова и мелодию из предыдущего акта.

Суфлер Е. Е. Орлеанский высовывается по грудь из своей будки и пререкается с тенором:

– Пой, гад! «Прошу теперь мне не мэшать»!

– Кому не мешать?

– Мне! Мне!

Наконец, истина восстановлена. Дирижер громко называет цифру в нотах, с которой начать. Раздаются аккорды, и Трике затягивает свои куплеты:

– Какой чудесный этот день!

На сцене хористы, певцы-солисты дохнут от смеха. У Эдика (Онегина) в глазах смешинка, но он держится, вполоборота от зала...

Сцена ссоры проходит как по маслу. А следом дуэль.

– Ну что я говорил! В опере и не такое бывает! – произнес Хиль, уходя со сцены в гримерку.

Я рассказал этот случай специально. Так как фраза Эдика «Не дрейфь!», видимо из его детдомовского детства, стала для меня символичной.

Эдуард Хиль в роли Евгения Онегина

Его дипломной работой в Консе стала роль весельчака, балагура, хитреца Фигаро. В ней отразился весь характер и талант Хиля, хотя к этому времени песня полностью захватила его в свои объятия. Сотни мелодий подарит он нам, и в каждой – солнечный оптимизм.

С 1972 по 1985 год я служил в Ленконцерте педагогом вокального отдела, курировал народных певиц: сестер Федоровых, Сапожникову, Родионову, Пятницу, русский эстрадный ансамбль «Белые ночи». Мы виделись с Эдуардом на худсоветах в Театре эстрады, и всегда я слышал его приветливое: «Как дела, старина?» и лаконичные, справедливые, тонкие, иногда суровые суждения о выступлениях коллег-вокалистов.

Вскоре узнал, что Эдуард Анатольевич Хиль в Театральном институте набрал девчат и ребят в класс советской песни, приготовил с ними программу «Северный родник» из песен, шуток, мелодий любимого Валерия Гаврилина. На премьерном показе в Доме композиторов на Герцена я был свидетелем оглушительного успеха.

– Ну как, получилась гаврилинская прививка? – спросил меня Эдуард. Я ответил:

– Для меня это такое же явление, как «Братья и сестры» у Додина!

А как он сам в зале у Финляндского вокзала с Таисией Калининской спел «Военные письма» того же Гаврилина – словами не передать. До сих пор они звучат у меня в памяти. Это был их общий с композитором шедевр.

В 1985 году я с семьей поселился в доме 50 по набережной Фонтанки. В соседнем проходном Толстовском доме жила семья Хилей. Я часто встречал Эдика, что тащил с Кузнечного рынка тяжеленные сумки с провизией. На Кузнечном его знали и принимали, как родного.

В эти годы сын Эдуарда и Зои Дмитрий, окончив Хоровое училище, занимался в Консерватории на дирижерско-хоровом факультете у моей мамы, народной артистки России, профессора Елизаветы Кудрявцевой. Она возлагала на него большие надежды, и они сбылись – Дмитрий Эдуардович Хиль стал блестящим музыкантом, композитором, пианистом, импровизатором, оркестровщиком. Но главное, подарил родителям наследника, Эдуарда Хиль-младшего, ныне ученика Хорового училища им. М. И. Глинки, что пошел по музыкальным стопам отца и деда.

Я помню, с каким восторгом отзывалась моя мама о строительных талантах Эдуарда Анатольевича, побывав у него в гостях в глухой деревне под Новгородом.

– Это настоящий русский мужик, плотник! – говорила мама.

В городе Эдуард Анатольевич не пропускал ни одного значимого события: открывают памятник Анне Ахматовой напротив Крестов или надгробие первой женщине-дирижеру Е. П. Кудрявцевой на Новодевичьем кладбище...

Эдуард Хиль на набережной Фонтанки

1 апреля сего года мы с женой, скульптором Галиной Додоновой, вместе с четой Хилей сидели за гостеприимным столом нашего общего друга, профессора Можайской академии Бориса Константиновича Гранкина. Травили байки, истории, судачили о судьбах России, нашего города. Ничто не предвещало трагедии 8 апреля.

4 июня, в понедельник, в первый день Петровского поста, в ночь после Троицы, включил утром радио... Известие о смерти Эдуарда Хиль потрясло. Хотя знал, что он полтора месяца в коме и безнадежен, но надеялся на чудо. Чудо не произошло. Зубы выбивали нервную дрожь, а в мозгах нелепо стучала фраза Станиславского: «Не верю!»

Эдуард Хиль был неповторим и узнаваем среди великих певцов, таких как Юрий Гуляев, эстонец Георг Отс, армянин Павел Лисициан, азербайджанец Муслим Магомаев. Звучат сотни песен Эдуарда Хиль, и ни в одной нет уныния, пессимизма, только солнечный свет, что останется с нами навсегда.

Символично, что упокоился смоленский паренек, гордость и слава Ленинграда-Петербурга и России, рядом с Блаженной Ксенией, святой хранительницей нашего города на Смоленском кладбище.

После отпевания в церкви Смоленской иконы Божьей матери, когда гроб с телом Эдуарда Хиль опускали в могилу, среди туч питерского хмурого неба появился светящийся крест, на который обратил внимание священник, друг и духовник Хиль, о. Виктор. Все устремили взоры на небо. Стоящий рядом со мной профессор, крупный ученый, сказал:

– Этого современная наука не может объяснить!

А я думаю, что это знак. Скоро на небесах появится звезда-планета по имени Хиль и будет светить нам вечно. Пока мы живы!

25 июня 2012 года, 18 часов вечера

В Петербурге идет дождь

Картошка

Хохма Эдуарда Хиль

В начале горбачевской перестройки дела в плановом сельском хозяйстве зашли в тупик. Мы питались в основном заморскими продуктами: «ножками Буша» из США, яйцами из Финляндии, водянистой картошкой от Фиделя из Кубы и т. п.

Артистов Ленконцерта, несмотря на возраст и почетные звания, гоняли на овощные базы нашего города на выгрузку продукции. Дошла очередь и до вокально-эстрадного отдела концертной организации. На набережной Фонтанки, 41 (Дом Кочневой) нас, человек двести, загрузили в комфортабельные «Икарусы» с мягкими креслами и привезли на Пискаревскую овощную базу, что напротив Мемориального кладбища. Мы перегружали немецкую картошку из мешков в контейнеры-поддоны. Я попал в бригаду с заслуженной артисткой Светланой Родионовой и народным артистом Эдуардом Хилем. Света развязывала идеально чистые холщовые мешки, а мы опрокидывали их в контейнеры. Вскоре от монотонной «творческой» работы все устали. Объявили перерыв. Кто-то вскрывал домашние термосы, кто-то втихаря опустошал шкалики с водкой. Эдик отошел в сторону и заговорщически поманил меня:

— Слушай, Шура! Авторучка у тебя есть? Вот немецкая накладная. Напиши латинскими буквами, — и продиктовал: — Привет артистам Ленконцерта от крестьян ГДР!!!

С ухмылкой засунул бумагу в картофель и крепко завязал угол мешка веревкой.

Работа возобновилась. Открывая очередной мешок, Света Родионова звонко воскликнула:

— Товарищи! Тут какое-то послание! Кто знает немецкий? — и на полном серьезе начала разбирать мои каракули. Мы с Эдуардом проявили общую заинтересованность:

— Надо же! Ну, дают немцы!

Все сгрудились вокруг мешка. Эдик, давясь от смеха, разоблачил виновника трудовой дисциплины. Но вокалисты отказывались ему верить.

Наконец, все вернулись на свои рабочие места. Мы снова монотонно вскрывали мешки и пересыпали чистый немецкий картофель в ржавые советские железные поддоны.

17 июля 2012 года

Индийская гробница

В 1963 году Д. Д. Шостакович привез из Англии ноты и пластинку «Военного реквиема» Бенджамина Бриттена, показал друзьям и высказал идею исполнить его силами студентов нашей Консерватории. Профессора П. А. Серебряков, Н. С. Рабинович, Е. П. Кудрявцева, А. Н. Дмитриев предложили мне написать русский поэтический перевод с английского.

Я с головой окунулся в это задание. Трудность была в том, что в музыке современного английского классика, новатора, русские гласные должны были совпадать с английскими. Курировала работу заведующая кафедрой иностранных языков, легендарная Е. Е. Константиновская. Я несколько раз был у нее дома на Кировском проспекте.

Готовый перевод мои друзья Галя Усова и Василий Бетаки показали своей учительнице Т. Г. Гнедич, навещая ее в Царском Селе. Перевод понравился!

Возьми черные жерла орудий, брат,
И разверни их прямо в небеса.
Пусть небо проклинает этот ад,
Здесь в прах низвергнуты и горы, и леса.
Раздайся над землей всесильный глас:
«О небо! Вырви язву войн из нас!»

Мама сказала, что моей работой заинтересовался Д. Д. Шостакович. Он назвал «Реквием» совестью музыкантов XX века! Наконец перевод был подробно, по косточкам разобран за фортепиано П. А. Серебряковым, А. Н. Дмитриевым, Н. С. Рабиновичем и Е. П. Кудрявцевой в 27-м классе Консерватории. Профессор А. Н. Дмитриев забрал у меня перевод и все сведения о поэте Вильфреде Оуэне для статьи, а М. Э. Крастин из Филармонии предложил напечатать его отдельной брошюрой в количестве 5 000 экземпляров для вкладыша в программу концерта.

Два студенческих оркестра, два хора (среди певцов студенты Е. В. Образцова, Е. Е. Нестеренко, Н. В. Юренева и другие), солисты были участниками этого музыкального пиршества. Хормейстером была Е. П. Кудрявцева, а дирижировал массами

Бенджамин Бриттен

Н. С. Рабинович. В зале им. Глазунова присутствовал Бенджамин Бриттен, его друг М. Л. Ростропович, Э. П. Грикуров, А. К. Янсонс, С. П. Преображенская, К. Н. Лаптев и многие другие музыканты.

Композитор после исполнения поднялся на эстраду и сказал:
— Я рад, что мое сочинение после Англии прозвучало в городе великого Шостаковича в исполнении молодых музыкантов, кому оно и адресовано!

Бенджамин Бриттен. Автограф

Через несколько месяцев «Реквием» прозвучал в Большом зале Филармонии. Серебряков, Рабинович и Кудрявцева послали в Англию приветственную телеграмму композитору. В многочисленных рецензиях часто цитировали мой перевод.

Эх! Сколько хлопот принесет мне эта работа! Оказалось, в зале Филармонии на премьере присутствовал большой чин, что ведал всеми военными переводчиками. Он прочел в программке «Перевод стихов Александра Мурина»: «Кто такой? Почему не знаю?» Он дал команду: «Выяснить!»

Вскоре получаю повестку явиться в городской военкомат на службу в доблестные Вооруженные силы. Человек в штатском сверхлюбезно разговаривал со мной. Расспросил о родителях,

о работе, о семейном положении, о погоде, о футболе, а потом задал странный вопрос:

— Кто помогал вам переводить «Реквием» Бенджамина Бриттена?

Я назвал имя Елены Евсеевны Константиновской.

— Ах, Леночка! Ах, Леночка! Знаю, знаю Елену Евсеевну!

И вот я оказался в секретной части, что занималась пеленгом и перехватом американских самолетов. Я был исправный ученик и через два месяца блистал 150 фразами, которыми общался с подчиненными министр обороны США. Правда, сапог 46 размера в секретной части для меня не нашлось, и я ходил в своих туфлях, обматывая щиколотки портянками, как красноармеец времен гражданской войны. Еще через месяц меня вызвал командир полка в штаб:

— Слушай, музыкант! Музыкант — это твое прозвище или профессия?

Я отвечал, как положено по уставу:

— Окончил Ленинградскую орден Ленина государственную консерваторию имени Николая Андреевича Римского-Корсакова как дирижер-хормейстер!

— О! Значит ты Капельдудкин!

— Да!

— У меня к тебе просьба: слетать в Питер и разузнать, разведать подробно, что есть такое «Битлз» и доложить нам... Пять суток хватит?

Я прибыл в Ленинград. Большую часть времени провел с молодой женой, с друзьями-собутыльниками. В последний день вспомнил о задании, разузнал о четверке, достал у друзей магнитофонную запись их шлягеров. Вернувшись в полк, я сделал доклад в кают-компании. В первых рядах сидели мои командиры, а далее товарищи-сослуживцы. По окончании все дружно хлопали и стали величать меня Музыкант-профессор.

Через несколько лет в наш город вновь приехал Бриттен. Он привез маме и мне подарки за исполнение «Военного реквиема». Мы встретились с ним за обедом в ресторане гостиницы «Европейская». О своей службе я, естественно, молчал, как индийская гробница!

Июль 2012 года

Наряд вне очереди

Как-то два майора нашей секретной части сидели в кают-компании и от нечего делать решили разыграть слухачей-партизан, проверить их на вшивость. Ключнут ли?

Первый начал:

— А знаешь, что по новому уставу внутренней службы в части можно не отдавать честь вышестоящему начальнику?

Второй:

— Да ну? Это невозможно!

Первый:

— Ну, например, идешь с ведром краски и с кистью в другой руке. Что, бросишь кисть и ведро и будешь козырять?

— Ну, ладно. Убедил!

На следующий день во время самоподготовки врубилась трансляция в казарме, и дежурный кричит в микрофон:

— Мурин! На выход! Жена прилетела!

Бегу по плацу к проходной КПП. Миную группу, среди них командир полка и два шутника-майора, и слышу знакомый голос с английским акцентом:

— А, партизан! — повернулся и вижу возмущенное лицо генерала, задаю вопрос:

— Вы это меня?

— Шагом марш! Ко мне!

Подошел. Отдал честь. Начинаю что-то мямлить про новый устав... Гляжу, глаза начальника полезли на лоб. Он заорал:

— Как, вчера какой-то бляди честь отдавал, как на Красной площади генсеку! А боевому, а офицеру, а сегодня, рученьку к мозгам приложить не можешь? Кругом марш! Назад! Кругом! Марш!

Я раз десять прошел мимо начальников, впечатывая в пыль мои гражданские ботинки в обмотках и сворачивая шею в сторону, отдавая честь!!! Наконец услышал спасительную команду:

— Шагом марш! На кухню! Передай майору Смирнову мой приказ. Два наряда вне очереди! Да, забери у своей бабы продпакет! Шагом марш!

Я забрал у жены сеточку с продуктами и, понурыи, поплелся на кухню. Правая нога в колене болела, как будто я целый день

играл в футбол. А в бутылке из-под лимонада была замаскирована 40-градусная московская водка, которую мы с Жоркой Чурсиным ночью оприходовали, заедая фруктами.

14 июля 2012 года

Пилотка

Майор Смирнов, что командовал кухней в нашей части, приказал:

— Партизан! Свари кисель! — и выдал два ящика сухих клюквенных брикетов. Я до обморока раздирал упаковки, дробил толкушкой и бросал в огромный кипящий котел. Мешая это варево огромным черпаком, случайно зацепил пилотку с затылка. Хотел выловить, но она куда-то канула в парах киселя. Майор обнадежил:

— Завтра на раздаче выловим! А за это к утру очисти десять ящиков картошки! — и ушел отдыхать.

Я включил в штепсель мойку для обработки овощей и в нее начал сыпать разномастные картофелины. Было лень ножом выковыривать черные глазки, и я включил барабан побыстрее. Вскоре картофелины стали круглые, как финские яйца по 90 копеек за десяток. Я мыл, крутил и складывал продукцию в чистые 10-литровые кастрюли, заливая родниковой водой.

Утром майор-повар похвалил меня:

— Ну, Музыкант-профессор! Какой чистый картофель!

В обед начальство отметило шикарное пюре! А вечером повар спросил меня:

— Где картошка на ужин?

Я пожал плечами:

— Вы ее истратили в обед!

— Ну, гад! Чем я буду кормить народ? Может киселем с твоей пилоткой?

На ужин были макароны по-флотски и мой кисель. Командир полка, выпив две кружки, воскликнул:

— А вот и звездочка с пилотки Музыканта-профессора мне попалась!

Майор при начальстве выдал, как награду, вываренную, мятую-перемятую пилотку, но без звезды:

— Носи, профессор! И катись к такой-то матери-перематери, чтобы духа твоего на кухне не было!

А моя пилотка еще долго пахла киселем!

14 июля 2012 года

Флейта

Закончив занятия в Консерватории, я иду на кольцо автобуса № 3 у памятника Глинки. Там дожидается транспорта мой однокурсник виолончелист Юра Фалик, что родом из Одессы. В его руках громоздкий в тряпичном чехле инструмент.

— Куда едешь? — задает он мне вопрос.

— Да на Желябку, в «Трудовые резервы». (Так мы называли Дом культуры учащихся профтехобразования.)

— А я в Малый зал Филармонии, на репетицию к концерту. Едем вместе!

Подходит долгожданный автобус. Мы влезаем в заднюю дверь.

Я, Фалик и виолончель. Покупаем билеты.

— А за флейту! Платить будете??? — задает вопрос кондукторша.

— Это не флейта, а тромбон! — парирует Юра и доплачивает за багаж. Пассажиры автобуса, в основном консерваторцы и артисты Кировского театра, ржут над хохмой до самого Невского. Мы выходим у Казанского собора. Вслед нам несется:

— Флейтистам — пока! Тромбонистам — чао!

Какой я мельник?

Мы, участники спектакля «Русалка» в Оперной студии Консерватории, уговорили Фалика послушать нашего друга, студента Владлена Дегожского в роли мельника.

— Ты услышишь будущего Шаляпина! — пообещали мы Юрке.

Перед началом спектакля наша орава зашла за кулисы и попросили певца в сцене с князем спеть вместо «Какой я мельник? Говорят тебе, я ворон, ворон, а не мельник!» — «Какой я мельник? Говорят тебе, я Фалик, Фалик, а не мельник!»

— Пол-литра — спою! — обещал вокалист. Мы согласились!

Фалик сидел на спектакле и откровенно скучал, не ведая о нашем подвохе. Последняя сцена. Появляется князь. Звучит его ария:

— Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...

С дуба падают листья.

Князь:

— А вот и дуб заветный!

Появляется мельник. Не в такт:

— Какой я мельник? Говорят тебе, я Тюлин, Тюлин! А не мельник!

(Ю. Н. Тюлин — профессор композиторского факультета Консерватории.) В оркестре и в зале смешок! Ржет и Юрка Фалик! После финала идем за кулисы. Дегожский еще в гриме мельника требует долг, а мы показываем фигу.

— Что ты спел, дурень?

— Как что? Тюлин! Тюлин! — оправдывается Владлен.

— А надо было Фалик! Фалик! А не Тюлин!!!

— Эх! Промашка вышла! — стонет певец.

Просто Гриша!

Юрий Фалик

— Саня! Идем в ТЮЗ, на Моховую! Я там настрочил музыку к спектаклю «Сказки Пушкина». Сегодня генеральная репетиция, — предложил Юра Фалик.

У входа в театр нас встретил мой знакомый, заведующий сценой Валерий Зощенко, и проводил к Главному, Александру Александровичу Брянцеву. Тот берет Юру, как маленького, за руку и, стуча палкой, ведет в зал к оркестровой яме, где шумят на своих инструментах музыканты. На открытой сцене артисты в красочных костюмах. Узнаю только шамаханскую царицу — Нину Дробышеву. Брянцев представляет Фалика:

— Это автор талантливой музыки, молодой композитор Юрий Малик!!!

Юра на ухо старику шипит:

— Юрий! Фалик!!! Юрий! Фалик!!!

Тот исправляет оговорку:

— Простите! Автор музыки! Юрий! Палик!!!

Юра на форте:

— Называйте меня просто Гриша!!!

На премьере на Моховой на афише красовалось:

«Композитор Григорий Палик».

16 октября 2012 года

Липа

В 1960 году летом мы, окончившие Консерваторию, толпились у Малого зала им. А. К. Глазунова, где нам должны были выдать дипломы. Наконец всех пригласили на сцену. В этот момент ученый секретарь вуза подхватил меня под руку и предупредил:

— Вам, Мурин, поручено сказать слово после вручения от имени всего выпуска!

Я спешил на стул рядом с виолончелистом, одесситом Юрием Фаликом. Спрашиваю в смятении:

— Юрастик! Что говорить?

А тот в ответ:

— А ты знаешь, Мурилло, нам сегодня выдадут липу!!! Поскольку большинство не подписало согласие на работу на Сахалин и другие места солнечной Сибири и Дальнего Востока, в дипломах нет главного — печати! А без нее диплом не действителен!

Мы растопырили уши! Пышно говорил, обращаясь к нам, ректор Консерватории, пианист, профессор Ю. В. Брюшков, которого прислали из Москвы взамен снятого за демократизм высококочтимого Павла Алексеевича Серебрякова. Нового начальника мы, шутя, величали Серебряшков. Он называл нас коллегами, призывал к новым победам в музыкальном искусстве. Потом вручил дипломы, в которых черным по белому мелко значилось: «Диплом без печати не действителен». Я наклонился к соседу и тихо сказал:

— Спасибо, Юра, за идею! Сейчас выйду и скажу про липу и сошлюсь на тебя!

Тут объявили:

— Ответное слово представляется дипломанту дирижерского хорового факультета Александру Мурину!

Я стремительно пошел к трибуне. Оглянулся на Фалика. Тот покраснел и стал грозить мне кулаком. Потом опустил голову на колени и закрыл ее руками. Набрал полные легкие воздуха, выждав гамлетовскую паузу, я сказал, как учили:

— Спасибо партии родной, дорогой Консерватории, любимым Учителям за наше счастливое детство!!!

Аплодисментов не слышал. Когда вернулся и сел на свой стул услышал облегченный выдох Юрки Фалика. Он выдавил мне в ухо:

— А жаль, Мурилло, что не сказал про липу! Мог прославиться в веках!!!

Август 2012 года

Премьера в Очень Большом

«Как хороши, как свежи были рожи!» – воскликнул бы Иван Сергеевич Тургенев, узрев в Очень Большом театре новую постановку Чернякова–Бархатова оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», точнее, *без царя*, где Антонида гладит утюгом Tefal рубашку Собинина, а Сусанин шпарит на немецком аккордеоне фирмы Weltmeister мотивчики русского классика!

Бедный Глинка! Несчастный Тургенев! Как радостно, что они не дожили до наших дней!

Попытка реконструкции

Посвящается Николаю Мартынову

Первая симфония фа минор Д. Д. Шостаковича (соч. 10. 1925 год) в четырех частях впервые прозвучала 12 мая 1926 года в Ленинграде в Большом зале Филармонии (бывшем зале Дворянского собрания) под управлением профессора Консерватории Николая Андреевича Малько. Когда спустя десятилетия этот легендарный дирижер приехал в СССР в Ленинград с концертом и встретился в Консерватории со своими бывшими учениками, профессорами Н. С. Рабиновичем и И. А. Мусиным, я дерзнул спросить у него о самом значительном дне в его богатой встречами и событиями жизни и получил лаконичный ответ:

– Премьера Первой симфонии Шостаковича!

Другой великий русский дирижер Сергей Кусевитский сказал: «Я глубоко убежден, что со времени Бетховена еще не было композитора, который бы мог с такой силой внушения разговаривать с массами».

Ныне известна каждая нота, каждое слово гения XX века. Мы знаем посвящения его симфоний:

7-я – городу Ленинграду («Ленинградская»);

6-я – другу, единомышленнику, дирижеру Е. А. Мравинскому;

12-я – В. И. Ленину;

14-я – английскому композитору Бенджамину Бриттену.

Павел Филонов. Первая симфония Шостаковича. 1935 год

А кому Д. Д. Шостакович посвятил свою 1-ю симфонию, неизвестно большинству музыкантов и меломанов.

Начну издалека.

Несколько лет тому назад друзья пригласили меня на вечер-встречу с интересным человеком. Инженер-программист, музыкант, певчая церковного хора, краевед рассказывала о родине моих предков, деревне Мурино, и о Екатерининском храме семейства Воронцовых, что выглядывает из-за деревьев, когда едешь на электричке с Финляндского вокзала на Сосново

Миша Квадри с родителями

и Кавголово. Вскоре я написал вступление к обширному труду Н. Я. Серебряковой «Мурино: хроника трех столетий». А в 2014 году вышла новая книга автора «История рода (для своих и не только)». В ней я с удивлением узнал, что Н. Я. Серебрякова находится в родстве с канувшим в Лету и уничтоженным в годы сталинских репрессий композитором Михаилом Владимировичем Квадри!

Мать М. В. Квадри, Надежда Николаевна Карбасникова (1883–1942), была дочерью знатного петербургского издателя, купца I-й гильдии Николая Павловича Карбасникова (1852–1921) и его законной жены Зинаиды Александровны Карбасниковой (1882–1942), урожденной Романовой. А девичья фамилия моей новой знакомой Н. Я. Серебряковой – Романова! Карбасниковы имели в Петербурге издательство, два книжных магазина на Литейном проспекте, 48 и в Гостином дворе. Жили они в собственном доме на улице Жуковского, 8.

Г. Л. Катуар и его ученик М. В. Квадри (в белой рубашке).
Москва. 1920-е годы

Отец М. В. Квадри – Владимир Викторович Квадри (скончался в 1911 году), штабс-капитан, позднее генерал-майор, преподавал в артиллерийской школе и 1-м артиллерийском кадетском корпусе им. Петра Великого, что на углу набережной Фонтанки и Московского тракта. Шефом корпуса был великий князь Константин Константинович Романов (известный русский поэт К. Р.). К слову, в корпусе преподавал Я. Мясковский, а учился его сын, будущий композитор Н. Я. Мясковский, профессор М. В. Квадри по Московской консерватории. Вот такая любопытная цепочка!

Михаил Владимирович Квадри (1897–1929) занимался вначале у профессора Г. Л. Катуара, а заканчивал Консерваторию по классу композиции у профессора Н. Я. Мясковского.

Он был помощником редактора журнала «Современная музыка», членом АСМ (Ассоциации Современной Музыки).

Вокруг М. В. Квадри сплотилась «московская могучая кучка» музыкантов (Михаил Квадри, Виссарион Шебалин, Лев Оборин, Михаил Старокадомский, Михаил Черемухин, Юрий Никольский). К ним в гости приезжали из Ленинграда молодые музыканты. Друзья показывали друг другу свои первые композиторскиеopusы, выступали в концертах.

Собирались у Оборина на Солянке или у Квадри на Спиридоновке.

Оборин вспоминает: «Играли музыку свою и „чужую“. Здесь были и классики – органнй Бах в четыре руки и Глазунов (все восемь его симфоний), Скрябин, Брукнер и Р. Штраус... Свою музыку авторы несли на суд товарищей. За критикой и спорами засиживались часто допоздна... Как-то Квадри привел Шостаковича к нам...». В одном из писем к матери (С. В. Шостакович) Дмитрий Шостакович пишет: «Мишка был в неопиcуемом восторге от моей музыки...».

М. В. Квадри Шостакович и посвятил Первую симфонию. Это посвящение позднее безжалостно вымарывалось во всех изданиях сочинения. А Квадри в свою очередь посвятил Шостаковичу, «юному другу Мите», «Вариации для фортепиано. Опус 1» и «Вступление и сказ к картинам Н. К. Рериха». Именно Квадри познакомил Шостаковича с любителем музыки, который недурственно играл на скрипке, М. Н. Тухачевским. Маршал был когда-то подопечным отца Квадри.

По грязному доносу В. Сафронова (свидетельство Д. Р. Рогаль-Левицкого) Михаил Владимирович Квадри 31 октября 1928 года был арестован сотрудниками НКВД и после изнурительных многомесячных допросов 8 июля 1929 года осужден коллегией ОГПУ по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности и 12 июля расстрелян.

Его матушка, Мария Николаевна Квадри, ранее, в ноябре 1919 года, арестована ЧК как участник контрреволюционного заговора и отправлена в ссылку в Вологду. После гибели сына вернулась в конце 30-х годов в Ленинград и скончалась от голода в блокаду в 1942 году.

Дядя М. В. Квадри (по материнской линии) Николай Николаевич Карбасников (1885-1963) избежал страшной участи. После 1917 года жил в Финляндии, в Хельсинки. В 1924 году

перебрался в Париж, основал там свое издательство, печатал книги русских эмигрантов. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Рядом с ним через 3 года упокоилась супруга Анна-Роза Самуиловна Карбасникова (1885-1985).

Их внук Михаил Николаевич Карбасников (полный тезка Квадри), экономист-востоковед, вернулся в 2011 году из Франции на родину предков. Живет и работает в Москве.

Ну а Первая симфония Д. Д. Шостаковича, посвященная М. Н. Квадри, звучит триумфально по всему миру, воспевая Мужество и Страдания Человека!

Р. S. В книге Н. Я. Серебряковой есть две фотографии: Г. Л. Катуар и его ученик М. В. Квадри, на другой – годовалый Мишутка на руках родителей. Муки и страдания впереди!!!

29 июня 2014 года

Тайна «Императрицы Марии»

Посвящается Валерию Митрофанову

Максим Горький как-то написал: «Все́м хоро́шим во мне я обяза́н книга́м». Автор данного эссе все́м хоро́шим обяза́н маме, отцу и няне, безно́мому инвали́ду из глухой вятской дере́вни Ардаши – Анастасии Ива́новне Ардашовой. И́менно они привили мне, капелльскому па́цаненку, любовь к чтению, к вели́кой литерату́ре. В годы военных скитаний по стране с Ленинградской капеллой, где мама Елизавета Петровна Кудрявцева была единственным дирижером, у меня было всего три кни́ги. Но какие! «Сказки» Пушкина, что прислала из блокадно́го Ленинграда бабушка Дуня (мать отца, Евдокия Николаевна Мурина). Этот экземпляр принадлежал диктору нашего радио М. Г. Петровой. Няня Тася читала их нам, когда мама с артистами Капеллы зимними вечерами уезжала на концерты. Особенно полюбил «Сказку о медведихе». Я фантазировал, что зверь обитает на другом берегу реки Вятка, куда мы плавали на лодках

летом в редкий выходной с артистами, и с опаской глядел, не выйдет ли она из чащи леса.

Другая книга – «Сказки и истории» Андерсена. Особенно сказка о девочке, наступившей на хлеб, чтобы не испачкать башмачков. Хлеб для нас, полуголодных ленинградцев, был чем-то особенным, святым! Третья книга из детства – «Клю и Кля» Заяицкого с изумительными рисунками Наталии Ушаковой. О приключениях двух обезьянок, сбежавших из цирка в родную жаркую Африку. К слову, детские шедевры Корнея Чуковского мне были тогда еще неведомы.

По возвращении 24 октября 1944 года в родной Ленинград «другие песни придумала жизнь...» Это «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера», «Приключения Оливера Твиста», «Пятнадцатилетний капитан», рассказы Паустовского и Пришвина (влияние отца Алексея Григорьевича Мурина, который был знаком с писателями) и по школьной программе «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Два капитана», зачитанный до дыр «Кортик».

Как жалко, что мои внуки Вова и Вася этим шедеврам предпочитают американские детективы, страшилки-комиксы и компьютерные стрелялки.

Я не мог и подумать, что история «Кортика» Анатолия Рыбакова вернется ко мне спустя много лет! Напомню детективную канву романа. Взрыв на рейде Севастополя линкора «Императрица Мария» 7 октября 1916 года. В этот трагический момент негодяй офицер Никитский убивает положительного героя, потомка русских оружейных мастеров Владимира Терентьева и завладевает старинным кортиком. Простые ребята, мои сверстники начинают поиски. В конце концов они находят кортик и ключом, что сокрыт в его ручке, открывают тайник в часах, а в нем карты и планы затонувших кораблей, и в их числе место крушения фрегата «Черный принц» в бухте Балаклавы. С него водолазы поднимают на поверхность золотые слитки, которые идут на нужды молодой советской республики. Мы десятки раз прокручивали эту историю, а заветную фразу романа «Сим гадом завести часы!» повторяли, как заклинание.

Итак, все по порядку.

В 1986 году я отмечал свое пятидесятилетие. Собрал за праздничным столом тридцать семь моих родственников. Во главе сидели патриархи рода: мой крестный дядя Кока (народный артист СССР, главный хормейстер Кировского театра Александр Григорьевич Мурин), дядя Андрей (профессор Университета, доктор наук, химик Андрей Николаевич Мурин), тетя Зоя (дочка моей крестной Екатерины Васильевны Муриной-Лушевой, геолог Зоя Николаевна Зост-Лушева). А вокруг братья, сестры, племянники. Шум, веселье, тосты, как на любом торжестве! Когда прощались, тетя Зоя сунула мне в руки конверт, а в нем какие-то фото и бумаги с присказкой:

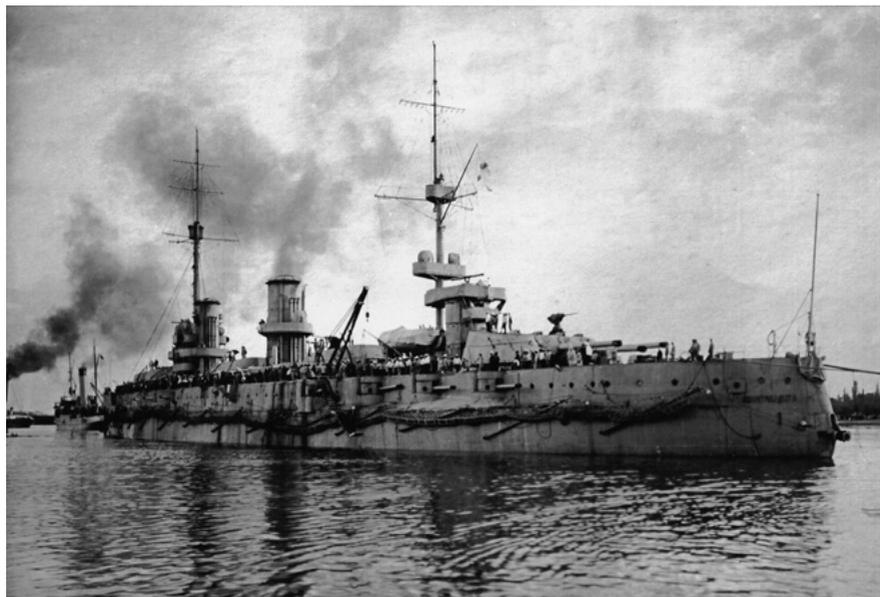
– Шурик! Слышала твою передачу «Андреевский флаг» по радио. Может, пригодится!

Это были снимки спуска со стапелей Адмиралтейского завода линкора «Императрица Мария» и сопроводительное письмо от 30 июня 1915 года. Они принадлежали отцу тети Зои кораблестроителю Николаю Яковлевичу Лушеву. Он был замечательным спортсменом, неоднократным победителем «Балтийских регат». Яхта «Кэт», названная в честь красавицы жены Екатерины Муриной-Лушевой, построенная им, стояла у персонального пирса в Териоках, недалеко от летней дачи семейства Лушевых-Муриных. Николай Лушев на верфях ремонтировал царскую яхту «Штандарт». Он был удостоен звания «Командор парусного класса» русского флота. Зачем царский офицер припрятал эти снимки? Ума не приложу! Может, патриот, верный клятве «Служу Богу, Царю и Отечеству!», решил лично передать снимки Николаю II и раскрыть глаза государю на немецких шпионов, что засели в морском ведомстве... Но взрыв и гибель линкора «Императрица Мария» на Севастопольском рейде 7 октября 1916 года поставили крест на его благом намеренье... А следом революция 1917 года, победа большевиков. Год Н. Я. Лушев как белый офицер сидит в тюрьме на Шпалерке, приговоренный к расстрелу. Матрос Дыбенко выпускает его на свободу, к жене и к малолеткам детям. Лушев строит корабли и торпедные катера на родном заводе Марти, часто ездит на испытания в Севастополь. В 1940 году он пришел с завода домой, поужинал, чем Бог послал, прилег на диван... и заснул навеки. Моя крестная

баба Катя схоронила его на Волковом кладбище, недалеко от могил своих родственников Муриных.

Я показал эти раритеты моему другу радиожурналисту Виктору Бузинову. Мы даже успели сделать передачу о Н. Я. Лушеве. Называлась она «Дом командора» (о домах Лушева по Большому проспекту Васильевского острова 82, 84). Но тут Виктора Михайловича полностью захватила новая история о русской эскадре в Бизерте, куда ушли моряки в 1920 году. Бузинов съездил в Тунис, сделал несколько передач, снял фильм. А когда мы вернулись к истории с «Кортиком», мой друг 6 марта 2006 года скоропостижно скончался. И этот замысел ушел с ним в могилу.

Вот эти снимки линкора «Императрица Мария» и сопроводительное письмо Его Превосходительству помощнику морского министра, вице-адмиралу П. И. Муравьеву, что так и не попали к адресату и долгие годы хранились в семье моей крестной.

Спуск корабля «Императрица Мария» на воду

**РУССКОЕ
СУДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.**

ПРАВЛЕНІЕ,
Петроградъ, Галерная, 63.

Телефонъ № 29-91.

30 мая 1915 г.

№ 2-11/19

Адресъ телеграммъ: Петроградъ, "Руссодъ".

Валы

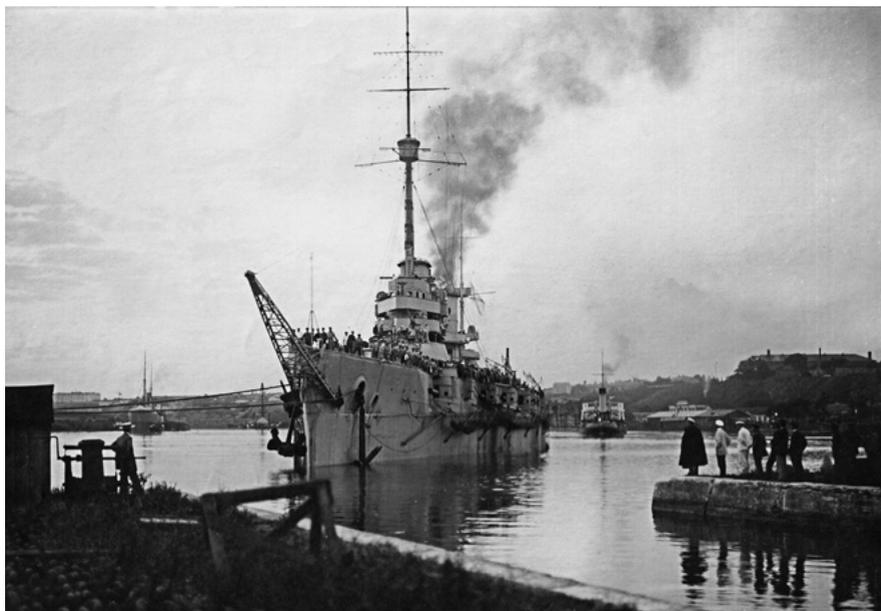
Его Превосходительству Помощнику Морского
Министра Вице-Адмиралу П. И. Муравьеву.

При семъ имѣемъ честь почтительнѣйше препро-
водить Вашему Превосходительству для свѣдѣнія фото-
графическій снимокъ изображающій выходъ линейнаго
корабля "Императрица Марія" съ завода Общества.

Правленіе

Русскаго Судостроительнаго Акціонернаго Общества

Шкриницъ О. Грудешинъ

Концертный зал «У Финляндского вокзала».
Хор Металлического завода им. И. В. Сталина.
Дир. А. А. Мурин. 1962 год

Капелла. Хор любителей пения. Дирижирует А. А. Мурин.
10 лет основания коллектива. 1968 год

Концертный зал «Октябрьский».
Хор любителей пения.
Дир. А. А. Мурин. 1970 год

Мама и я после концерта Е. А. Мравинского в Большом зале
Филармонии. (7-я Ленинградская симфония Д. Д. Шостаковича.)
1947 год

Е. П. Кудрявцева и А. А. Мурин. Капелла. Концерт Хора любителей пения. 70-летие работы Е. П. Кудрявцевой в Капелле. 2001 год

Оглавление

Записки капелльского очевидца.....	3
Вместо предисловия.....	5
Баллада о Казачке.....	6
Молоко сорок второго года.....	7
Судьба Соловухи. <i>Борис Бородай</i>	9
Один из знаменитой династии. <i>Петр Левандо</i>	15
<i>В. К. Владимир Баранов</i>	22
Пятерка пятьдесят второго года.....	25
Счастливыи случай.....	28
Михаил Георгиевич Климов – великий русский музыкант.....	29
Последние уроки великого Учителя. <i>Рассказ мамы</i>	32
Капеллане. <i>Е. П. Кудрявцева, Н. Д. Успенский, П. И. Дурандин</i>	35
Как создавалась книга Е. П. Кудрявцевой «Мой музыкальный век».....	41
<i>Гриня. Г. И. Беззубов</i>	45
Сын хозяйки Голубой гостиной. <i>Леонид Григорьев</i>	46
Наставник. <i>Анатолий Емелин</i>	49
Репетиция хора. <i>Н. В. Михайлов</i>	51
Орхидея. <i>Владимир Васильев</i>	54
Отец Федор. <i>Ф. О. Логунов</i>	55
Сан Саныч. <i>А. А. Патрикеев</i>	56
Модуляция. <i>О книге профессора Олега Соколова</i>	61
Скрипка и рояль. <i>С. А. Аркин, Ю. М. Орешкинская</i>	65
Экзамен.....	68
Первый успех.....	70
Дебют певца. <i>Владимир Атлантов</i>	72
Учитель пения. <i>Р. И. Савейко</i>	74
Пожиратель мячей. <i>И. А. Лозинский</i>	75
Ошибочка. <i>А. А. Соколов</i>	76
Малиновая вода. <i>М. А. Гришина, Валентин Мадер</i>	77
Парино. <i>Вадим Суханов</i>	79
Воскрешение Иксы. <i>И. Б. Кипнис</i>	81
Трояк. <i>Теймураз Кухалев</i>	85

Лекарь от Бога. <i>Семен Степанович</i>	86
Уроки секса.....	86
Грибица. <i>Владимир Грибов</i>	88
Яша-каллиграф. <i>Яков Дубравин-Фрухтман</i>	89
Пан Козлевич. <i>Александр Козловский</i>	90
Трутень. <i>Игорь Трутнев</i>	91
Кузя. <i>Владимир Кузнецов</i>	92
Савелыч. <i>Анатолий Савельев</i>	93
Леон. <i>Леонид Петров</i>	94
Максимка. <i>Владимир Максимков</i>	98
Жека. <i>Евгений Максимков</i>	101
Невероятное событие в Консерватории.....	102
Леший. <i>Станислав Легков</i>	105
Коленька. <i>Николай Мартынов</i>	107
Козырь. <i>Сергей Козырев</i>	112
Купание капелльских кобелей. <i>Андрей Титов, Вадим Суханов</i>	113
Великий китаец Га Му Линь. <i>Анатолий Гамулин</i>	114
Чумпэ. <i>Петр Чумаков</i>	117
Банан. <i>Игорь Петров</i>	119
Скворушка. <i>Юрий Скворцов</i>	120
Цеска. <i>Герхард Цес</i>	122
Слава. <i>Владислав Чернушенко</i>	122
Прощеное воскресенье.....	124
Неслучайные встречи	125
Нафталин.....	127
Малые дети.....	128
Напутствие.....	130
Это ж опера! <i>О сочинении Д. А. Толстого «Сорок первый»</i>	131
Встреча с Н. А. Малько.....	134
Призыв судьбы. <i>Роберто Бенци</i>	136
История с Глинкой.....	138
Идет верблюд... <i>Белочка и Генка Ординарец</i>	140
Миноги.....	144

Заграничное чудо.....	147
Петербургская ошибка.....	148
Лопыри. <i>А. П. Лопырев</i>	150
Музыкальный Гулливер. <i>К. И. Элиасберг</i>	153
Пишта. <i>Музыка с человеческим лицом</i>	157
Человек, который умел удивляться. <i>Г. А. Максименко</i>	159
Встреча с Давидом. <i>Д. И. Золотницкий</i>	161
Титан. <i>К 110-летию со дня рождения С. С. Гейченко</i>	164
<i>Колокола</i>	164
Сказ о великом поэте.....	167
Сказ о великом актере.....	168
Песенка дяди Миши.....	170
Танец маленьких лебедей.....	171
Вика.....	172
Стихи друга. <i>П. Н. Гроздов</i>	172
Вступительное слово перед концертом в зале Капеллы 22 декабря 1985 года.....	175
Письмо кошки Мурки коту Василию <i>к 40-летию В. А. Козырева</i>	177
О, море в Гаграх! <i>Письмо Валериану Грушко</i>	178
«Бах спросил у Бахтина...» <i>В. С. Бахтин</i>	182
Три театральные байки.....	185
<i>Как возникла система</i>	185
<i>Как родилась знаменитая книга</i>	186
<i>ЦРУ (экзамен во ВГИКе)</i>	187
Партизан Давыдов. <i>А. З. Давыдов</i>	187
Митрофановы.....	188
Письмо Борису Тищенко <i>к 60-летию со дня рождения</i>	190
НЛО (Мусоргский).....	192
Гозенпуд – Знаний Пуд.....	193
Публика – дура. <i>А. И. Хачатурян</i>	194
Рыдала гитара. <i>С. А. Сорокин</i>	196
Совет шамана. <i>Закон волков</i>	200
Отсебятина. <i>В. Н. Салманов</i>	201
Александр Васильевич Свешников.....	203
Клавдий Борисович Птица.....	208

Шутка дяди Саши. <i>А. А. Юрлов</i>	211
Как отпевали Ахматову.....	212
Что у вас, ребята, в рюкзаках? <i>Ю. М. Зарицкий</i>	215
Кира. <i>К. Ю. Лавров</i>	217
Руки.....	219
Как рыбка в сетях.....	219
И на Марсе.....	221
Случай с Огоньком.....	221
Дегустатор.....	222
Ютта.....	223
Фото с королевой.....	224
Свинья.....	226
Тон.....	227
Сосны-сосенки. <i>Как Соловьев-Седой спас Пахматову</i>	229
Антимарксистская песенка.....	231
Как учил Палладий.....	232
Режут по живому. <i>Памяти Юрия Красавина</i>	234
<i>Критику стихов Юрия Красавина</i>	234
Город солнца Юрия Красавина.....	237
О книге Юрия Красавина «Росяница».....	239
Зиночка. <i>Liebe Tante. З. И. Смирнова</i>	241
Как мы штурмовали аэропорт.....	247
Дорогой Додик. <i>Д. Г. Клеймиц</i>	250
Звезда по имени Хиль.....	253
Картошка. <i>Хохма Эдуарда Хиля</i>	259
Индийская гробница.....	261
Наряд вне очереди.....	265
Пилотка.....	266
Флейта.....	267
Какой я мельник?.....	268
Просто Гриша! <i>Юрий Фалик</i>	269
Липа.....	269
Премьера в Очень Большом.....	271
Попытка реконструкции.....	271
Тайна «Императрицы Марии».....	276

Александр Алексеевич Мурин

Записки капелльского очевидца.
Неслучайные встречи

Вёрстка – М. А. Мурина

Корректурa – Е. П. Воронова

Предпечатная подготовка – Д. А. Кузьмичев

При поддержке kapellanin.ru

Контактные данные:

Мурина Мария

matu@ya.ru, +7 904 5150037

Тираж 300 экз. Заказ № 1114

Отпечатано в ООО «Студия „НП-Принт“»/«Галерея печати»

Санкт-Петербург

2015 год